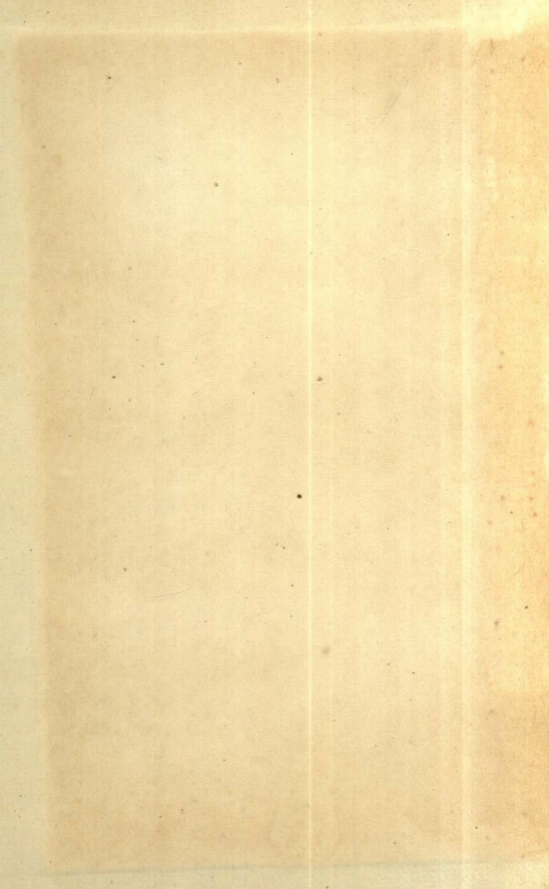

РЫЛЕЕВ

50

Q

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Малая серия · Второе издание

Редакционная коллегия:

И. А. ГРУЗДЕВ, В. П. ДРУЗИН,

А. М. ЕГОЛИН, А. А. ПЛОТКИН,

А. А. ПРОКОФЬЕВ, В. М. САЯНОВ,

И. В. СЕРГИЕВСКИЙ, Г. Э. СОРОКИН,

Н. С. ТИХОНОВ

С о в е т с к и й л и с а т е л ь

К. РЫЛЁВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Вступительная статья
редакция
и примечания
Н. И. МОРДОВЧЕНКО

С о в е т с к и й л и с а т е л ь

Малая серия № 57

К. Ф. РЫЛЕЕВ

Кондратий Федорович Рылеев принадлежит к плеяде замечательных деятелей декабристского движения. Дворянин по происхождению, литератор по своей профессиональной деятельности, Рылеев сыграл выдающуюся роль в Северном тайном обществе декабристов: он был главою и руководителем левого крыла Северного общества, он организовал и вдохновлял вооруженное восстание на Петровской площади 14 декабря 1825 года.

«Дворяне дали России Биронов и Аракчеевых, — указывал Ленин, приводя слова Герцена, — бесчисленное количество «пьяных офицеров, забияк, картежных игроков, героев ярмарок, псарей, драчунов, секунов, серальников» до прекраснодушных Маниловых. «И между ними, — писал Герцен, — развились люди 14 декабря, фаланга героев, выкормленных, как Ромул и Рем, молоком дикого зверя... Это какие-то богатыри, кованые из чистой стали с головы до ног, воинсподвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой

жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и раболепия».¹ К числу таких воинов, вышедших сознательно на явную гибель, к фаланге героев декабристского движения относится и Рылеев.

К. Ф. Рылеев родился 29 сентября (н. с.) 1795 года в с. Батове, Софийского уезда Петербургской губернии, в семье подполковника Ф. А. Рылеева. Образование Рылеев получил в Первом петербургском кадетском корпусе, где уже наметилась его «склонность к словесным наукам». Будущему поэту было семнадцать лет, когда началась Отечественная война, оказавшая огромное влияние на его идейное развитие.

Воодушевленный патриотическими чувствами, юный Рылеев пишет свои первые произведения — оду «На гибель врагов» и оду «Любовь к отчизне». Последняя ода была посвящена скончавшемуся в 1813 году главнокомандующему русской армией М. И. Кутузову:

Хвала, отечества спаситель!
Хвала, хвала, отчизны сын!
Злодейских замыслов рушитель,
России верный гражданин,
И бич и ужас всех французов! —
Скончался телом ты, Кутузов,
Но будешь вечно жив, герой —

¹ В. И. Ленин. Сочинения, 2-е изд., т. XV, стр. 464.

И в будущие веки славен,
И не дерзнет уж враг злонаравен
России нарушать покой! . .¹

Ранние стихотворные опыты Рылеева, несмотря на их ученический характер, по своим темам предвещали, однако, ведущие начала всей жизни и деятельности будущего декабриста.

После окончания кадетского корпуса, в феврале 1814 года, Рылеев был выпущен прапорщиком в конную артиллерию и тотчас же выехал в действующую армию, находившуюся за границей. Два года с небольшим перерывом провел Рылеев в походах по Германии, Швейцарии и Франции; ему пришлось останавливаться и жить в Дрездене и Париже.

Заграничные впечатления Рылеева были так глубоки, они настолько захватили его, что литературные интересы на время отошли у него на второй план. Впоследствии, на допросах следственной комиссии по делу декабристов, Рылеев показывал: «Свободо-мыслием первоначально заразился я во время походов во Франции в 1814 и 1815 годах; потом оное постепенно возрастало во мне

¹ Ода „Любовь к отчизне“ (1813), не вошедшая ни в одно издание сочинений Рылеева, была найдена и впервые опубликована полностью только в 1939 году — см. „Записки отдела рукописей“ Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина. Вып. III, Декабристы. М. 1939, стр. 5—8.

от чтения разных современных публицистов, каковы Биньон, Бенжамен Констан и другие». ¹

В конце 1815 года, по возвращении из походов, Рылеев вместе с своей ротой был назначен в Острогожский уезд Воронежской губернии, где он и прослужил три года, а затем вышел в отставку и вскоре переехал в Петербург. Здесь, в январе 1821 года, он был избран заседателем в палату уголовного суда, оставаясь в этой должности до весны 1824 года. Даже Н. Греч, в своих мемуарах старавшийся всячески очернить декабристов, все же счел нужным отметить, что «Рылеев служил усердно и честно, всячески стараясь о смягчении судьбы подсудимых, особенно простых, беззащитных людей».

В Петербург Рылеев приехал еще не будучи известен как поэт. Печататься он начал только в 1820 году, когда ему было 25 лет. Стихотворения Рылеева до 1820 года носили главным образом подражательный характер. Это были песни, романсы, стихотворения на случай и другие подражательные опыты в духе школы Жуковского и Батюшкова.

Литературную известность принесла Рылееву его сатира «К временщику», опубликованная в «Невском Зрителе» 1820 года. Эта сатира явилась вместе с тем и началом

¹ Восстание декабристов, т. I. М., 1925, стр. 156.

революционной деятельности Рылеева. В образе «надменного временщика», «коварного и подлого», современники узнали Аракчеева, всесильного фаворита Александра I, организатора «военных поселений». Исключительная злободневность сатиры Рылеева была обусловлена напряженной политической обстановкой — внутренней и международной. В эту пору разворачивались события испанской революции, а осенью 1820 года, накануне появления сатиры, в Петербурге произошло восстание лейб-гвардии Семеновского полка.

С 1820 года Рылеев сотрудничает в передовых петербургских журналах и вступает в литературные организации. В апреле 1821 года он был избран членом руководимого Ф. Н. Глинкой Вольного общества любителей российской словесности. Здесь завершилось литературно-политическое воспитание Рылеева и он выдвинулся в ряды главнейших и активнейших участников Общества.

С каждым годом литературно-политические связи Рылеева все более и более расширялись. Он сблизился с Н. И. Гнедичем, которого считал своим руководителем в области гражданской поэзии, встретился и познакомился с крупнейшим деятелем декабризма Н. И. Тургеневым, наконец дружески сошелся с А. А. Бестужевым и И. И. Пущиным. А. А. Бестужев вскоре же стал едино-

мышленником Рылеева по революционной и литературной работе; совместно с ним Рылеев выступил издателем альманаха «Полярная Звезда» (1823—1825). И. И. Пущин больше года был сослуживцем Рылеева в петербургской палате уголовного суда; он же ввел Рылеева в Северное тайное общество.

Рылеев был дружески связан с Е. А. Баратынским (чьи стихотворения он собирался издавать), А. А. Дельвигом, П. А. Вяземским и, наконец, с Пушкиным, с которым он познакомился в Петербурге еще до высылки его на Юг. Встретиться с Пушкиным после 1820 года Рылееву так и не пришлось, но они вели переписку, особенно интенсивную в 1825 году. Познакомился и также близко сошелся Рылеев с великим польским поэтом А. Мицкевичем, в 1825 году высланным по распоряжению царского правительства из Польши в Петербург на службу.

В Северном тайном обществе, куда Рылеев вступил в октябре 1823 года, он сразу же занял видное положение. В это время главное внимание членов Общества было сосредоточено на обсуждении и критике проекта конституции Никиты Муравьева, который предусматривал сильную исполнительную и военную власть императора, а также очень высокий имущественный ценз для избирателей. Рылеев соглашался с конституционной монархией, но резко критиковал систему

имущественного ценза, считая необходимым введение в России демократического государственного устройства по образцу Соединенных Штатов Америки. Расходясь, таким образом, по существеннейшим пунктам с Никитой Муравьевым, Рылеев, однако, вплоть до весны 1824 года оставался сторонником Н. Муравьева и Н. Тургенева в вопросе о конституционной монархии. Надежды Рылеева на «просвещенного монарха», который сможет выполнить широкую программу социально-политических реформ, — эти надежды отразились в таких одах Рылеева, как «Видение» и «Гражданское мужество». В «Гражданском мужестве» воспевались доблести адмирала Н. С. Мордвинова, одного из кандидатов Северного общества в члены будущего Временного правительства.

Ода «Видение» была обращена к пятилетнему царевичу Александру (будущему Александру II), которого декабристы одно время предполагали возвести на престол.

Люби глас истины свободной,
Для пользы собственной люби,
И рабства дух неблагородной —
Неправосудье истреби.

Так обращался поэт к будущему царю. Эти и другие строки из оды Рылеева Герцен впоследствии взял эпиграфом для своего «Письма к императору Александру II», которым открывалась первая книга «Полярной

Звезды на 1855 год». В «эпоху реформ» ода «Видение» широко использовалась в легальной и нелегальной печати.

Но Рылеев не остановился на конституционно-монархической программе. Весной 1824 года он уже отошел от этой программы. В идейно-политической эволюции Рылеева большое значение имели его встречи и беседы с П. И. Пестелем, который в марте 1824 года приезжал в Петербург для совещания с вождями Северного общества (С. П. Трубецким, Н. М. Муравьевым и др.) по вопросу о соединении Северного и Южного обществ и согласованию революционной работы. Споры с Пестелем оставили глубокий след в настроениях Общества: резкое сопротивление республиканской и демократической программе Пестеля, его якобинским тенденциям оказали С. П. Трубецкой и Н. М. Муравьев; наоборот, на других северян, в частности на Рылеева и Е. П. Оболенского, идеи Пестеля произвели огромное впечатление. Весной 1824 года и начинается идейное расслоение Северного общества, постепенный отход правых элементов от руководства революционной работой и оформление левого крыла, руководителем которого и стал Рылеев. Именно под влиянием Пестеля от конституционно-монархических взглядов Рылеев перешел к республиканским и демократическим позициям, к якобинской программе «южан». Широкие планы Пес-

теля, его решительность и принципиальность внесли энергию в атмосферу Северного общества.

Весной 1824 года Рылеев, по рекомендации адмирала Н. С. Мордвинова, был назначен правителем канцелярии Российско-американской торговой компании, привлекавшей и других декабристов перспективой налаживания связей с оппозиционно настроенной частью купечества.¹ В течение второй половины 1824 года и всего 1825 года деятельность Рылеева достигла исключительной широты и напряженности. Наряду со служебной работой Рылеев вел большую подпольную революционную работу, вместе с Бестужевым он издавал «Полярную Звезду» и много времени отдавал поэтическому творчеству.

Совместно с Бестужевым Рылеев писал агитационные песни, явившиеся в России одним из ранних опытов революционной литературы с агитационно-пропагандистским назначением. «Рабство народа, тяжесть притеснения, несчастная солдатская жизнь изображались в них простыми словами, но верными красками», — вспоминал об агитационных песнях декабрист Н. Бестужев. В основу своих песен Рылеев и Бестужев положили формы крестьянского, солдатского и мещан-

¹ С. Б. Окунь. Российско-Американская компания М.—Л. 1939, стр. 101—109.

ского фольклора, заполнив их политически актуальной тематикой. Одна из лучших песен «Ах тошно мне» была написана на голос популярного романса Нелединского-Мелецкого, вошедшего в народ. Простыми словами говорилось в этой песне о торговле крепостными людьми, «как скотами», о непосильных налогах, о продажности суда и духовенства и пр. На голос «подблюдных» песен была написана другая замечательная песня — «Уж как шел кузнец», в которой шла речь о «ножах на бояр, на вельмож», «на попов, на святош» и на царя.

К произведениям Рылеева с ярко выраженной пропагандистской установкой относятся и знаменитый «Гражданин».

Песню «Ах тошно мне» и «Гражданина» Рылеев еще в августе 1824 года передал декабристу М. И. Муравьеву-Апостолу при его отъезде из Петербурга на Юг для нелегального распространения. Так, по крайней мере, показывал сам Рылеев следственной комиссии по делу декабристов. По отношению к «Гражданину» есть и другая версия: по словам декабристов И. И. Пущина и Н. А. Бестужева, «Гражданин» якобы был написан в декабре 1825 года, т. е. незадолго до восстания.

«Гражданин» сделался одним из самых знаменитых памятников политической лирики декабризма. Стихи эти распространялись в многочисленных нелегальных списках как

Либъ бду въ покое зрѣвъ
Поздравь Графъ Димитра сая,
И подражатъ мнѣ повисеное намъ
Паредобившихъ е Славенъ
Номъ, неосотомъ & в обломвѣхъ видъ самъ
Въ ^{различнѣ} ~~различнѣ~~ празднествъ влечетъ мнѣ брѣвъ
И крививамъ канцлеръ Душю младш;
Лодѣ мѣжкомъ мномъ самовлечетъ.
Тучювъ рокомъ еванъ не расгадетъ судити
Помышляютъ какомъ предъзнасакѣ вѣка
И неготовленъ дѣлъ будущей брѣви
Въ чужестранную свободу, слободу
Тучювъ и младшю Душю брѣсаетъ елѣдъ.
На брѣдѣхъ еванъ отлежитъ, бурѣ
И непомышлятъ въ мнѣ брѣдѣхъ еванъ
И справедливѣе помышлятъ укориснѣ.
Она раскажетъ, куда народъ везетъ,
Застадаетъ елъ еванъ еванъ празднѣхъ
И о бурнѣхъ мнѣтъ мнѣ слободѣ елъ правъ
Въ мнѣ не мнѣ дѣлѣ мнѣ брѣхъ, мнѣ Рѣдъ

Автографъ стихотворения К. Рыльева
„Гражданин“

прокламация, зовущая на борьбу с самодержавием. Следует отметить, что в манифесте большевизма, в работе «Что делать?», Ленин перефразирует строку из «Гражданина» («позорить гражданина сан»), обосновывая свой план организации профессиональных революционеров.¹

В начале 1825 года на место кн. С. П. Трубецкого, уехавшего в Киев, Рылеев был избран членом Думы Северного общества и «усугубил свою деятельность». Рылеев буквально горел на революционной работе. Он принял в Тайное общество Н. А. Бестужева, П. Г. Каховского, А. И. Одоевского и многих других; через В. И. Штейнгеля в интересах Общества он пытался нащупать связи с московским купечеством; он энергично подбирал людей для своей организации; он неустанно вел революционную агитацию и пропаганду. К весне 1825 года относится сближение Рылеева по политическим и литературным вопросам с А. С. Грибоедовым и В. К. Кюхельбекером.

В ходе подготовки к революции Рылеев рос и как поэт. В 1825 году отдельными книжками вышли в свет сборник его «Думы» и поэма «Войнаровский». Над думами Рылеев работал с 1821 до начала 1823 года, печатая их в разных журналах. «Войнаровский» был написан в 1823 году, когда думы

¹ В. И. Ленин, Сочинения, 2-е изд., т. IV, стр. 458.

были уже оставлены. Несмотря на одновременный выход в свет, «Думы» и «Войнаровский» принадлежат к разным этапам идейно-художественной эволюции Рылеева. Политическое направление «Дум», сложившихся еще под непосредственным воздействием программы Союза Благоденствия, было весьма умеренным. Напротив, «Войнаровский» насыщен уже мятежным пафосом, переходящим в боевые призывы к восстанию против деспотизма.

Задачей Рылеева в думах являлось художественное воскрешение исторических образов для воспитания «сограждан подвигами предков». Обращение к национальной истории было связано у Рылеева с новым романтическим пониманием прошлого, с вопросом о народности искусства. «Думы» Рылеева давали портретные характеристики ряда деятелей русской истории, начиная с легендарных времен («Олег Вещий», «Ольга при могиле Игоря», «Святослав» и др.) и кончая XVIII веком («Волинский», «Наталья Долгорукова» и «Державин»). Самый отбор имен был показателен для поэта-декабриста. Герои «Дум» Рылеева — это смелые обличители зла и несправедливости, народные вожди, пострадавшие за любовь к родине. Здесь и борцы за освобождение народа от иноземных захватчиков («Дмитрий Донской», «Богдан Хмельницкий»), и военачальники («Олег Вещий», «Святослав», «Ермак»),

и пламенные патриоты, гибнущие за свой народ («Иван Сусанин», «Михаил Тверской»). Чувством глубокого патриотизма проникнуты все думы. Рылеев зовет к борьбе с тиранами, но он с ненавистью относится к таким историческим деятелям, которые опираются на иноземные силы. В связи с этим характерно, что «Дмитрия Самозванца» Рылеев характеризует как «хищника власти» и «преступного царя».

Среди дум, которые остались не напечатанными при жизни Рылеева, есть и думы, связанные с образами Новгородской вольницы. Таковы думы о Марфе Посаднице и о Вадиме, защитнике древних прав вольного Новгорода.

Самый жанр дум сложился у Рылеева под влиянием украинской народной поэзии — так назывались народные песни исторического характера. Тематическим источником большинства дум послужила для Рылеева «История Государства Российского» Карамзина. Следует подчеркнуть, что идейной зависимости от Карамзина в думах не было; поэт резко расходился с ним политически, используя, однако, труд Карамзина, как единственное в 20-е годы обобщающее историческое исследование по истории России.

Еще до того, как думы Рылеева были изданы отдельной книжкой, в критике завязалась дискуссия, посвященная выяснению жанрового своеобразия дум. В статье «Взгляд

на старую и новую словесность в России» друг и единомышленник Рылеева Бестужев отметил, что «Рылеев, сочинитель дум или гимнов исторических, пробил новую тропу в русском стихотворстве, избрав целию возбуждать доблести сограждан подвигами предков». ¹

Критик «Русского Инвалида», возражая Бестужеву, высказал сомнение в новаторстве Рылеева и указал на то, что жанр думы заимствован из польской литературы. ² Критик имел в виду «Исторические гимны» польского поэта Немцевича, которого Рылеев действительно очень ценил и с которым состоял в переписке. Однако в ра-работке национально-исторической темы Рылеев не был подражателем, а шел своим собственным путем. Характерно поэтому, что в издании сборника «Дум» одну думу («Олег Вещий») Рылеев сам демонстративно выделил, как подражательную, и поместил ее в сборнике со ссылкой на Немцевича, для того чтобы отвести дальнейшие подозрения в оригинальности своего творчества. Что же касается до сомнений критика «Русского Инвалида» в национальном характере самого жанра дум — на все эти сомнения ответил Бестужев в особой статье. ³ Он настаивал на том,

¹ „Полярная Звезда на 1823 год“.

² „Русский Инвалид“ 1823, № 4, статья за подписью „К“.

³ „Сын Отечества“ 1823, т. 83, № 4, стр. 174—190.

что «думы есть общее достояние племен славянских», что они выросли на почве устного народного творчества и что самый жанр думы «поместить должно в разряд чистой романтической поэзии». Определяющим признаком думы, с точки зрения Бестужева, являлась национально-историческая тема в субъективно-лирической трактовке, что он особенно подчеркивал: «дума не всегда есть размышление исторического лица, но более воспоминание автора о каком-либо историческом происшествии или лице, и нередко олицетворенный об оных рассказ».

Действительно, в рылеевских думах был осуществлен неизменный принцип романтического искусства: стиль монологов исторических лиц и авторского повествования по существу не различались между собой. Образ автора в думах являлся не переменным спутником исторических героев. Интерес и значение дум заключался совсем не в поэтическом воспроизведении прошлого, а именно в образе автора, поэта и гражданина, который стоит за стихами, в том образе, который объединяет весь цикл дум в единое целое.

В монологах «Дмитрия Донского», говорящего о «былой свободе праотцев», или в речах Волынского например, мы слышим голос самого поэта с его патриотическими призывами, чаяниями и надеждами. Все рылеевские исторические герои сходятся к

одному центру, к одному образу человека-героя декабристской эпохи со всеми особенностями его мирозерцания, с характерной символикой его поэтического языка («тиран», «гражданин», «общественное благо», «вольность» и т. д.).

«Думы Рылеева и целят, а всё не попад», — писал Пушкин в конце мая 1825 года Жуковскому, а в письме к Вяземскому отзывался о думах еще более резко. В письме к самому Рылееву Пушкин сочувственно выделил лишь две вещи: «Петра Великого в Острогожске» — думу, «окончательные строфы» которой он нашел «чрезвычайно оригинальными», и «Ивана Сусанина», «первую думу, по коей начал подозревать в Рылееве истинный талант».

В общем неблагоприятное отношение Пушкина к думам Рылеева станет совершенно понятным, если мы учтем, что Пушкин стремился к изживанию автобиографизма в изображении своих героев, к преодолению их субъективно-лирического характера. В 1823 году Пушкин начал работу над «Евгением Онегиным», где перед ним стояла проблема объективного героя, объясненного общественной обстановкой и средой. Рылеев же, напротив, утверждал в своем творчестве субъективно-лирического героя. Недаром он так восхищался «Кавказским пленником» и «Бахчисарайским фонтаном», а первую главу «Евге-

ния «Онегина» считал ниже романтических поэм Пушкина.

Понимание объективной логики исторического процесса Рылееву было еще недоступно, как оно было недоступно всему его поколению. Только Пушкин сумел дойти до великой идеи законосообразности исторического процесса, которая и дала ему возможность создания «Евгения Онегина» и «Бориса Годунова». Рылееву же история представлялась как непреоборимая стихийная сила, роковым образом вовлекающая людей в борьбу «свободы» и «самовластья». Рылеев был идеалистом-мечтателем, революционером-романтиком, у которого героические и мужественные начала связаны были с возвышенными иллюзиями и мечтами. Романтическим мировоззрением обусловлено было у Рылеева и его представление о поэте как об избраннике-гражданине, миссия которого заключается в преобразовании действительности.

Свое понимание задач поэта Рылеев сформулировал в следующих стихах:

О так! нет выше ничего
Предназначения Поэта:
Святая правда — долг его;
Предмет — полезным быть для света.
. . .К неправде он кипит враждой,
Ярмо граждан его тревожит;
Как вольный славянин душой
Он раболепствовать не может.

Повсюду тверд, где б ни был он—
Наперекор судьбе и року;
Повсюду честь ему закон,
Везде он явный враг пороку.
Греметь грозой противу зла
Он чтит святым себе законом
С спокойной важностью чела
На эшафоте и пред тронем.
Ему неведом низкий страх,
На смерть с презрением взирает
И доблесть в молодых сердцах
Стихом свободным зажигает.¹

Представление о поэте как об избраннике-гражданине, учителе и бойце определило и специфические творческие принципы Рылеева. Он отказался от жанров камерной салонной поэзии, которым он отдал дань в период своего ученичества. Подобно Грибоедову и Кюхельбекеру, Рылеев обратился к высокой патетической оде, к сатире, к посланию, т. е. к тем жанрам, которые культивировали поэты XVIII века. Так, знаменитая сатира Рылеева «К временщику» по особенностям языка, метрической схемы и риторического построения близка сатирам XVIII века. «Послание Н. И. Гнедичу» поэт сам характеризовал как подражание Буало, а ода «Видение» по своей тематике и компо-

¹ Из первоначальной редакции думы «Державин»

зиции связана с традициями классических од Державина и Карамзина. Характерные особенности высокого классического стиля очевидны и в таких одах Рылеева, как «Гражданское мужество» и «На смерть Бейрона». Однако классицизм Рылеева отнюдь не был простой реставрацией старинных поэтических жанров. Уже Радищев обновил и обогатил старые классические традиции опытом французской политической декламационной поэзии, выросшей накануне революции 1789 года. Работа Радищева имела огромное значение для судеб русской гражданской лирики. Вслед за Радищевым гражданская лирика культивировалась группой его учеников (Пнин, Борн, Попугаев, Остолопов и др.), Н. И. Гнедичем, В. Ф. Раевским, Ф. Н. Глинкой, наконец молодым Пушкиным. В начале своей поэтической деятельности Пушкин обращается к высокому классическому стилю и в знаменитой революционной оде «Вольность» и в послании «Лицинию» еще за несколько лет до напечатания рылеевской сатиры «К временщику».

Самый жанр дум, связанный с романтическим переосмыслением исторического прошлого, вобрал в себя также и нормы классической поэтики. Не только в особенностях языка и композиции, но и в методах подхода к историческому материалу — в элементах риторики и дидактики — думы

во многом продолжили классические традиции.

На новую дорогу Рылеев выходил в «Войнаровском» — романтической поэме байронического типа. Учителями Рылеева в этой его поэме были Пушкин и Байрон. У Пушкина Рылеев, по его собственному признанию, учился стихотворному языку. В Байроне он, как и другие декабристы, видел «врага тиранов» и борца за независимость Греции. Байрон для Рылеева был великим авторитетом в области поэтического искусства.

«Войнаровекий» — большая поэма из исторического прошлого Украины. Герой поэмы — племянник Мазепы и ближайший участник в его заговоре против Петра I. После смерти Мазепы Войнаровский бежал за границу, но потом был выдан русскому правительству и сослан в Якутскую область. Время действия поэмы — тридцатые годы XVIII века. Историк Миллер, путешествуя в Сибири, встречает вблизи Якутска ссыльного Войнаровского, и тот рассказывает ему о своей жизни, о Мазепе и об участии в заговоре.

Изменника и предателя Мазепу сам Рылеев называл «великим лицемером, скрывающим свои злые намерения под желанием благодать родине». История Войнаровского в поэтическом изображении Рылеева — это история благородного и пылкого молодого человека,

искренне поверившего Мазепе и соvrащен-ного им на путь измены.

Рылеев наделил своего героя таким же свобододолюбием, каким обладал он сам. Поэта прежде всего интересовала возможность использования избранного им сюжета в целях борьбы с самодержавием. Поэтому, также как в думах, образ автора сливается в поэме с образом Войнаровского. Поэтому в речах Войнаровского мы слышим голос трибуна и гражданина, борющегося за «свободу человека», за его «свободные права» против «тяжкого ига самовластья». Как романтик, Рылеев меньше всего интересовался воссозданием подлинного исторического смысла заговора Мазепы против Петра I. Рылеев идеализировал образ Мазепы и дал его в противоречии с исторической правдой. Возвышая Войнаровского, Рылеев возвысил и Мазепу, снизив тем самым прогрессивное значение дела Петра. Именно это обстоятельство отметил впоследствии Пушкин, который нашел в рылеевском образе Мазепы «своевольное искажение исторического лица». Критические замечания по поводу «Войнаровского» Пушкин сделал в предисловии к «Полтаве», замысел которой сложился отчасти в связи с впечатлениями от поэмы Рылеева.

Пушкин критиковал и оценивал «Войнаровского» с глубоко реалистических позиций. Романтическая субъективность «Войнаров-

ского» была неприемлема для Пушкина и в 1825 году, в пору его переписки с Рылевым, и позже, при создании «Полтавы». В «Полтаве» Пушкин дал, в противовес Рылеву, исторически правдивый образ Мазепы как изменника родины, сняв с него героический ореол. Расхождения с Рылевым не мешали, однако, Пушкину считать «Войнаровского» серьезным художественным достижением поэта-декабриста. «Рылева Войнаровский, — писал Пушкин А. Бестужеву 12 января 1824 года, — несравненно лучше всех его «Дум», слог его возмужал и становится истинно-повествовательным, чего у нас почти еще нет». «С Рылевым мирюсь, — замечал Пушкин, — Войнаровский полон жизни» (письмо к брату от 6 января 1824 года).

Жанр романтической поэмы с агитационно-пропагандистской установкой Рылеев продолжал разрабатывать и позже, уже после написания «Войнаровского». «Очень рад, что Войнаровский понравился тебе, — писал Рылеев Пушкину 12 февраля 1825 года. — В этом же роде я начал Наливайку и составляю план для Хмельницкого. Последнего хочу сделать в 6 песнях; иначе не все выскажешь». Работу над новыми поэмами остановили декабрьские события. Рылеев успел опубликовать три отрывка из поэмы о Наливайке («Смерть Чигиринского старосты», «Киев» и «Исповедь Наливайки») и два отрывка из новой поэмы о Мазепе («Гай-

дамак» и «Палей»); что же касается до «Богдана Хмельницкого», то мы знаем только со слов Ф. Н. Глинки, будто Рылеев начал писать трагедию и «намеревался объехать разные места Малороссии, где действовал сей гетман, чтобы дать историческую правдоподобность своему сочинению». Рукописи и черновики поэмы о Наливайке, а частью и поэмы о Мазепе сохранились в литературном архиве Рылеева и со всей тщательностью были изучены и полностью изданы только в советские годы. Рукописей же «Хмельницкого» и даже плана трагедии до нас не дошло.

«Наливайко», «Мазепа», «Хмельницкий» — все три незавершенные произведения Рылеева были посвящены историческому прошлому Украины и Запорожья. Особенно далеко подвинулась вперед в смысле разработки поэма о Наливайке. Судя по дошедшему до нас плану поэмы, Рылеев задумал большое историческое полотно: в плане перечислены такие эпизоды, как «притеснения и жестокости поляков», «восстание народа», поход, сражение и т. д.

Если в «Войнаровском» монолог героя был главным организующим элементом произведения, то в «Наливайке» центр тяжести переносился на объективное повествование, которое ведет сам автор. Вследствие этого сюжет поэмы стал динамичнее, а лири-

ческие партии героя получили большую напряженность. В «Войнаровском» была налицо любовная интрига (образ юной казачки) — в «Наливайке» любовная интрига устранена вообще.

Героем поэмы является Наливайко, поднявший знамя народного восстания против польского гнета. Страдания народа, беззаветная любовь к соотечественникам и родине вдохновляют Наливайко на борьбу. Народное, общественное дело для Наливайки стало его личным делом. Романтический образ Наливайки — это образ такого героя, который живет жизнью народа, его чувствами, видит его глазами:

Но вековые оскорбленья
Тиранам родины прощать
И стыд обиды оставлять
Без справедливого отмщенья —
Не в силах я: один лишь раб
Так может быть и подл и слаб.
Могу ли равнодушно видеть
Порабощенных земляков? . .
Нет, нет! Мой жребий: ненавидеть
Равно тиранов и рабов.

В «Наливайке» в гораздо более яркой степени, чем в «Войнаровском», современники без труда угадывали открытый призыв к борьбе с самодержавием. Слова Наливайки звучали как слова самого Рылеева. Агита-

ционно-пропагандистский смысл поэмы особенно обнажен в «Исповеди Наливайки»:

Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа,—
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?
Погибну я за край родной,—
Я это чувствую, я знаю . . .
И радостно, отец святой,
Свой жребий я благословляю.

«Когда Рылеев писал исповедь Наливайки, — вспоминал в своих мемуарах декабрист Н. А. Бестужев, — у него жил больной брат мой Михаил Бестужев. Однажды он сидел в своей комнате и читал, Рылеев работал в кабинете и оканчивал эти стихи. Дописав, он принес их брату и прочел. Пророческий дух отрывка невольно поразил Михаила. «Знаешь ли, — сказал он, — какое предсказание написал ты самому себе и нам с тобою? Ты, как будто, хочешь указать на будущий свой жребий в этих стихах». — «Неужели ты думаешь, что я сомневаюсь хоть минуту в своем назначении? — сказал Рылеев. — Верь мне, что каждый день убеждает меня в необходимости моих действий, в будущей погибели, которою мы должны купить нашу первую попытку для

свободы России, и вместе с тем в необходимости примера для пробуждения спящих россиян».

Предчувствие поражения и гибели — характерная черта облика Рылеева как революционера и политического мыслителя. Но он не боялся поражения, а на гибель он сознательно шел, показывая пример беззаветной преданности родине и свободе.

С личностью Рылеева неразрывно связана и его поэзия. В «Думах», в «Войнаровском» и, наконец, особенно ярко в «Наливайке» героическая тема борьбы против тирании и деспотизма сочетается у Рылеева с мотивами неминуемого поражения и неизбежной гибели, на которую идут его герои, так же как шел он сам. «Его поэзия полна меланхолической покорности провидению, — писал о Рылееве Герцен: не много надежд, но много самопожертвования. Он идет на каторгу или на смерть; он это знает, но спрашивает: «Где же вы видели, чтобы свободу завоевывали без жертв?» — «Я знаю, — говорит казак Наливайко исповедывающему его попу, — я знаю, что меня ожидает, но я благословлю свою судьбу с радостью». Вот Рылеев — весь».

С ноября 1825 года Рылеев стал вождем Северного тайного общества декабристов. Ему и суждено было вдохновлять и возглавлять вооруженное восстание 14 декабря. В деле подготовки к восстанию Рылеев развернул кипучую деятельность; утром же

14 декабря он энергично инструктировал членов Тайного общества, а затем находился в рядах восставших воинских частей на Петровской площади.

После поражения восстания Рылеев был арестован и заключен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости. В тюрьме Рылеев пробыл полгода и пережил глубокую душевную трагедию. Борьба за «свободу отечества» была насильственно прервана, и поэтом овладели религиозно-мистические настроения. Но и в пору тяжелой моральной депрессии Рылеев еще был полон восторженной экзальтации и его не оставляла готовность умереть за свои убеждения. Он писал в своих тюремных стихах:

И плоть, и кровь преграды вам поставит,
Вас будут гнать и предавать,
Осмеивать и дерзостно бесславить,
Торжественно вас будут убивать.
Но тщетный страх не должен вас тревожить,
И страшны ль те, кто властен жизнь отнять,
Но этим зла вам причинить не сможет.

Приговором Верховного уголовного суда Рылеев, вместе с Пестелем, С. Муравьевым-Апостолом, Бестужевым-Рюминым и Каховским, был осужден к смертной казни четвертованием. В официальной «Росписи государственным преступникам» около фамилии «подпоручика Рылеева» значилось: «Умыш-

лял на цареубийство; назначал лиц к совершению оного; умышлял на лишение свободы, на изгнание и на истребление императорской фамилии и приуготовлял к тому средства; управлял оным, приуготовлял способы к бунту; составлял планы; заставлял сочинить манифест о разрушении правительства; сам сочинял и распространял возмутительные песни и стихи; принимал членов; приуготовлял главные средства к мятежу и начальствовал в оных; возбуждал к мятежу нижних чинов чрез их начальников посредством разных обольщений, и во время мятежа сам приходил на площадь».

Приговор к смертной казни четвертованием был заменен всем осужденным повешением. 25 июля (н. с.) 1826 года Рылеев, в числе пяти декабристов, «кои по тяжести злодеяний поставлены вне разрядов и вне сравнения с другими», был повешен на кронверке Петропавловской крепости.

Декабризм, как передовое и значительное идеологическое течение, проявился, конечно, в области политических идей, но он выдвинул также и свой образ человека-героя. Этот образ с поразительной цельностью и запечатлен в поэзии Рылеева. Революционный порыв и беспредельная преданность одной великой цели сливаются в этом образе с роковой обреченностью. Образ героя-человека в поэзии Рылеева — это образ трагического героя, идущего к своему безвремен-

ному концу. В этом, между прочим, заключается и смысл знаменитого стихотворения «Гражданин», в заключении которого названо имя Риего, вождя испанской революции, погибшего на эшафоте.

Такова же была судьба и самого Рылеева. Его стихи приобрели смысл пророческого предвидения собственного конца, и потому его поэзия превратилась в его биографию. Гибель самого Рылеева освободила лирического героя его стихов от всяких поэтических условностей, и лицо этого героя выступило во всей своей потрясающей подлинности. Человеческий образ поэта стал уже неразличим от образа лирического героя его стихов. Словно о себе самом говорил Рылеев в одной из своих дум:

И хоть падет — но будет жив,
В сердцах и памяти народной,
И он, и пламенный порыв
Души прекрасной и свободной.
Славна кончина за народ!
Певцы, герою в воздаянье,
Из века в век, из рода в род
Передадут его деянье.

Стихи Рылеева несколько десятилетий распространялись нелегально в многочисленных рукописных копиях, поскольку после 1825 года были запрещены не только все сочинения Рылеева, но не дозволялось упо-

минать в печати даже самое его имя.¹ Заслуга воскрешения литературного наследия поэта-декабриста принадлежит главным образом А. И. Герцену и Н. П. Огареву. В лондонской «Полярной Звезде» 1856 года, уже одно название которой указывало на ее преемственность с альманахами Бестужева и Рылеева, были напечатаны неизвестные ранее тексты Рылеева. В 1860 году Н. П. Огарев выпустил зарубежное издание «Дум», а в 1861 году опубликовал оды и песни Рылеева в сборнике «Русская потаенная литература XIX столетия». «Я помню, — вспоминал Герцен в 1864 году, — как, прерывая смех Грибоедова, ударял, словно колокол на первой неделе поста, серьезный стих Рылеева и звал на бой и гибель, как зовут на пир».

В истории русского революционного движения влияние автора «Войнаровского» и «Наливайки» было исключительно велико. Сестра Ленина, Анна Ильинична, рассказывает, что их отец «любил петь запрещенные студенческие песни и особенно запрещенное стихотворение Рылеева («Послание к А. А. Бестужеву»):

По духу братья мы с тобой,
Мы в искупенье верим оба,

¹ Первое русское легальное издание сочинений Рылеева было осуществлено П. А. Ефремовым в 1872 г. Но и тогда ряд произведений Рылеева находился еще под цензурным запретом.

И будем мы питать до гроб
Вражду к бичам страны родной
.....
Любовью к истине святой
В тебе, я знаю, сердце бьется,
И верю, тотчас отзовется
На неподкупный голос мой.

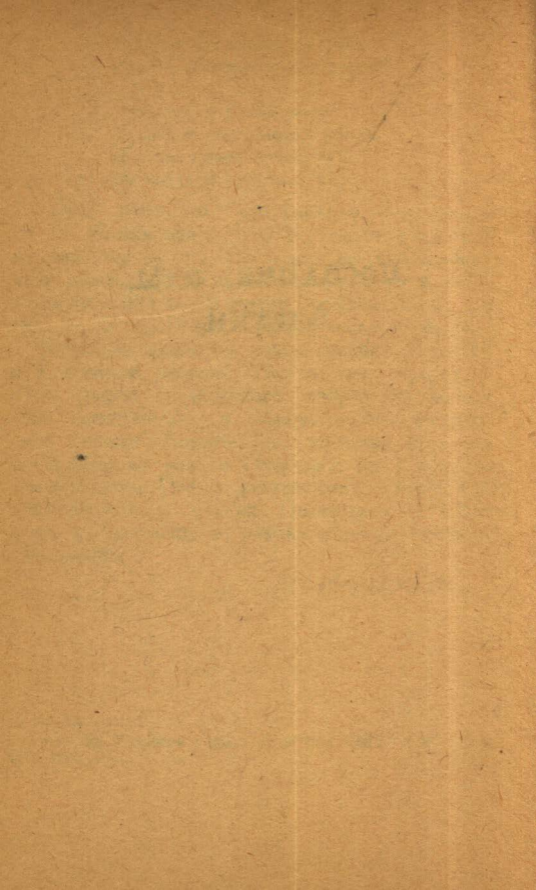
«Мы невольно чувствовали, — отмечала А. И. Елизарова, — что эту песню отец поет не так, как другие, что в нее он вкладывает всю душу, что для него она что-то в роде «святая святых», и очень любили, когда он пел ее, и просили запеть, подпевая ему».¹

Большое значение имела поэзия Рылеева и в истории русской литературы. Гражданский пафос рылеевского творчества нашел свое продолжение в обличительной бунтарской поэзии Лермонтова, который был наследником не только Пушкина, но и поэтов-декабристов. Пафос рылеевского творчества откликнулся в стихах Полежаева и Огарева и, наконец, в революционной поэзии Некрасова.

Н. Мордовченко

¹ А. И. Ульянов и дело 1 марта 1887 г., М.— Л. 927, стр. 54.

**ПОСЛАНИЯ, ОДЫ,
ЭЛЕГИИ**

К ВРЕМЕННОМУ

(Подражание Персией сатире: к Рубеллию)

Надменный временщик, и подлый и
коварный,
Монарха хитрый льстец и друг
неблагодарный,
Неистовый тиран родной страны своей,
Внесенный в важный сан пронырствами
злодей!
Ты на меня взирать с презрением дерзаешь,
И в грозном взоре мне свой ярый гнев
являешь!
Твоим вниманием не дорожу, подлец;
Из уст твоих хула достойных хвал венец!
Смеюсь над сделанным тобой уничиженьем!
Могу ль унизиться твоим пренебреженьем:
Коль сам с презрением я на тебя гляжу,
И горд, что чувств твоих в себе на нахожу?
Что сей кимвальный звук твоей мгновенной
славы?
Что власть ужасная и сан твой величавый?
Ах! лучше скрыть себя в безвестности
простой,
Чем с низкими страстями и подлою душой
Себя, для строгого своих сограждан взора,

На суд их выставяль, как будто для позора!
Когда во мне, когда нет доблестей прямых,
Что пользы в сани мне и в почестях моих?
Не сан, не род — одни достоинства почтенны;
Сеян! и самые цари без них — презренны;
И в Цицероне мной не консул — сам он чтим
За то, что им спасен от Катилины Рим...
О муж, достойный муж! почто не можешь,

снова
Родившись, сограждан спасти от рока злова?
Тиран, вострепещи! родиться может он!
Иль Кассий, или Брут, иль враг царей
Катон!

О, как на лире я потщусь того прославить,
Отечество мое кто от тебя избавит!
Под лицемерием ты мыслишь, может быть,
От взора общего причины зла укрыть...
Не зная о своем ужасном положеньи,
Ты заблуждаешься в несчастном ослепленьи,
Как ни притворствуешь и как ты ни хитришь,
Но свойства злобные души не утаишь:
Твои дела тебя изобличат народу;
Познает он — что ты стеснил его свободу,
Налогом тягостным довел до нищеты,
Селения лишил их прежней красоты...
Тогда вострепещи, о временщик надменный!
Народ тиранствами ужасен разъяренный!
Но если злобный рок, злодея любя,
От справедливой мзды и сохранит тебя,
Всё трепещи, тиран! За зло и вероломство
Тебе свой приговор произнесет потомство!

(1820)

К К - МУ
В ОТВЕТ НА СТИХИ,
В КОТОРЫХ ОН СОВЕТОВАЛ МНЕ
НАВСЕГДА ОСТАТЬСЯ НА УКРАИНЕ

Чтоб я молодые годы
Ленивым сном убил!
Чтоб я не поспешил
Под знамена свободы!
Нет, нет! тому вовек
Со мною не случиться;
Тот жалкий человек,
Кто славой не пленится!
Кумир молодой души —
Она меня, трубою
Будя в немой глуши,
Вслед кличет за собою
На берега Невы!

Итак простите вы:
Краса благой природы
Цветущие сады,
И пышные плоды,
И Дона тихи воды,
И мир души моей,
И кров уединенной

И тишина полей
Страны благословенной, —
Где горя и сует,
И обольщений чуждый,
Прожить бы мог поэт
Без прихотливой нужды;
Где б дни его текли
Под сенью безмятежной,
В объятьях дружбы нежной
И родственной Любви! —

Все это оставляя,
Пылающий поэт
Направит свой полет,
Советам не внимая,
За чародейкой вслед!
В тревожном шуме света,
Средь горя и забот,
В мои молодые лета,
Быть может, для поэта
Она венок совет.
Он мне в уединенье,
Когда я буду сед,
Послужит в утешенье
Средь дружеских бесед.

(1821)

ПОСЛАНИЕ К Н. И. ГНЕДИЧУ

(Подражание VII-му посланию Деяно)

Итомец важных муз, служитель Аполлона,
Певец, который нам паденье Илиона
И битвы грозные ахейн и троян,
С Пелидом бедственну вражду Агамемнона,
Вторженье Гектора в враждебный греков
стан,

И бой и смерть сего пергамского героя
Воспел пленительно на лире золотой,
На древний лад ее с отважностью настроя,
И путь открыл себе бессмертья в храм
святой!

Не думай, чтоб и ты, пленя всех лирой
звучной,

От всех хвалу обрел во мзду своих трудов:
Борение с толпой совместников, врагов,
И с предрассудками и с завистью докучной —
Всегдашний был удел отличнейших певцов.
Ах! иногда они в друзьях врагов встречали,
И им с беспечною вверяяся душой,
У сердца нежного змею отогревали
И целый век кляли несчастный жребий
свой...

Судьи-завистники, убийцы дарований,
Везде преследуют несчастного певца;

И похвалы друзей, и шум рукоплесканий,
И лавры свежие прекрасного венца,
Всё души низкие завистников тревожит,
Всё дикую вражду к их бедной жертве

множит

Одна, одна лишь смерть гоненья прекратит,

И, успокоясь в мирной сени,

Дань должной похвалы возьмет с потомства
гений

И, торжествующий, зоилов постыдит.

Таланта каждого сопутник неизменной,

Негодование толпы непросвещенной

И зависть злобная — его всегдашний враг,

Оспоривали здесь ко славе каждый шаг

Творца Димитрия, Фингала, Поликсены;

Любимца первого российской Мельпомены

Яд низкой зависти спокойствия лишил

И, сердце отравив, дни жизни сократил.

Но весть печальная лишь всюду пролетела,

Почувствовали все, что без него у нас

Трагедия осиротела...

Тогда судей-невежд умолк презренный глас,

Венки посыпались, и зависть онемела...

Судьбу подобную ж Фон-Визин претерпел,

И Змейкина, себя узнавши в Простаковой,

Сулила автору жизнь скучную в удел

В стране далекой и суровой.

На трудном поприще ты только мог один

В приятной звучности прелестного размера

Нам верно передать всю красоту картин
И всю гармонию Гомера.

Не удивляйся же, что зависть вокруг тебя
Шипит, как черная змея!

И здесь, как и везде, нас небо наставляет;
Мудрец во всем, во всем читает
Уроки для себя:

На лоне праздности дремавший долго гений,
Стрелами зависти быв пробужден от лени,
Ширясь, как орел, на небеса парит
И с высоты на низ с презрением глядит,
Где клеветой его порочит пустомеля...

Так деспот-кардинал с ученою толпой
Уничжить хотел бессмертного Корнеля,
На Сиде вооружил зоилов дерзкий рой...
Сид бранью угнетен, но трагик оскорбленный
Явился с Цинною во храме Мельпомены —
И посрамленный кардинал

Смотрел с ничтожными льстецами,
Как гением своим Корнель торжествовал
Над Академией и жалкими судьями!
Так и Жуковский наш, любимый Феба сын,
Сокровищ языка счастливый властелин,
Возвышенного пола, Эдема пышны двери,
В ответ ругателям, открыл для юной
Пери.

И ты примеру следуи их,
И на суждения завистников твоих,
На площадную брань и приговор суровой
С Гомером отвечай всегда беседой новой.
Орла ль парящего среди эфирных стран
В полете карканьем удержит наглый вран?

Иди бестрепетно проложенной стезею
И лавры свежие рви смелою рукою;
Пушай завистники вокруг тебя шипят!
О, Гнедич! Вопли их — и дикие и громки,
Тобой заслуженной хвалы не заглушат:
Защитник твой — Гомер, твои судьи —
потомки!

Зачем тревожиться, когда твоих трудов
Не вздумает читать какой-нибудь Вралёв,
Иль жалкий Азбукин, иль Клит

стишокропатель,
Иль в колпаке магистр, или Дамон ругатель?
Нет, нет, читателей достоин ты других;
Желаю, Гнедич, я, чтобы в стихах твоих
Восторги сладкие поэты почерпали,
Чтобы царица-мать красе дивилась их,
Чтоб перевод прекрасный твой читали
С воспламененною душой
Изящного ценители прямые,
Хранящие любовь к стране своей родной
И посвященные муз в таинства святые.
Не много их! Зато внимание певцам
Средь вопля дикого должно быть драгоценно,
Как в Ливии, от солнца раскаленной,
Для странника ручей журчащий по пескам...

(1821)

ВИДЕНИЕ

ОДА НА ДЕНЬ ТЕЗОИМЕННИТСТВА
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА
ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА
30 АВГУСТА 1823 ГОДА

1

Какое дивное виденье
Очам представилось моим!
Я вижу в сладком упоенье:
По сводам неба голубым
Над пробужденным Петроградом,
Екатерины тень парит!
Кого-то ищет жадным взглядом;
Чело величием горит...

2

Но вот с устен Царицы мудрой,
Как луч, улыбка сорвалась:
Пред нею отрок златокудрой,
Средь сонма воинов резвясь,
То в длани тяжкий меч приемлет,
То бранный шлем берет у них,
То, трепеща в восторге, внемлет
Рассказам воинов седых.

Румянцев, Миних и Суворов
 Волнуют в нем и кровь и ум,
 И искрится из юных взоров
 Огонь славлюбивых дум.
 Проникнут силою рассказа,
 Он за Ермоловым вослед
 Летит на снежный верх Кавказа,
 И жаждет славы и побед.

Царица тихо ниспускалась
 На легком облаке, как дым,
 И улыбаясь, любовалась
 Прелестным правнуком своим;
 Но вдруг Минервы светлоокой
 Чудесный лик прияв, она
 Слетела, мудрости высокой,
 Огнем божественным полна.

К Прекрасному коснувшись дланью,
 Ему Великая рекла:
 «Я зрю, твой дух пылает бранью,
 Ты любишь громкие дела.
 Но для полунощной державы
 Довольно лавров и побед;
 Довольно громозвучной славы
 Протекших, незабвенных лет.

Военных подвигов година,
 Грозою шумной протекла:
 Твой век иная ждет судьбина,
 Иные ждут тебя дела.
 Затмится свод небес лазурных
 Непроницаемою мглой;
 Настанет век борений бурных
 Неправды с правдою святой.

Уже воспрянул дух свободы
 Против насильственных властей;
 Смотри — в волнении народы,
 Смотри — в движеньи сонм царей.
 Быть может, отрок мой, корона
 Тебе назначена творцом;
 Люби народ, чти власть закона;
 Учись заране быть царем.

Твой долг благотворить народу,
 Его любви в делах искать;
 Не блеск пустой и не породу,
 А дарованья возвышать.
 Дай просвещенные Уставы,
 Свободу в мыслях и словах,
 Науками очисти нравы,
 И Веру утверди в сердцах.

Люби глас истины свободной,
 Для пользы собственной любви,
 И рабства дух неблагогородной —
 Неправосудье истреби.
 Будь блага подданных ревнитель:
 Оно есть первый долг царей;
 Будь просвещения покровитель:
 Оно надежный друг властей.

Старайся дух постигнуть века,
 Узнать потребность русских страж.
 Будь человек для человека,
 Будь гражданин для сограждан.
 Будь Антонином на престоле,
 В чертогах мудрость водвори —
 И ты себя прославишь боле,
 Чем все герои и цари».

(1823)

И вздохи сладкие за вздохами летели.

Не знаю, милая, как ты;

Но я не позабуду про бывшее:

Мне утешительны, мне сладостны мечты.

Безумство юных дней, тоска и суеты;

И наслаждение сие немое

Так мило мне, как запах от левкоя,

Как первый поцелуй невинной красоты.

(1823)

ГРАЖДАНСКОЕ МУЖЕСТВО

Ода

Кто этот дивный великан,
Одеян светлою броней,
Чело покойно, стройный стан
И весь сияет красотой?
Кто сей украшенный венком,
С мечом, весами и щитом,
Презрев врагов и горделивость,
Стоит гранитною скалой
И давит сильною пятой
Коварную несправедливость?

Не ты ль, о мужество граждан,
Неколебимых, благородных,
Не ты ли гений древних стран,
Не ты ли сила душ свободных,
О доблесть, дар благих небес,
Героев мать, вина чудес,
Не ты ль прославила Катонов,
От Катилины Рим спасла
И в наши дни всегда была
Опорой твердою законов.

Одушевленные тобой,
Презрев врагов, презрев обиды,
От бед спасали край родной,
Сияя славой Аристиды;
В изгнании, в чужих краях
Не погасали в их сердцах
Любовь к общественному благу,
Любовь к согражданам своим:
Они благодетели им
И там, на стыд Ареопагу.

Ты, ты, которая везде
Была народных благ порукой;
Которой славны на суде
И Панин наш и Долгорукой:
Один, как твердый страж добра,
Дерзал оспаривать Петра;
Другой, презревши гнев судьбины
И вопль и клевету врагов,
Совет опровергал льстецов
И был столпом Екатерины.

Велик, кто честь в боях снискал
И, страхом став для чуждых воев,
К своим знаменам приковал
Победу, спутницу героев!
Отчизны щит, гроза врагов,
Он достояние веков;
Певцов возвышенные звуки
Прославят подвиги вождя,
И, юношам об них твердя,
В восторге затрепещут внуки.

Как полная луна порой,
Покрыта облаками ночи,
Пробьет внезапно мрак густой
И путникам заблещет в очи:
Так будет вождь сквозь мрак времен
Сиять для будущих племен;
Но подвиг воина гигантский
И стыд сраженных им врагов
В суде ума, в суде веков —
Ничто пред доблестью гражданской.

Где славных не было вождей,
К вреду законов и свободы?
От древних лет до наших дней
Гордились ими все народы;
Под их убийственным мечом
Везде лилася кровь ручьем.
Увы, Атилл, Наполеонов
Зрел каждый век своей чредой:
Они являлись толпой...
Но много ль было Цицеронов?..

Лишь Рим, вселенной властелин,
Сей край свободы и законов,
Возмог произвести один
И Брутов двух, и двух Катонов.
Но нам ли унывать душой,
Когда еще в стране родной
Один из дивных исполинов
Екатерины славных дней
Средь сонма избранных мужей
В совете бодрствует Мордвинов?

О, так, сограждане, не нам
В наш век роптать на провиденье:
Благодаренье небесам
За их святое снисхожденье!
От них, для блага русских стран,
Муж добродетельный нам дан:
Уже полвека он Россию
Гражданским мужеством дивит;
Вотще коварство вокруг шипит —
Он наступил ему на выю.

Вотще неправый глас страстей
И с злобой зависть, козни строя,
В безумной дерзости своей
Чернят деяния героя.

Он тверд, покоен, невредим,
С презрением внимая им,
Души возвышенной свободу
Хранит в советах и суде,
И гордым мужеством везде
Подпорой власти и народу.

Так в грозной красоте стоит
Седой Эльбрус в тумане мгlistом:
Вкруг буря, град и гром гремит
И ветер в ущельях всет с свистом,
Внизу несутся облака,
Шумят ручьи, ревет река;
Но тщетны дерзкие порывы:
Эльбрус, кавказских гор краса,
Невозмутим, под небеса
Возносит верх свой горделивый.

(1823)

НА СМЕРТЬ БЕЙРОНА

О чем средь ужасов войны
Тоска и траур погребальный?
Куда бегут на зов печальный
Священной Греции сыны?
Давно от слез и крови взмокла
Элада средь святой борьбы;
Какою ж вновь бедой судьбы
Грозят отчизне Фемистокла?

Чему на шатком троне рад
Тиран роскошного Востока,
За что благодарить пророка
Спешат в Стамбуле стар и млад?
Зрю: в Миссолонге гроб средь храма
Пред алтарем святым стоит,
Весь катафалк огнем блестит
В прозрачном дыме фимиама.

Рыдая, вокруг его кипит
Толпа шумящего народа;
Как будто в гробе том свобода
Воскресшей Греции лежит;
Как будто цепи вековые
Готовы вновь тягчить ее,

Как будто идут на нее
Султан и грозная Россия...

Царица гордая морей!
Гордись не силою гигантской,
Но прочной славою гражданской
И доблестью своих детей.
Парящий ум, светило века,
Твой сын, твой друг и твой поэт,
Увянул Бейрон в цвете лет
В святой борьбе за вольность грека.

Из океана своего
Текут лета с чудесной силой:
Нет ничего уже, что было,
Что есть, не будет ничего.
Грядой возлягут на твердыни
Почить усталые века,
Их беспощадная рука
Преобразит поля в пустыни.

Исчезнут порты в тьме времен,
Падут и запустеют грады,
Погибнут страшные армады,
Возникнет новый Карфаген...
Но сердца подвиг благородной
Пребудет для души молодой
К могиле Бейрона святой
Всегда звездою путеводной.

Британец дряхлый поздних лет
Придет, могильный холм укажет,

И гордым внукам гордо скажет:
Здесь спит возвышенный поэт!
Он жил для Англии и мира,
Был, к удивленью века, он
Умом Сократ, душой Катон
И победителем Шекспира.

Он всё под солнцем разгадал;
К гоненьям рока равнодушен,
Он Гению лишь был послушен,
Властей других не признавал.
С коварным смехом обнажила
Судьба пред ним людей сердца,
Но пылкая душа певца
Презрительных не разлюбила.

Когда он кончил юный век
В стране, от родины далекой, —
Убитый грустию жестокой,
О нем сказал Европе грек:
Друзья свободы и Эллады
Везде в слезах в укор судьбы;
Одни тираны и рабы
Его внезапной смерти рады,

(1824)

ЭЛЕГИИ

1

Исполнились мои желанья,
Сбылись давнишние мечты:
Мои жестокие страданья,
Мою любовь узнала ты.

Напрасно я себя тревожил,
За страсть вполне я награжден:
Я вновь для счастья сердцем ожил,
Исчезла грусть, как смутный сон.

Так, окроплен росой отрадной,
В тот час, когда горит восток,
Вновь воскресает — ночью хладной
Полузавялый василек.

2

Покинь меня, мой юный друг;
Твой взор, твой голос мне опасен:
Я испытал любви недуг,
И знаю я, как он ужасен...
Но что, безумный, я сказал?
К чему укоры и упреки?

Уж я твой узник, друг жестокий;
Твой взор меня очаровал.
Я увлечен своей судьбою,
Я сам к погибели бегу:
Боюсь встретиться с тобою,
А не встречаться не могу.

(1824)

Ты посетить, мой друг, желала
 Уединенный угол мой,
 Когда душа изнемогала
 В борьбе с болезнью роковой.

Твой милый взор, твой взор
 волшебный
 Хотел страдальца оживить,
 Хотела ты покой целебный
 В взволнованную душу влить.

Твое отрадное участие,
 Твое вниманье, милый друг,
 Мне снова возвращают счастье
 И исцеляют мой недуг.

Я не хочу любви твоей,
 Я не могу ее присвоить;
 Я отвечать не в силах ей,
 Моя душа твоей не стоит.

Полна душа твоя всегда
 Одних прекрасных ощущений,
 Ты бурных чувств моих чужда,
 Чужда моих суровых мнений.

Прощаешь ты врагам своим,
Я не знаком с сим чувством нежным
И оскорбителям моим
Плачу отмищеньем неизбежным.

Лишь временно кажусь я слаб,
Движеньями души владею;
Не христианин и не раб,
Прощать обид я не умею.

Мне не любовь твоя нужна,
Заняты ждут меня иные,
Отраднa мне одна война,
Одни тревоги боевые.

Любовь никак нейдет на ум:
Увы! моя отчизна страждет,
Душа в волненьи тяжких дум
Теперь одной свободы жаждет.

(1824)

ВЕРЕ НИКОЛАЕВНЕ СТОЛЫЦИНОЙ

Не отравляй души тоскою,
Не убивай себя: ты мать;
Священный долг перед тобою
Прекрасных чад образовать.
Пусть их сограждане увидят
Готовых пасть за край родной,
Пускай они возненавидят
Неправду пламенной душой;
Пусть в сонме юных исполинов
На ужас гордых их узрим,
И смело скажем: знайте, им
Отец Столыпин, дед Мордвинов.

(1825)

СТАНСЫ

(К А. Б^{лестуже}ву)

Не сбылись, мой друг, пророчества
Пылкой юности моей:
Горький жребий одиночества
Мне сужден в кругу людей.

Слишком рано мрак таинственный
Опыт грозный разогнал,
Слишком рано, друг единственный,
Я сердца людей узнал.

Страшно дней не ведать радостных,
Быть чужим среди своих,
Но ужасней истин тягостных
Быть сосудом с дней младых.

С тяжелой грустью, с черной думою
Я с тех пор один брожу
И могилою угрюмою
Мир печальный нахожу.

Всюду встречи безотрадные!
Ищешь, суетный, людей,
А встречаешь трупы хладные
Иль бессмысленных детей...

(1824—1825)

БЕСТУЖЕВУ

Хоть Пушкин суд мне строгий произнес
И слабый дар, как недруг тайный, взвесил;
Но от того, Бестужев, еще нос
Я недругам в угоду не повесил.

Моя душа до гроба сохранит
Высоких дум кипящую отвагу;
Мой друг! Недаром в юноше горит
Любовь к общественному благу!

В чью грудь порой теснится целый свет,
Кого с земли восторг души уносит,
На зло врагам тот завсегда поэт,
Тот славы требует, не просит.

Так и ко мне, храня со мной союз,
С улыбкою и с ласковым приветом,
Слетит порой толпа вертлявых муз,
И я вдруг делаюсь поэтом.

(1825)

ГРАЖДАНИН

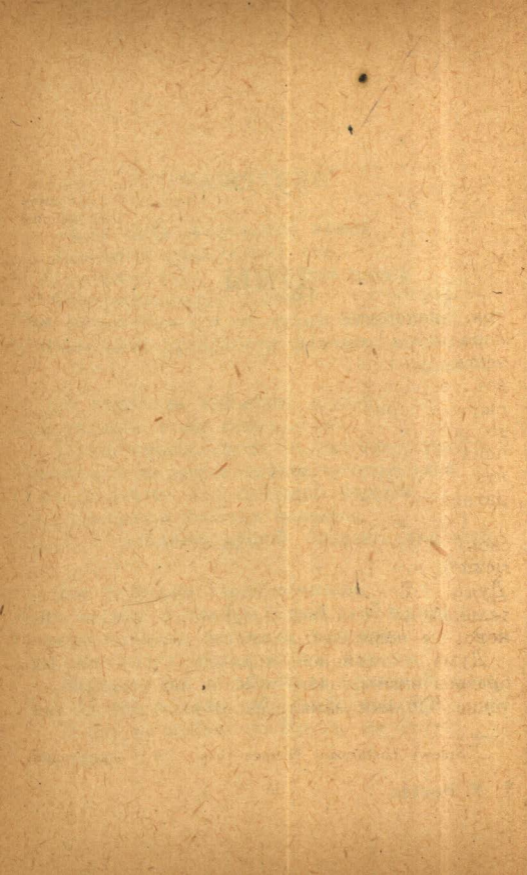
Я ль буду в роковое время
Позорить гражданина сан,
И подражать тебе, изнеженное племя
Переродившихся славян?
Нет, неспособен я в объятях сладострастья,
В постыдной праздности влачить свой век
младой,

И изнывать кипящею душой
Под тяжким игом самовластья.
Пусть юноши, своей не разгадав судьбы,
Постигнуть не хотят предназначенье века
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человека.
Пусть с хладною душой бросают хладный
взор

На бедствия своей отчизны,
И не читают в них грядущий свой позор
И справедливые потомков укоризны.
Они раскаются, когда народ, восстав,
Застанет их в объятях праздной неги
И, в бурном мятеже ища свободных прав,
В них не найдет ни Брута, ни Риэги.

(1824—1825)

ДУМЫ

Его Высокопревосходитель-
ству Николаю Семеновичу
Мордвинову с глубочайшим
уважением посвящает

Сочинитель.

«Напомянуть юношеству о подвигах предков, знакомить его со светлейшими эпохами народной истории, сдружить любовь к отечеству с первыми впечатлениями памяти — вот верный способ для привития народу сильной привязанности к родине: ничто уже тогда сих первых впечатлений, сих ранних понятий не в состоянии изгладить. Они крепнут с летами и творят храбрых для бою ратников, мужей доблестных для совета».

Так говорит Немцевич¹ о священной цели своих Исторических Песен (Spiewy Historyczne), эту самую цель имел и я, сочиняя Думы. Желание славить подвиги добродетельных или славных предков для русских не ново; не новы самый вид и название Думы.

Дума, старинное наследие от южных братьев наших, наше русское, родное изобретение. Поляки заняли ее от нас. Еще до сих

¹ Spiewy Historyczne Niemcewicza. См. Предисловие.

пор украинцы поют Думы о героях своих: Дорошенке, Нечае, Сагайдашном, Палее, и самому Мазепе приписывается сочинение одной из них. Сарницкий¹ свидетельствует, что на Руси пелись элегии в память дзух храбрых братьев Струсов, павших в 1506 году в битве с валахами. Элегии сии, говорит он, у русских Думами называются. Соглашая заунывный голос и телодвижения со словами, народ русский иногда сопровождает пение оных печальными звуками свирели.

В числе предлагаемых Дум читатели найдут две пиесы, которые не должны бы войти в сие собрание: это Рогнеда и Олег Вещий. Первая по составу своему более Повесть, нежели Дума; вторая есть Историческая Песня (*Spiew Historiczny*). Она слаба и неудачно исполнена; но я решился поместить ее в числе Дум, чтобы показать состав Исторических Песен Немцевича, одного из лучших поэтов Польши.

Примечания, припечатанные при Думах, кроме некоторых, сделаны П. М. Строевым.

¹ *Annales Regni Pol.*, t. II, k. 1198. Слово в слово: „Anno 1506 duo fratres Strusii (Felix i Serzy, iak Swadczy Nie-Siecki. Herb IV, 218) adolescentes bellicosi a Valachis occubuerunt. De quibus etiam nunc elegiae. quas Dumas Russi vocant, canuntur, voce lugubri et gestu canentium se in utramque partem motantium. id quod canitur exprimentes, quin et tibiis infatis rustica turba passim modulis lamentabilibus, haec eadem imitando exprimit“.

1. Олег Вещий

Рюрик, основатель Российского государства, умирая (в 879 г.), оставил малолетнего сына Игоря под опекою своего родственника Олега. Опекун мало-помалу сделался самовластным владетелем. Время его правления примечательно походом к Константинополю в 907 году. Летописцы сказывают, что Олег, приплыв к стенам Византийской столицы, велел вытащить ладьи на берег, поставил их на колеса и, развернув паруса, подступил к городу. Изумленные греки заплатили ему дань. Олег умер в 912 году. Его прозвали *Вещим* (мудрым).

ОЛЕГ ВЕЩИЙ

1

Наскучив мирной тишиною,
Собрал полки Олег
И с ними полетел грозою
На Цареградский брег.

2

Покрылся быстрый Днепр ладьями,
В берегах крутых взревел
И под отважными рулями
Напелясь закипел.

3

Дружина храбрая героев
На славные дела,
Сгорая пылкой жаждой боев,
С веселием текла.

4

В пути ей не были преграды
Кремнистых гор скалы,
Днепра подводные громады,
Ни ярых вод валы.

Седый Олег, шумящей птицей,
 В Евксин через Лиман —
 И пред Леоновой столицей
 Раскинул грозный стан!

Мгновенно войсками покрылась
 Окрестная страна,
 И кровь повсюду заструилась;
 Везде кипит война!

Горят деревни, селы пышут,
 Прах вьется средь долин.
 В сердцах убийством холодным дышут
 Варяг и славянин.

Потомки Брута и Камилла
 Сокрылись в стенах;
 Уже их негa развратила,
 Нет мужества в сердцах.

Их император самовластный
 В чертогах трепетал
 И в астрологии, несчастный!
 Спасения искал.

Меж тем, замыслив приступ смелый,
 Ладьи свои Олег,
 Развив на каждой парус белый,
 Вдруг выдвинул на брег.

«Идем, друзья!» — рек князь России
 Геройским племенам —
 И шел по суше к Византии,
 Как в море по волнам.

Боязни, трепету покорный,
 Спасти желая трон,
 Послов и дань — за мир позорный —
 К Олегу шлет Леон.

Объятый праведным презреньем
 Берет князь русский дань;
 Дарит Леона примиреньем —
 И прекращает брань.

Но в трепет гордой Византии
 И в память всем векам,
 Прибил свой щит с гербом России
 К царьградским воротам.

Успехом подвигов довольный
 И славой в тех краях,
 Олег помчался в град престольный
 На быстрых парусах.

Народ, узрев с крутого берега
 Возврат своих полков,
 Прославил подвиги Олега
 И восхвалял богов.

Весь Киев в пышном пиrowанье
 Восторг свой изъявляя
 И князю вещего прозвание
 Единогласно дал.

2. Ольга при могиле Игоря

Игорь, сын основателя Российского государства, Рюрика, принял правление в 912 году. Первым его подвигом было усмирение возмущившихся древлян. Сие народное славянское племя обитало в лесах нынешней Волынской губернии. Игорь наложил дань, которую древляне платили до 945 года. В сие время ему захотелось умножить сбор, древляне возмутились снова, и корыстолюбивый Игорь погиб: они привязали его к двум деревьям, нагнули их и таким образом разорвали надвое. По нем остался малолетний сын Святослав. Супруга его, Ольга, правила государством около десяти лет; скончалась в 969 году. Церковь причислила ее к лику святых жен.

ОЛЬГА ПРИ МОГИЛЕ ИГОРЯ

Осенний ветер бушевал,
Крутя дерев листвами,
И сосны древние качал
Над мрачными холмами.
С поляны встал седой туман
И всё сокрыл от взгляда;
Лишь Игорев синел курган,
Как грозная громада.

Слетала быстро ночь с небес;
Луна меж туч всплывала,
И изредка в дремучий лес,
Иль в дол лучом сверкала.
Настала полночь... Вдруг вдали,
Как шелест по поляне...
То Ольга с Святославом шли
И стали при кургане.

И долго мудрая в тиши
Стояла пред могилой,
С волненьем горестной души
И с думою унылой,

О прошлом, плавая в мечтах,
Она, томясь, вздыхала;
Но огонь блеснул в ее очах,
И мудрая вещала:

«Мой сын! здесь пал родитель твой,
Вот храброго могила!
Но слез не лей: я местию злой
Древлянам заплатила.
Ты видишь: дикою травой
Окрестность вся заглохла,
И кровь, пролитая рекой,
Тут, мнится, не обсохла!»

Так, сын мой! Игорь отомщен;
Моя спокойна совесть;
Но сам виновен в смерти он —
Внемли об оной повесть:
Уже надменный грек, смирен
Кровопролитной бранью,
Покой от северных племен
Купил позорной данью.

И Игорь, бросив меч и щит
К подножию кумира,
Молил Перуна, да хранит
Ненарушимость мира,
Из града в град везде текла
Его деяний слава,
И счастьем мирным процвела
Обширная держава.

Вдруг князя гордая душа
Покой пренебрегает
И, к золоту алчбой дыша,
Тревоги замышляет.
Дружины собралися в стан,
В доспехах ярой брани,
И полетели в край древлян
Сбирать покорства дани.

Древляне дань сполна внесли;
Но Игорь недовольный
Стал вновь налоги брать с земли
С дружиной своевольной.
«О, князь! — народ ему вещал: —
Чего еще желаешь?..
От нас последнее ты взял —
И нас же угнетаешь!»

Но князь не внял молениям сим, —
И угнетенных племя
Решилося сразиться с ним
И сбросить ига бремя.
«Погибель хищнику, друзья!
Пускай падет он мертвой!
Его сразит стрела моя,
Иль все мы будем жертвой! —

Древлянский князь твердил в лесах...
Отважные восстали
И, с дикой яростью в сердцах,
На Игоря напали.

Дружина хищников легла
Без славы и без чести,
И твой отец, виновник зла,
Пал жертвой лютой мести!

Вот, Святослав, к чему ведет
Несправедливость власти:
И князь несчастлив, и народ,
Где на престоле страсти.
Но вдвое князь во всех местах
Внимает вопль с укором,
По смерти ждет его в веках
Потомство с приговором:

Отец будь подданным своим
И боле князь, чем воин;
Будь друг своих, гроза чужим
И жить в веках достоин!»
Так князю-отроку рекла
И, поклонясь кургану,
Мать с сыном тихо потекла
Ко дремлющему стану.

3. Святослав

Святослав, сын русского князя Игоря Рюриковича, принял правление около 955 года. В истории славны походы его в Болгарию дунайскую и битвы с греками. Перед одною из сих последних Святослав воспламенил мужество своих воинов следующей речью: «Бегство не спасет нас; волею и неволею должны мы сразиться. Не посрадим отечества, но ляжем на месте битвы: мертвым не стыдно! Станем крепко. Иду пред вами, и когда положу голову, делайте, что хотите!» Возвращаясь в отечество, Святослав (в 972 г.) зимовал у Днепровских порогов; на него напали печенеги, и герой погиб. Враги сделали чашу из его черепа.

СВЯТОСЛАВ

И одинока, и бледна,
В туманных облаках ныряя,
Текла двурога луна
Над берегом быстрого Дуная:
Ее перловые лучи
Стан усыпленный озаряли;
Сверкали копья и мечи,
И ратников ряды дремали.

С отвагой в сердце и в очах
Младой гусар, вдали от стана,
Закутан буркой, на часах
Стоял на высоте кургана.
Пред ним на острове реки
Шатры турецкие белели;
Как лес, вздымались бунчуки
И с ветром в воздухе шумели.

В давно минувших временах
Крылатой думою летая,
О прошлых он мечтал боях,
Гремевших на берегах Дуная.

«На сих степях, — так воин пел, —
С Цимискием в борьбе кровавой,
Не раз под тучей грозных стрел
Наш Святослав увенчан славой.

По манию его руки
Бесстрашный росс, пылая местию,
На грозные врагов полки
Летал — и возвращался с честью.
Он на равнинах дальних сих,
Для славы на беды готовой,
Дивил и чуждых и своих
Своею жизнью суровой.

Ему свод неба был шатром
И в летний зной, и в зимний холод, —
Земля под войлоком одром,
А пищею конина в голод.
«Друзья, нас бегство не спасет!
Гремел герой на бранном поле,
Позор на мертвых не падет;
Нам биться волей иль неволей..

Сразимся ж, храбрые, смелей;
Не посрадим отчизны милой —
И груды вражеских костей
Набросим над своей могилой!»
И горсть славян на тьмы врагов
Текла — вождя послушав голос —
И у врага хладела кровь,
И дыбом становился волос!..

С утра до вечера кипел
На ближнем поле бой кровавый;
Двенадцать раз герой хотел
Венчать победу звучной славой.
Валились грудами тела,
И грек не раз бежал из боя;
Но рать врагов превозмогла
Над чудной доблестью героя!

Закинув на спину щиты,
Славяне шли, как львы с ловитвы,
Грозя с нагорной высоты
Кровопролитьем новой битвы.
Столь дивной изумлен борьбой,
Владыка гордой Византии
Свидание и мир с собой
Здесь предложил главе России.

И к славе северных племен
И цареградского престола
Желанный мир был заключен
Невдалеке от Доростола.
О князь, давно истлел твой прах;
Но жив еще твой дух геройский!
Питай к славе жар в сердцах,
Он окрыляет наши войски!

Он там, где пыл войны кипит,
Орлом ширясь перед строем,
Чудесной силою творит
Вождя и ратника героем!

Но что?.. Уж вспыхнула заря!..
Взгремела пушка вестовая —
И войска белого царя
Покрыли берега Дуная.

Трубы призывный слышен звук!
Меня зовут на пир кровавой...
Туда, мой конь, где саблей стук,
Где можно пасть, венчавшись славой!..
Гусар умчался... гром взревел!
Свистя, сшибались картечи,
И смело строй на строй летел,
Ища с врагами ярой сечи...

Вдруг крови хлынула река!..
Отважный Вейсман пал, но с честью;
И рой наездников полка
На мусульман ударил мезтью.
Враги смешались, дали тыл —
И поле трупами покрыли,
И русский знамя водрузил,
Где греков праотцы громили.

4. Святополк

Святополк, сын Ярополка Святославича, усыновленный Владимиром Великим. Сей властолюбивый князь захватил великокняжеский престол и умертвил своих братьев: Бориса, Глеба и Святослава (в 1015 г.). Ярослав Владимирович, князь Новгородский, после продолжительных междоусобий, разбил его на берегах реки Альты. Святополк бежал из пределов Российских, скитался в пустынях Богемии, расслаб душою и телом и кончил жизнь в припадках ужаса (1019 г.): ему мечтались враги, непрерывно его преследующие. Проклятие современников увековечило память о Святополке. Летописи называют его *Окаянным*.

СВЯТОПОЛК

В глуши Богемских диких гор,
Куда ни голос человека,
Ни любопытства дерзкий взор
Не проникал еще от века,
Где только в дебрях серый волк
С щетинистым вепрём встречался —
Братоубийца Святополк,
От всех оставленный, скитался...

Ему был страшен взор людей:
Он видел в нем себе укоры;
Страдальцу мнилось: ты злодей!
В глухих отзывах вторят горы.
Злодей! казалось, вопиют
Ему лесов дремучих сени,
И всюду грозные бегут
За ним убитых братьев тени.

Из дебри в дебрь, из леса в лес
В неистовстве перебегая,
Встречал он всюду гнев небес
И кончил дни свои страдая...
Никто слезы не уронил

На прах отверженника неба,
И всех проклятья заслужил
Убийца — брат святого Глеба.

И обитатель той земли
Завидев, трепетом объятый,
Его могилу издали,
Бежа, крестил себя трикраты.
От современников до нас
Дошло ужасное преданье,
И сочетал народа глас
С ним Окаянного прозванье!

И в страшной повести об нем
Его ужасные злодеянья
Пересказав в кругу родном,
Твердил детям отец семейства:
«Ужасно быть рабом страстей!
Кто раз их предался стремленью,
Тот с каждым днем летит быстрее
От преступленья к преступленью».

5. Рогнеда

Около 970 года варяг Рогволод, оставив отечество, поселился в Полоцке, главном городе тогдашней области Кривской. Он имел прекрасную дочь, по имени Рогнеду, или Гориславу: ее сговорили за великого князя Ярополка Святославича. Брат его, Владимир Великий, взяв Полоцк (в 980 г.), умертвил Рогволода, двух сыновей его и насильно похитил Рогнеду. От ней родился сын Изяслав. Впоследствии Владимир разлюбил жену, выслал ее из дворца и заточил на берегу Лыбеди, в окрестностях Киева. Однажды, гуляя в сих местах, князь заснул крепко: мстительная Рогнеда, приблизившись, хотела нанести ему смертельный удар; но Владимир проснулся. В ярости он захотел казнить несчастную; велел ей надеть брачную одежду и, сидя на богатом ложе, ожидать казни. Входит Владимир; юный Изяслав, наученный Рогнедою, бросается к нему и подает меч: «Родитель! — говорит он, — ты не один; сын твой будет свидетелем твоей ярости». Изумленный Владимир простил Рогнеду и вместе с сыном отправил ее в новопостроенный город, названный им Изяславем. Сие происшествие описано в некоторых летописях.

РОГНЕДА

А. А. В(оейково)й

Потух последний солнца луч;
Луна обычный путь свершала,
То пряталась, то из-за туч,
Как стройный лебедь, выплывала;
И ярче заблестав порой,
Над берегов Лыбеди скромной
Свет бледный проливала свой
На терем пышный и огромный.

Всё было тихо... лишь поток,
Журча, роптал между кустами,
И перелетный ветерок
В дубраве шелестел ветвями.
Как месяц утренний бледна,
Рогнеда в горести глубокой
Сидела с сыном у окна,
В светлице ясной и высокой.

От вздохов под фатой у ней
Младые перси трепетали,
И из потупленных очей,
Как жемчуг, слезы упали.

Глядел невинный Изяслав
На мать умильными очами,
И, к персям матери припав,
Он обвивал ее руками.

«Родимая! — твердил он ей: —
Ты всё печальна, ты всё вянешь:
Когда же будешь веселей,
Когда грустить ты перестанешь?
О! полно плакать и вздыхать;
Твои мне слезы видеть больно;
Начнешь ты только горевать,
Встоскуюсь вдруг и я невольно.

Ты б лучше рассказала мне
Деянья деда Рогволода,
Как он сражался на войне,
И о любви к нему народа». —
«О ком, мой сын, напомнил ты?
Что от меня узнать желаешь?
Какие страшные мечты
Ты сим в Рогнеде пробуждаешь!..

Но так и быть; — исполню я,
Мой сын, души твоей желанье:
Пусть Рогволодов дух в тебя
Вдохнет мое повествованье;
Пускай оно в груди молодой
Зажжет к делам великим рвенье,
Любовь к стране твоей родной
И к притеснителям презренье...

Родитель мой, твой славный дед,
От тех варягов происходит,
Которых дивный ряд побед
Мир в изумление приводит.
Покинув в юности своей
Дремучей Скании дубравы,
Вступил он в землю кривичей
Искать владычества и славы.

Народы мирной сей страны
На гордых пришлецов восстали,
И смело грозных чад войны
В руках с оружием встречали...
Но тщетно! роковой удел
Обрек в подданство их герою —
И скоро дед твой завладел
Обширной Севера страной.

Воздвигся Полоцк. Рогволод
Приветливо и кротко правил
И, привязав к себе народ,
Власть князя полюбить заставил...
При Рогволоде кривичи
Томились жаждой дел великих;
Сверкали в дебрях их мечи,
Литовцев поражая диких.

Иноплеменные цари
Союза с Полоцком искали,
И чуждые богатыри
Ему служить за честь вменяли».

Но шум раздался у крыльца...
Рогнеда повесть прерывает,
И видит: пыль и пот с лица
Гонец усталый отирает.

«Княгиня! — он вещал, войдя: —
Гоня зверей в дубраве смежной,
Владимир посетить тебя
Прибудет в терем сей прибрежной».
«Итак, он вспомнил об жене...
Но не желание свиданья...
О нет! влечет его ко мне —
Одна лишь близость расстоянья!»

Вещала — и сверкнул в очах
Негодованья пламень дикий.
Меж тем уж пронеслись в полях
Совы полуночные крики...
Сгустился мрак... луна чуть-чуть
Лучом трепещущим светила;
Холодный ветер начал дуть,
И буря страшная завывала!

Лыбедь вскипела меж берегов;
С деревьев листья полетели;
Дождь проливной из облаков,
И град и вихорь зашумели,
Скопились тучи... и с небес
Вилася молния змиею;
Гром грохотал — от молний лес
То здесь, то там пылал порою!

Внезапно с бурей звук рогов
В долине глухо раздается;
То вдруг замолкнет средь громов,
То снова с ветром пронесется...
Вот звуки ближе и громчей...
Замолкли... снова загремели...
Вот топот скачущих коней,
И всадники на двор взлетели.

То был Владимир. На крыльце
Его Рогнеда ожидала;
На сумрачном ее лице
Неведомая страсть пылала.
Смущенью мрачность приписав,
Герой супругу лобызает
И, сына милого обняв,
Его приветливо ласкает.

Отводят отроки коней...
С Рогнедой князь идет в палаты,
И вот, в кругу богатырей
Садится он за пир богатый.
Под тучным вепрем стол трещит,
Покрытый скатертью браной;
От яств прозрачный пар летит
И вьется по избе брусяной.

Звездясь, янтарный мед шипит,
И ходит чаша круговая.
Все веселятся... но грустит
Одна Рогнеда молодая,

«Воспой деянья предков нам!» —
Бояну витязи вещали.
Певец ударил по струнам —
И вешие зарокотали.

Он славил Рюрика судьбу,
Пел Святославовы походы,
Его с Цимискием борьбу
И покоренные народы:
Пел удивление врагов,
Его нетрепетность среди боя,
И к славе пылкую любовь,
И смерть, достойную героя...

Бояна пламенным словам
Герои с жадностью внимали
И, праотцев чудясь делам,
В восторге пылком трепетали.
Певец умолкнул... но опять
Он пробудил живые струны,
И начал князя прославлять
И грозные его перуны:

«Дружины чуждые грома,
Давно ль наполнил славою бранной
Ты дальней Нейстрии поля
И Альбиона край туманный?
Давно ли от твоих мечей
Упали Полоцка твердыни,
И нивы храбрых кривичей
Преобразились в пустыни?»

Сам Рогволод...» Вдруг тяжкий стон
И вопль отчаянья Рогнеды
Перерывают гуслей звон
И радость шумную беседы...
«О, успокойся, друг молодой! —
Вещал ей князь: — не слез достоин,
Но славы, кто в стране родной
И жил, и кончил дни, как воин.

Воскреснет храбрый Рогволод
В делах и в чадах Изяслава,
И пролетит из рода в род
Об нем, как гром гремящий, слава».
Рогнеды вид покойней стал;
В очах остановились слезы:
Но в них какой-то огонь сверкал,
И на щеках пылали розы...

При стуках чаш Боян поет,
Вновь тешит князя и дружину...
Но кончен пир — и князь идет
В великолепную одрину.
Сняв меч, висевший при бедре,
И вороненые кольчуги,
Он засыпает на одре,
В объятьях молодой супруги.

Сквозь окон скважины порой
Проникнув, молния пылает
И брачный одр во тьме ночной
С четой лежащей освещает.

Бушуя, ставнями стучит
И свищет в щели ветер порывный;
По кровле град и дождь шумит,
И гром гремит бесперерывный.

Князь спит покойно... Тихо встав,
Рогнеда свечок зажигает,
И в страхе, вся затрепетав,
Меч тяжкий со стены снимает...
Идет... стоит... ступила вновь...
Едва дыханье переводит...
В ней то кипит, то стынет кровь...
Но вот... к одру она подходит...

Уж поднят меч!.. вдруг грянул гром,
Потрясса терем озаренный —
И князь, объятый крепким сном,
Воспрянул, треском пробужденный —
И пред собой Рогнеду зрит...
Ее глаза огнем пылают...
Поднятый меч и грозный вид
Преступницу изобличают...

Меч выхватив, ей князь вскричал:
«На что дерзнула в исступленьи?» —
«На то, что мне повелевал
Ужасный Чернобог — на мщенье!» —
«Но долг супруги, но любовь?» —
«Любовь! к кому?.. к тебе, губитель?..
Забыл, во мне чья льется кровь,
Забыл ты, кем убит родитель!..

«Ты, ты, тиран, его сразил!
Горя преступною любовью,
Ты жениха меня лишил,
И братнею облился кровью!
Испепелив мой край родной,
Рекой ты кровь в нем пролил всюду.
И Полоцк, дивный красотой,
Преобратил развалин в груды.

Но недовольный... местию злой
К бессильной пленнице пылая,
Ты брак свой совершил со мной
При зареве родного края!
Повлек меня в престольный град;
Тебе я сына даровала...
И что ж?... еще презренья хлад
В очах тирана прочитала!..

Вот страшный ряд ужасных дел,
Владимира покрывших славой!
Не через них ли приобрел
Ты на любовь Рогнеды право?..
Страдала, мучилась, стена,
Вся жизнь текла моя в кручине;
Но, боги! не роптала я
На вас в злосчастиях доныне!..

Впервые днесь ропщу!.. увы!..
Почто губителя отчизны
Сразить не допустили вы
И совершить достойной тризны!

С какою б жадностию я
На брызжущую кровь глядела,
С каким восторгом бы тебя,
Тиран, угасшего узрела!..»

Супруг, слова прервав ее,
В одрину стражу призывает.
«Ждет смерть, преступница, тебя! —
Пылая гневом восклицает. —
С зарей готова к казни будь!
Сей брачный одр пусть будет плаха!
На нем пронжу твою я грудь
Без сожаления и страха!»

Сказал — и вышел. Вдруг о том
Мгновенно слух распространился —
И терем, весь объятый сном,
От вопля женщин пробудился...
Бегут к княгине, слезы льют;
Терзаясь близостью разлуки,
Себя в молодые перси бьют
И белые ломают руки...

В тревоге все — лишь Изяслав
В объятых сна, с улыбкой нежной,
Лежит, покровы разметав,
Покой вкушая безмятежной.
Об участи Рогнеды он
В мечтах невинности не знает;
Ни бури рев, ни плач, ни стон
От сна его не пробуждает.

Но перестал греметь уж гром;
Замолкли ветры в чаще леса,
И на востоке голубом
Редела мрачная завеса.
Вся в перлах, злате и серебре,
Ждала Рогнеда, без боязни,
На изукрашенном одре,
Назначенной супругом казни.

И вот денница занялась;
Сверкнул сквозь окна луч багровый —
И входит с витязями князь
В одрину, гневный и суровый.
«Подайте меч! — воскликнул он,
И раздалось везде рыданье: —
Пусть каждого страшит закон!
Злодейство примет воздаянье!»

И быстро в храмину вбежав:
«Вот меч! коль не отец ты ныне,
Убей! — вещает Изяслав: —
Убей, жестокий, мать при сыне!»
Как громом неба поражен,
Стоит Владимир и трепещет,
То в ужасе на сына он,
То на Рогнеду взоры мечет...

Речь замирает на устах,
Сперлось дыханье, сердце бьется;
Трепещет он; в его костях
И лютый хлад и пламень льется,

В душе кипит борьба страстей:
И милосердие, и мщенье...
Но вдруг, с слезами из очей —
Из сердца вырвалось: прощенье!

Сочинитель известного Слова о полку Игореве называет Бояна Соловьем старого времени. Неизвестно, когда жил сей славянский бард. Н. М. Карамзин, в Пантеоне Росс. Авторам, говорит о нем так: «Может быть жил Боян во времена героя Олега; может быть пел он славный поход сего аргонавта к Царю-граду, или несчастную смерть храброго Святослава, который с горстью своих погиб среди бесчисленных печенегов, или блестящую красоту Гостомысловой правнуки Ольги, ее невинность в сельском уединении, ее славу на троне». — Не менее правдоподобно, что Боян был певцом подвигов Великого Владимира и знаменитых его сподвижников: Добрыни, Яна Усмовича, Рогдая. Можно предполагать, что при блистательном Дворе Северного Карломана находились и песнопевцы: их привлекали великолепные пиршества, богатырские потехи и приветливость доброго князя; а славные победы над греками, ляхами, печенегами, ятвягами и болгарами могли воспламенить дух патризма в сих диких сынах Севера. И грубые норманы услаждали слух свой песнями скальдов.

БОЯН

На брег Днепра, разбив болгар,
Владимир-Солнце возвратился,
И в светлой гриднице, в кругу князей,
бояр
На шумном пиршестве с друзьями
веселился.

Мед, в стариках, воспламенивши кровь,
Протекшую напомнил младость,
Победы славные, волшебницу-любовь
И лет утраченных былую радость.

Беспечнее веселый круг шумел,
Звучнее гусли раздавались.
Один задумчиво Боян сидел;
В нем думы думами сменялись...

«Какое зрелище мой видит взор! —
Мечтал певец унылый: —
Бояр, князей и витязей собор,
И государь народу милый!

Дивятся их бесчислию побед
Иноплеменные державы,

И служит, трепеща, завистливый сосед
Для них невольным отголоском славы.

Их именами все места
Исполнены на Севере угрюмом,
И каждый день из уст в уста
Перелетают с шумом...»

И я, дивясь их делам,
Пел витязей — и сонмы умолкали,
И персты вещие, по золотым струнам
Летая, славу рокотали!

Но, может быть, времен губительных полет
Всесокрушающею силой
Деянья славные погубит в бездне лет,
И будет Русь пространною могилой!..

И песни звучные Бояна-соловья
На пиршествах не станут раздаваться,
Забудут витязей, которых славил я,
И память их хвалой не будет оживляться.

Ах, так — предчувствую: Бояна вещей глас
Веков в пучине необъятной,
Как эхо дальное в безмолвной ночи час
Меж гор, умолкнет невозвратно...

По чувствам пламенным не оценит
Певца потомок юный;
В мрак неизвестности все песни рок умчит,
И звучные порвутся струны!

Но отлети скорей
Моей души угрюмое мечтанье,
Не погашай последней искры в ней
Надежды — жить хоть именем в преданье».

7. Мстислав Удалый

Мстислав, сын Владимира Великого, был удельный князь Тмутараканский. Столица сего княжества, Тмутаракань (древняя Таматарха), находилась на острове Тамани, который образуют рукава реки Кубани, при впадении ее в Азовское море. В соседстве жили косоги, племя горских черкесов. В 1022 году Мстислав объявил им войну. Князь косожский, Редедя, крепкотелый великан, по обычаю богатырских времен, предложил ему решить распрю единоборством, Мстислав согласился. Произошел бой: Тмутараканский князь поверг врага и умертвил его. Косоги признали себя данниками Мстислава. Он умер около 1036 года. Летописи называют его *Удалым*.

МСТИСЛАВ УДАЛЫИ

(Ф. В. Булгарину)

Как тучи с гор текли косоги;
На встречу им Мстислав летел.
Стенал поморья брег пологий,
И в поле гул глухой гремел.
Уж звук трубы на поле брани
Сзывал храбрейших из полков;
Уж храбрый князь Тмутаракани
Кипел ударить на врагов.

Вдруг, кожей покрыт медведя,
От вражьих отделясь дружин,
Явился с палицей Редедя,
Племен косожских властелин.
Он к войску шел, как в океане
Валится в бурю черный вал,
И стал, как сосна, на кургане,
И громогласно провещал:

«Почто кровавых битв упорством
Губить и войско, и народ?
Решим войну единоборством:
Пускай за всех один падет!»

Иди, Мстислав, сразись со мною:
И кто в сей битве победит,
Тому владеть врага страною,
Или отдать ее на щит!»

«Готов!» — князь русский восклицает —
И грозный стал перед бойцом,
С коня — и на курган взлетает
Удалый, ясным соколом.
Сошлись, схватились, в бой вступили...
Могущ и князь и великан!
Друг друга стиснули, сдавили;
Трещат... колеблется курган!..

Стоят — и миг счастливый ловят;
Как вихрь крутятся... прах летит...
Погибель, падая, готовят,
И каждый яростью кипит...
Хранят молчание два строя,
Но души воинов в очах:
Смотря по переменам боя,
В них блещет радость или страх.

То русский хочет славить бога,
Простерши длани к небесам;
То вдруг слышна мольба косога:
«О! помоги, всевышний, нам!»
И вот князья, напрягши силы,
Друг друга ломают, льется пот...
На них, как верви, вздулись жилы:
Колеблется и сей, и тот...

Глаза, налившись кровью, блещут,
Колена крепкие дрожат,
И мышцы сильные трепещут,
И искры сыплются от лат...
Но вот — Мстислав изнемогает —
Он падает!.. конец борьбе...
«Святая Дева! — восклицает: —
Я храм сооружу тебе!..»

И сила дивная мгновенно
Влилася в князя... он восстал,
Рванулся бурей разъяренной,
И новый Голиаф упал!
Упал — и стал курган горою...
Мстислав широкий меч извлек
И, придавив врага пятою,
Главу огромную отсек.

8. Михаил Тверской

Несчастный Михаил, сын Тверского князя Ярослава Ярославича, по смерти Андрея Александровича (1304 г.) должен был вступить на великокняжеский престол; но племянник его Георгий Данилович, князь Московский, начал оспаривать у него сие право. Россия находилась тогда под владычеством моголов: оба князя отправились в Орду, и хан (Тохта) утвердил Михаила. Более десяти лет протекло мирно; но злоба не угасала в сердце Георгия; он не пропускал случая вредить Михаилу. Между тем Тохта умер (1312 г.); ему наследовал сын его Узбек. Несогласия князей возобновились, и Георгия призвали в Орду (1315 г.). Целые три года он раболепствовал перед Узбеком, дарами и происками снискал себе милостивое расположение и, в довершение всего, женился на сестре его Кончаке (1318 г.). Хан наименовал Георгия старейшим из князей русских и дал ему войско. Михаил выступил к нему навстречу, сразился и одержал победу: татарский полководец Кавгадый и супруга Георгия впали в плен; последняя умерла скоропостижно в

Твери. Раздраженный Узбек призвал Михаила в Орду, жестоко истязал его и наконец велел лишить жизни. Церковь причла сего князя-страдальца к лику св. мучеников.

МИХАИЛ ТВЕРСКОЙ

(Ф. В. Булгарину)

За Узбеком вслед влекомый
Кавгадыем, Михаил
В край чужой и незнакомый
С сыном юношей вступил.
Мчался Терек быстрым бегом
Меж нависших берегов;
Зрелись гор хребты под снегом
Из-за сизых облаков.

Стан Узбеков за рекою,
На степи, в глуши пестрел;
Всюду воины толпою;
Всюду гул глухой шумел.
Ветхим рубищем покрытый,
С мрачной грустию в груди,
Князь-страдалец знаменитый
Сел в цепях на площади.

Несчастливца обступили
Любопытные толпой:
«Это князь был! — говорили
И качали головой. —

Он обширными странами,
Как Узбек наш, обладал;
Он с отважными полками
Кавгадыя поражал!..»

В речи вслушавшись чужие,
Загрустил сильнее князь;
Вспомнил славу — и впервые
Слезы брызнули из глаз.
«До какого униженья, —
Он мечтал, потупя взор, —
Довели нас заблужденья
И погибельный раздор!

Те, которых трепетали
Хитрый грек и храбрый лях,
Ныне вдруг рабами стали
И пред ханом пали в прах!
Я любил страну родную
И пылал разрушить в ней
Наших бед вину прямую:
Распри злобные князей.

О Георгий! ты виною,
Ты один тому виной,
Если кровь сограждан мною
Пролита в стране родной!
Ты на дядю поднял длани;
Ты в душе был столь жесток,
Что на Русь всю лютость брани
И татар толпы навлек!

Смерть свою давно предвижу;
Для побега други есть, —
Но побегом не унижу
Незапятнанную честь!
Так, прав чести не нарушу;
Пусть мой враг, гонитель мой,
Насыщает в злобе душу
Лютым мщеньем надо мной!

Пусть вымаливает казни!
Тверд и прав в душе своей,
Смерть я встречу без боязни,
Как в боях слетался с ней.
Не хочу своим спасеньем
На родимый край привлечь
Кавгадыя с лютым мщеньем
И Узбека грозный меч!»

Подкрепленный сею думой,
Приподнялся Михаил,
И спокойный, но угрюмый,
Тихо в свой шатер вступил.
Кавгадыем обольщенный,
Между тем младый Узбек,
В сердце трепетный, смятенный,
Смерть невинному изрек...

Уж Георгий с палачами
И коварный друг царя
Шли поспешными шагами
К жертве, злобою горя...

Пред иконою святою
Михаил псалом читал:
Вдруг с той вестью роковою
Отрок княжеский вбежал. .

Вслед за ним убийцы с криком
Ворвались в густых толпах:
Блещет гнев во взоре диком,
Злоба алчная в чертах...
Ворвались — и напали...
Как гроза в глухой ночи,
Над упавшим засверкали
Ятаганы и мечи...

Кровь из язв лилась струею...
И пробил его конец:
Сердце хладною рукою
Вырвал дикий Романец.
Князь скончался жертвой мщенья.
С той поры он всюду чтим:
Михаила за мученья
Церковь празднует святым.

9. Дмитрий Донской

Подвиги великого князя Дмитрия Иоанновича Донского известны всякому русскому. Он был сын великого князя Московского Иоанна Иоанновича, родился в 1350 году, великокняжеский престол занял 1362 года. Владычествовавшая над Россиею Золотая или Сарайская Орда в его время раздиралась междоусобиями. Один из князей татарских, Мамай, властвовал там, под именем Мамант-Салтана, слабого и ничтожного хана. Недовольный великим князем, Мамай отправил (в 1378 г.) мурзу Бегича со множеством татарского войска; ополчение Дмитрия встретило их на реке Воже, сразилось мужественно и одержало победу. Раздраженный Мамай, совокупив еще большие силы иноплеменников, двинулся с ними к пределам России. Дмитрий вооружился; противники сошлись на Куликовом поле (при речке Непрядве, впадающей в Дон); бой был жестокий и борьба ужасная (8 сентября 1380 г.). На пространстве двадцати верст кровь русских мешалась с татарскою. Наконец Мамай предался бегству, и Дмит-

рий восторжествовал. Сия знаменитая победа доставила ему великую славу и уважение современников. Потомство наименовало его Донским. Димитрий умер в 1389 году.

ДИМИТРИЙ ДОНСКОЙ

«Доколь нам, други, пред тираном
Склонять покорную главу,
И заодно с презренным ханом
Позорить сильную Москву?
Не нам, не нам страшиться битвы
С толпами грозными врагов:
За нас и Сергия молитвы,
И прах замученных отцов!

Летим — и возвратим народу
Залог блаженства чуждых стран:
Святую праотцев свободу
И древние права граждан.
Туда! за Дон!.. настало время!
Надежда наша — бог и меч!
Сразим моголов и, как бремя,
Ярмо Мамайя сбросим с плеч!»

Так Дмитрий, рать обозревая,
Красуясь на коне, гремел
И, в помощь бога призывая,
Перуном грозным полетел...

«К врагам! за Дон! — вскричали
войски: —
За вольность, правду и закон!»
И, повторяя клик геройский,
За князем ринулися в Дон.

Несутся полные отваги,
Волн упреждают быстрый бег;
Летят, как соколы, — и стяги
Противный осенили брег.
Мгновенно солнце озарило
Равнину и берега реки
И взору вдалеке открыло
Татар несметные полки.

Луга, равнины, доли, горы
Толпами пестрыми кипят;
Всех сил объять не могут взоры...
Повсюду бердыши блестят.
Идут, как мрачные дубравы, —
И вторят степи гул глухой;
Идут... там хан, здесь чада славы, —
И закипел кровавый бой!..

«Бог нам прибежище и сила! —
Рек Дмитрий на челе полков, —
Умрем, когда судьба судила!» —
И первый грянул на врагов.
Кровь хлынула — и тучи пыли,
Поднявшись вихрем к небесам,
Светило дня от глаз сокрыли,
И мрак простерся по полям.

Повсюду хлещет кровь ручьями;
Зеленый побагровел дол:
Там русский поражен врагами,
Здесь пал растоптанный могол.
Тут слышен копий треск и звуки,
Там сокрушился меч о меч.
Летят отсеченные руки,
И головы катятся с плеч.

А там, под тению кургана,
Презревший славу, сан и свет,
Лежит, низвергнув великана,
Отважный инок Пересвет.
Там белозерский князь и чада,
Достойные его любви,
И окрест их татар громада,
В своей потопшая крови.

Уж многие из храбрых пали,
Великодушный сонм редел;
Уже враги одолевали,
Татарин дикий свирепел.
К концу клонился бой кровавый,
И черный стяг был пасть готов:
Как вдруг орлом из-за дубравы
Волынский грянул на врагов.

Враги смешались — от кургана
Промчалось: «Силен русский бог!» —
И побежала рать тирана,
И сокрушен гордыни рог!

Помчался хан в глухие степи,
За ним шумящим враном страх;
Расторгнул русский рабства цепи
И стал на вражеских костях!..

Но кто там бледен, близ дубравы,
Обрызган кровию лежит?
Что зрю? .. Первоначальник славы,¹
Димитрий ранен... страшный вид! ..
Ужель изречено судьбою
Ему быть жертвой битвы сей?
Но вот к стнящему герою
Притек сонм воев и князей.

Вот, преклонив трофеи брани,
Гласят: «Ты победил! восстань!» —
И князь, воздевши к небу длани:
«Велик нас ополчивший в брань!
Велик! — речет, — к нему молитвы!
Он Сергия услышал глас;
Ему вся слава грозной битвы;
Он, он один прославил нас!»

¹ Выражение летописца.

10. Глинский

Князь Михаил Львович Глинский — некогда знатный и богатый литовский вельможа. Род его происходил от татарского князя, выехавшего из Орды во времена в. к. Витовта. Воспитанный в Германии, Глинский принял тамошние обычаи, долго служил императору и отличался храбростию и умом. Возвратясь в отечество, он снискал милость короля Александра и был его любимцем и другом. Когда (в 1508 г.) Сигизмунд сделался королем, завистники обнесли пред ним Глинского. Главный враг его был пан Забржезенский. Князь Глинский, обще с двумя братьями, передался вел. князю Московскому Василию Иоанновичу, был принят им с уважением и сделан воеводою. Глинский сражался против своих соотечественников и оказал особенные услуги при взятии Смоленска (1514 г.). Вел. князь обещал его сделать владетелем сего княжества; но не сдержал слова. Глинский вошел в переписку с Сигизмундом и намерен был ему передаться: его схватили, привезли в Москву и заключили в темницу. Там он просидел более двенадцати лет. Вел. князь женился на его племяннице, княжне Елене,

дочери брата его Василия. Через год царица выпросила своему дяде прощение (1527 г.), и кн. Глинский пришел еще в большую силу. По кончине вел. князя Елена сделалась правительницею государства. Князь Михаил был одним из сильнейших членов Думы: нескромная слабость племянницы к любимцу ее, князю Телепневу-Оболенскому, возбудила в нем справедливое негодование: он стал делать ей увещания и подпал гневу; снова его заключили в темницу, где он и умер (в 1534 г.).

ГЛИНСКИЙ

Под сводом обширным темницы подземной,
Куда луч приветный отрадных светил
Страшился проникнуть; где в области темной
Лишь бледный свет лампы, мерцая,
бродил;
Гремевший в Варшаве, Литве и России
Бесславьем и славой свершенных им дел,
В тяжелой цепи по рукам и по выи,
Князь Глинский задумчив сидел.

Волос уцелевших седые остатки
На сморщенно веком и грустью чело
Спадали кудрями, вивясь в беспорядке:
Страданье на Глинском бразды
провело...

Сидел он, склоненный на длань головою,
Угрюмою думой в минувшем летал;
Звучал средь безмолвья цепями порою
И тяжко, стоная, вздыхал.

При нем неотступно в темнице сидела
Прелестная дева — отрада слепца;
Свободой, и счастьем, и светом презрела,
И блага все в жертву она для отца.

Блеск пышный чертога для ней заменила
Могильная мрачность темницы сырой;
Здесь девичью прелесть дочь нежная скрыла
И жизни зарю молодой.

«О, долго ли будешь, стоная, лить слезы? —
Рекла она нежно: — печали забудь!

Быть может, расторгнешь сии ты железы:

Надежда лелеет и узников грудь!

Быть может, остаток несчастливой жизни,

Спокою волненье и бурю души,

Как гражданин верный, на лоне отчизны

Ты счастливо кончишь в тиши». —

«На лоне отчизны! — воскликнул

изменник: —

Не мне утешаться надеждою сей:

Страшась угрызений, стенающий пленник,

Несчастный, и вспомнить трепещет

о ней.

Могу ль быть покоен хотя на мгновенье?

Червь совести тайно терзает меня,

К себе самому я питаю презренье

И мучусь, измену кляня.

Природа дала мне возможные блага,

Чтоб славным быть в мире иль грозным
в войне:

Богатство, познанья, порода, отвага, —

Всё с щедростью было ниспослано мне.

Желал еще славы и лавров победы;

Душа трепетала, дух юный кипел...

Вдруг поднялись тучей на Польшу соседы —
И лавр мне достался в удел.

Могольские орды влетели бедою:

Литва задымилась в пылу боевом, —
И старцы, и жены, и дети толпою
Влеклися в неволю свирепым врагом;
И в пепел деревни и пышные грады;
И буйный татарин в крови утопал;
Ни веку, ни полу не зрели пощады —
Меч жадный над всеми сверкал.

Встревожен невзгодой, я к хищным
навстречу

С дружиною храбрых помчался грозой.
Достиг — и отважно в кровавую сечу,
И кровь полилася, напелясь, рекой.
Покрылись телами поля и равнины:
Литвин и татарин упорно стоял;
Но с яростью новой за мною дружины —
И гордый могол побежал.

Боролся с кончиной властитель державной;
Тревогой и плачем наполнен дворец —
И вдруг о победе и громкой, и славной,
От Глинского с вестью примчался гонец.
Чело Александра веселость покрыла:
«Когда торжествует родная страна, —
Он рек предстоящим, — тогда и могила,
Поверьте, друзья, не страшна!»

Сим подвигом славным чрезмеру надменный,
Не мог укротить я волненья страстей —
И род Забржезенских, давно мне
враждебный,
Внезапно средь ночи пал жертвой мечей.
Погиб он — и други мне стали врагами,
И, предан душою лишь мести одной,
Дерзнул я ввестися с чужими полками
В отчизну свирепой войной.

О мука! о совесть — тиран неотступной! ..
Ни зрелище стягов родимой земли,
Ни тайный глас сердца из длани преступной,
В час битвы, исторгнуть меча не могли!
Среди раздраженных, пылающих мщеньем,
И ярых, и грозных душой москвитян,
Увы, к преступленью влеком преступленьем,
Разил я своих сограждан! ..

Бой кончен — и Глинский узрел на равнине
Растерзанных трупы и груды костей;
Душа предалась невольню кручине,
И брызнули слезы на грудь из очей.
Не в пору познал я тоску преступленья!
Вся гнусность измены представилась
мне;

Молил Сигизмунда проступкам забвенья;
Мечтал о родной стороне!

Но гений враждебный о тайне душевной
Царю в злое время известие дал,

И русский властитель, смущенный и
гневный,

Раскаянье сердца изменой назвал:
Лишил меня зренья убийцы руками,
Забывши и славу и старость мою,
И дядю царицы, опутав цепями,
Забросил в темницу сию.

Лет десять живу я в могиле сей холодной;
Ни звезды, ни солнце не светят ко мне;
Тоскую угрюмый в душе безотрадной
И думой стремлюся к родимой стране.
Приметно слабею в утраченных силах,
Чуть сердце трепещет, немеет мой глас,
И медленней льется кровь холодная в жилах,
И смерти уж близится час.

О дочь моя! скоро, над гробом рыдая,
Ты бросишь на прах мой горсть чуждой
земли

Скорее, друг юный, беги сего края:
От милой отчизны жить грустно вдали!
Свободный народ наш, деяньями славной,
Издавна известный в далеких краях,
Проступки несчастных отцов своенравно
Не будет отмщать на детях.

Край милый увидишь — и сердца утраты,
И юных лет горе в душе облегчишь;
И башни, и храмы, и предков палаты,
И сердцу святыя гробницы узришь!

Отца проклиная, дочь милую нежно
И ласково примут отчизны сыны —
И ты дни окончишь в тиши безмятежной
На лоне родимой страны.

Пусть рок мой — исполнен тоской и
мученьем,
Пребудет примером отчизны моей!
Да каждый, пылая преступным отмщеньем,
Итти не посмеет стезею страстей!
Да видят во мне моей родины братья,
Что рано, иль поздно — измене взгремят
Ужасные сердцу сограждан проклятья,
И совесть от сна пробудят!» —

Несчастный умолкнул с душевной тоскою:
Вдруг стон по темнице — и Глинский
упал

На дочери лоно седой головою,
И холод кончины его оковал!..
Так Глинский — муж думы и пламенный,
воин,
Погиб на чужбине, как гнусный злодей;
Хвалы бы он вечной был в мире достоин,
Когда бы не буря страстей.

11. Курбский

Князь Андрей Михайлович Курбский — знаменитый вождь, писатель и друг Иоанна Грозного. В казанском походе, при отражении крымцев от Тулы (1552 г.) и в войне Ливонской (1560 г.) он оказал чудеса храбрости. В 1564 году Курбский был воеводою в Дерпте. В сие время Грозный преследовал друзей прежнего своего любимца Адашева, в числе которых был и Курбский: ему делали выговоры, оскорбляли и наконец угрожали. Опасаясь гибели, Курбский решился изменить отечеству и бежал в Польшу. Сигизмунд II принял его под свое покровительство и дал ему в поместье княжество Ковельское. Отсюда Курбский вел бранную и язвительную переписку с Иоанном, а потом еще далее простер свое мщение: забыл отечество, предводительствовал поляками во время их войны с Россией и возбуждал против нее хана Крымского. Он умер в Польше. Перед смертью сердце его несколько умягчилось: он вспомнил о России и называл ее милым отечеством. Спасаясь из Дерпта, Курбский оставил там супругу и девятилетнего сына; потом, в Польше, вторично женился на княгине Дуб-

ровицкой, с которою король повелел ему развестися. Курбский известен также литературными своими трудами: он описал жестокости царя Иоанна и перевел некоторые беседы Златоустого на Деяния св. Апостол. В конце XVII века правнуки его выехали в Россию.

КУРБСКИЙ

На камне мшистом в час ночной,
Из милой родины изгнанник,
Сидел князь Курбский, вождь молодой,
В Литве враждебной грустный
странник,

Позор и слава русских стран,
В совете мудрый, страшный в брани,
Надежда скорбных россиян,
Гроза ливонцев, бич Казани. . .

Сидел — и в перекатах гром
На небе мрачном раздавался,
И темный лес, шумя, кругом
От блеска молний освещался.
«Далеко от страны родной,
Далеко от подруги милой, —
Сказал он, покачав головой, —
Я должен век вести унылой.

Уж боле пылких я дружин
Не поведу к кровавой брани.
И враг не побежит с равнин
От покорителя Казани.

До дряхлой старости влача
Унылу жизнь в тиши бесславной,
Не обнажу за Русь меча,
Гоним судьбою своенравной.

За то, что изнемог от ран,
Что в битвах край родной прославил,
Меня неистовый тиран
Бежать отечества заставил:
Покинуть сына и жену,
Покинуть всё, что мне священо,
И в чуждую уйти страну
С душою, грустью отягченной.

В Литве я ныне стал вождем;
Но, ах! ни почести велики
Не веселят в краю чужом,
Ни ласки чуждого владыки.
Я всё стенаю и грущу,
И на пирах сижу угрюмый,
Чего-то для души ищу,
И часто погружаюсь в думы...

И в хижине, и во дворце
Меня глас внутренний тревожит,
И мрачность на моем лице
Веселость шумных пиршеств множит...
Увы! всего меня лишил
Тиран отечества драгова,
Сколь жалок рок кому судил
Искать в стране чужой покрова».

12. Смерть Ермака

Под словом Сибирь разумеется ныне неизмеримое пространство от хребта Уральского до берегов Восточного океана. Некогда Сибирским царством называлось небольшое татарское владение, коего столица, Искер, находилась на реке Иртыше, впадающей в Обь. В половине XVI века сие царство зависило от России. В 1569 году царь Кучум был принят под руку Иоанна Грозного и обязался платить дань. Между тем сибирские татары и подвластные им остяки и вогуличи вторгались иногда в Пермские области. Это заставило российское правительство обратить внимание на обеспечение сих украин укрепленными местами и умножением в них народонаселения. Богатые в то время купцы Строгоновы получили во владение обширные пустыни на пределах Пермии: им дано было право заселить их и обработать. Сзывая вольницу, сии деятельные помещики обратились к казакам, кои, не признавая над собою никакой верховной власти, грабили на Волге промышленников и купеческие караваны. Летом 1579 года 540 сих удальцов пришли на берега Камы; предводителей у них было пятеро, главный назывался

Ермак Тимофеев. Строгоновы присоединили к ним еще 300 человек разных всельников, снабдили их порохом, свинцом и другими припасами и отправили за Уральские горы (в 1581 г.). В течение следующего года казаки разбили татар во многих сражениях, взяли Искер, пленили Кучумова племянника, царевича Маметкула, и около трех лет господствовали в Сибири. Между тем число их мало-помалу уменьшалось: много погибло от оплошности. Сверженный Кучум бежал в Киргизские степи и замышлял способы истребить казаков. В одну темную ночь (5 августа 1584 г.), при сильном дожде, он учинил неожиданное нападение: казаки защищались мужественно, но не могли стоять долго; они должны были уступить силе и внезапности удара. Не имея средств к спасению, кроме бегства, Ермак бросился в Иртыш, в намерении переплыть на другую сторону, и погиб в волнах.

Летописцы представляют сего казака-героя крепкотелым, осанистым и широкоплечим; он был роста среднего, имел плоское лицо, быстрые глаза, черную бороду, темные кудрявые волосы. Несколько лет после сего Сибирь была оставлена россиянами; потом пришли царские войска и снова завладели ею. В течение XVII века непрерывные завоевания разных удальцов-предводителей отнесли пределы Российского государства к берегам Восточного океана,

СМЕРТЬ ЕРМАКА

(П. А. Муханову)

Ревела буря, дождь шумел;
Во мраке молнии летали;
Бесперерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали. . .
Ко славе страстию дыша,
В стране суровой и угрюмой,
На диком берегу Иртыша
Сидел Ермак, объятый думой.

Товарищи его трудов,
Побед и громозвучной славы,
Среди раскинутых шатров
Беспечно спали близ дубравы.
«О, спите, спите, — мнил герой, —
Друзья, под бурею ревущей;
С рассветом глас раздастся мой,
На славу иль на смерть зовущий!

Вам нужен отдых; сладкий сон
И в бурю храбрых успокоит;
В мечтах напомнит славу он
И силы ратников удвоит,

Кто жизни не щадил своей
В разбоях, злато добывая,
Тот думать будет ли о ней,
За Русь святую погибая?

Своей и вражьей кровью смыв
Все преступленья буйной жизни,
И за победы заслужив
Благословения отчизны —
Нам смерть не может быть страшна;
Свое мы дело совершили:
Сибирь царю покорена,
И мы — не праздно в мире жили!»

Но роковой его удел
Уже сидел с героем рядом
И с сожалением глядел
На жертву любопытным взглядом.
Ревела буря — дождь шумел;
Во мраке молнии летали;
Бесперерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

Иртыш кипел в крутых берегах,
Вздымались седые волны,
И рассыпались с ревом в прах,
Бия о брег, казачьи челны.
С вождем покой в объятьях сна
Дружина храбрая вкушала;
С Кучумом буря лишь одна
На их погибель не дремала!

Страшась вступить с героем в бой,
Кучум к шатрам, как тать презренный,
Прокрался тайною тропой,
Татар толпами окруженный.
Мечи сверкнули в их руках, —
И окровавилась долина,
И пала грозная в боях,
Не обнажив мечей, дружина...

Ермак воспрянул ото сна,
И, гибель зря, стремится в волны,
Душа отвагою полна,
Но далеко от берега челны!
Иртыш волнуется сильнее —
Ермак все силы напрягает,
И мощною рукой своей
Валы седые рассекает...

Плывет... уж близко челнока, —
Но сила року уступила,
И, закипев страшней, река
Героя с шумом поглотила.
Лишивши сил богатыря
Бороться с ярою волною,
Тяжелый панцырь — дар царя
Стал гибели его виною.

Ревела буря... вдруг луной
Иртыш кипящий осребрился,
И труп, извергнутый волной,
В броне медяной озарился,

Носились тучи, дождь шумел,
И молнии еще сверкали,
И гром вдали еще гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

Борис Федорович Годунов является в истории с 1570 года; тогда он был царским оруженосцем. Возвышаясь постепенно, Годунов сделался боярином и конюшим: титла важные при прежнем дворе российском. Сын Иоанна Грозного, царь Федор, сочетался браком с его сестрою Ириною Федоровною. Тогда Годунов пришел в неограниченную силу: он имел столь великое влияние на управление государством, что иностранные державы признавали его соправителем сего кроткого, слабодушного монарха. По кончине Федора Иоанновича (1598 г.) духовенство, государственные чины и поверенные народа избрали Годунова царем. Правление его продолжалось около осьми лет. В сие время Годунов старался загладить неприятное впечатление, какое оставили в народе прежние честолюбивые и хитрые его виды; между прочим ему приписывали отдавление от двора родственников царской фамилии (Нагих, кн. Сицких и Романовых) и умерщвление малолетнего царевича Дмитрия, брата царя Федора, в 1591 году погибшего в Угличе. Годунов расточал награды царедворцам, благотворил народу и

всеми мерами старался приобрести общественную любовь и доверенность. Между тем явился ложный Димитрий, к нему пристало множество приверженцев, и государству угрожала опасность. В сие время (1605 г.) Годунов умер внезапно; полагают, что он отравился. Историки не согласны в суждениях о Годунове: одни ставят его на ряду государей великих, хвалят добрые дела и забывают о честолюбивых его происках; другие — многочисленнейшие — называют его преступным, тираном.

БОРИС ГОДУНОВ

Москва-река дремотною волной
Катилась тихо меж берегами;
В неё, гордясь, гляделся Кремль стеной
И златоверхими главами.
Умолк по улицам и вдоль берегов
Кипящего народа гул шумящий.
Всё в тихом сне: один лишь Годунов
На ложе бодрствует стелющийся.

Пред образом Спасителя, в углу,
Лампада тусклая трепещет,
И бледный луч, блуждая по челу,
В очах страдальца страшно блещет.
Тут зрелся скиптр, корона там видна,
Здесь золото и серебро сияло!
Увы! лишь добродетели и сна
Великому недоставало!

Он тщетно звал его в ночной тиши;
До сна ль, когда шептала совесть
Из глубины встревоженной души
Ему цареубийства повесть?

Пред ним прошедшее, как смутный сон,
Тревожной оживлялось думой, —
И трепету невольно предан он,
Страдал в душе своей угрюмой.

Ему представился тот страшный час;
Когда, достигь пылая трона,
Он заглушил священный в сердце глас,
Глас совести, и веры, и закона.
«О заблуждение! — он возопил: —
Я мнил, что глас сей сокровенный
Навек сном непробудным усыпил
В душе, злодейством омраченной!

Я мнил: взойду на трон — и реки благ
Пролью с высот его к народу;
Лишь одному злодейству буду враг;
Всем дам законную свободу.
Начнут торговлею везде цвести
И грады пышные и села;
Полезному открою все пути,
И возвеличу блеск престола.

Я мнил: народ меня благословит,
Зря благоденствие отчины,
И общая любовь мне будет щит
От тайной сердца укоризны.
Добро творю, — но ропота души
Оно остановить не может:
Глас совести в чертогах и в глуши
Везде равно меня тревожит.

Везде, как неотступный страж за мной,
Как злой, неумолимый гений,
Влачится вслед — и шепчет мне порой
Невнятно повесть преступлений! ..
Ах! удались! дай сердцу отдохнуть
От нестерпимого страданья!
Не раздирай страдальческую грудь:
Полна уж чаша наказанья!

Взываю я — но тщетны все мольбы!
Не отгоню ужасной думы:
Повсюду зрю грозящий перст судьбы
И слышу сердца глас угрюмый.
Терзай же, тайный глас, коль суждено,
Терзай! Но я восторжествую,
И смою черное с души пятно
И кровь царевича святую!

Пусть злобный рок преследует меня;
Не утомлюся от страданья,
И буду царствовать до гроба я
Для одного благодеянья.
Святою мудростью и правотой
Свое правление прославлю,
И прах несчастного почтить слезой
Потомка позднего заставлю.

О так! хоть станут проклинать во мне
Убийцу отрока святова,
Но не забудут же в родной стране
И дел полезных Годунова». —

Страдая внутренно, так думал он;
И вдруг, на глас святой надежды,
К царю слетел давно желанный сон
И осенил страдальца вежды.

И с той поры державный Годунов,
Перенося гоненье рока,
Творил добро, был подданным покров
И враг лишь одного порока.
Скончался он — и тихо приняла
Земля несчастного в объятья —
И загремели за его дела
Благословенья и — проклятья! ..

14. Дмитрий Самозванец

Читавшим отечественную историю известен странный Лжедмитрий — Григорий Отрепьев. Повествуют, что он происходил из сословия детей боярских, несколько лет находился в Чудове монастыре иеродьяконом и был келейником у патриарха Иова. За беспорядочное поведение Отрепьев заслуживал наказание; он желал избежать сего и предался бегству. Долго скитаясь внутри России и переходя из монастыря в монастырь, наконец выехал в Польшу. Там он замыслил выдать себя царевичем Дмитрием, сыном Иоанна Грозного, который умерщвлен был (в 1591 г.) в Угличе, как говорили, по проискам властолюбивого Годунова. Он начал разглашать выдуманные им обстоятельства мнимого своего спасения, привлек к себе толпу легковерных и с помощью сендомирского воеводы Юрия Мнишка вторгся в отечество вооруженною рукою. Странное стечение обстоятельств благоприятствовало Отрепьеву: Годунов умер внезапно, и на престоле российском воссел самозванец (1605 г.). Но торжество Отрепьева было не долговременно: явная преданность католицизму и терпимость иезуитов сделали его ненавистным в

народе; а развратное поведение и дурное правление ускорили его падение. Князь Василий Шуйский (в 1606 г.) произвел заговор, возникло народное возмущение, — и Лжедмитрия не стало. Явление сего самозванца, быстрые его успехи и странное стечение обстоятельств того времени составляют важную загадку в нашей истории.

ДИМИТРИЙ САМОЗВАНЕЦ

Чьи так дико блещут очи?
Дыбом черный волос встал?
Он страшится мрака ночи;
Зрю — сверкнул в руке кинжал!..
Вот идет... стоит... трепещет...
Быстро бросился назад;
И, как злой преступник, мечет
Вдоль чертога робкий взгляд!

Не убийца ль сокровенной,
За Москву и за народ,
Над стезею потаенной
Самозванца стережет?..
Вот к окну оборотился;
Вдруг луны сребристый луч
На чело к нему скатился
Из-за мрачных, грозных туч.

Что я зрю? То хищник власти,
Лжедимитрий там стоит;
На лице пылают страсти;
Трепеща он говорит:

«Там в чертогах кто-то бродит —
Шорох — заскрипела дверь!..
И вот призрак чей-то входит...
Это ты — Бориса дщерь!..

О, молю! избавь от взгляда...
Укоризною горя,
Он вселяет муки ада
В грудь преступного царя!..
Но исчезла у порога; —
Это кто ж мелькнул и стал,
Притаясь в углу чертога...
Это Шуйский!.. Я пропал!..»

Так страдал злодей коварный
В час спокойствия в Кремле;
Проступал бесперестанно
Пот холодный на челе. —
«Не укроюсь я от мщенья! —
Он невнятно прошептал: —
Для тирана нет спасенья;
Друг ему — один кинжал!

На престоле иль на ложе,
Иль в толпе на площади,
Рано, поздно ли, но всё же
Быть ему в моей груди!
Прекращу свой век постылый;
Мне наскучило страдать
Во дворце, как средь могилы,
И убийцу наживать». —

Сталь нанес — она сверкнула —
И преступный задрожал,
Смерть тирана ужаснула:
Выпал поднятый кинжал.
«Не настало еще время, —
Простонал он, — но придет,
И несносной жизни бремя
Тяжкой ношею спадет».

Но как будто вдруг очнувшись:
«Что свершить решился я? —
Он воскликнул, ужаснувшись. —
Нет! не погублю себя.
Завтра ж, завтра все разрушу,
Завтра хлынет кровь рекой —
И встревоженную душу
Вновь порадует покой!

Вместо праотцев закона
Я введу закон римлян;
Грозной местию гряну с трона
В подозрительных граждан.
И твоя падет на плахе,
Буйный Шуйский, голова!
И, дымясь в крови и прахе,
Затрепещешь ты, Москва!»

Смолк. — Преступные надежды
Удалили страх, — и он
Лег на пышный одр, — и вежды
Оковал тревожный сон.

Вдруг среди безмолвья грянул
Бой набата близ дворца,
И тиран с одра воспрянул
С смертной бледностью лица...

Побежал и зрит у входа:
Изо всех кремлевских врат
Волны шумные народа
Ко дворцу, стремясь, кипят.
Вот приблизились, напали;
Храбрый Шуйский впереди, —
И сарматы побежали
С хладным ужасом в груди.

«Всё погибло! нет спасенья,
Смерть прибежище одно!» —
Рек тиран... еще мгновенье —
И бросается в окно!
Пал на камни, и при стуках
Сабель, копий и мечей
Жизнь окончил в страшных муках
Нераскаянный злодей.

15. Иван Сусанин

В исходе 1612 года юный Михаил Федорович Романов, последняя отрасль Рюриковой династии, скрывался в Костромской области. В то время Москву занимали поляки: сии пришельцы хотели утвердить на российском престоле царевича Владислава, сына короля их Сигизмунда III. Один отряд проникнул в Костромские пределы и искал захватить Михаила. Вблизи от его убежища враги схватили Ивана Сусанина, жителя села Домнина, и требовали, чтобы он тайно провел их к жилищу будущего венценосца России. Как верный сын отечества, Сусанин захотел лучше погибнуть, нежели предательством спасти жизнь. Он повел поляков в противоположную сторону и известил Михаила об опасности: бывшие с ним успели увезти его. Раздраженные поляки убили Сусанина. По восшествии на престол Михаила Федоровича (в 1613 г.) потомству Сусанина дана была жалованная грамота на участок земли при селе Домнине; ее подтверждали и последующие государи.

ИВАН СУСАНИН

«Куда ты ведешь нас? .. не видно ни зги! —
Сусанину с сердцем вскричали враги: —
Мы вязнем и тонем в сугробинах снега;
Нам, знать, не добраться с тобой до ночлега.
Ты сбился, брат, верно, нарочно с пути;
Но тем Михаила тебе не спасти!

Пусть мы заблудились, пусть вьюга бушует,
Но смерти от ляхов ваш царь не минует! ..
Веди ж нас, — так будет тебе за труды;
Иль бойся: не долго у нас до беды!
Заставил всю ночь нас пробиться с

мятелью. . .
Но что там чернеет в долине за елью?» —

«Деревня! — сарматам в ответ мужичок: —
Вот гумна, заборы, а вот и мосток.
За мною! в ворота! — избушечка эта
Во всякое время для гостя нагрета.
Войдите, — не бойтесь!» — «Ну, то-то,
москаль! ..

Какая же, братцы, чертовская даль!

Такой я проклятой не видывал ночи,
Слепились от снега соколии очи...

Жупан мой — хоть выжми, нет нитки
сухой!» —

Вошед, проворчал так сармат молодой. —
«Вина нам, хозяин! мы смокли, иззябли!
Скорей!.. не заставь нас приняться за
сабли!»

Вот скатерть простая на стол постлана;
Поставлено пиво и кружка вина,
И русская каша и щи пред гостями,
И хлеб перед каждым большими ломтями.
В окончины ветер, бушуя, стучит;
Уныло и с треском лучина горит.

Давно уж за полночь!.. Сном крепким
объяты;

Лежат беззаботно по лавкам сарматы.
Все в дымной избушке вкушают покой;
Один, настороже, Сусанин седой
Вполголоса молит в углу у иконы
Царю молодому святой обороны!..

Вдруг кто-то к воротам подъехал верхом.
Сусанин поднялся и в двери тайком...
«Ты ль это, родимый?.. А я за тобою!
Куда ты уходишь ненастной порою?
За полночь... а ветер еще не затих;
Наводишь тоску лишь на сердце родных!» —

«Приводит сам бог тебя к этому дому,
Мой сын, поспешай же к царю молодому;
Скажи Михаилу, чтоб скрылся скорей;
Что гордые ляхи, по злобе своей,
Его потаенно убить замышляют,
И новой бедою Москве угрожают!

Скажи, что Сусанин спасает царя,
Любовью к отчизне и вере горя.
Скажи, что спасенье в одном лишь побеге
И что уж убийцы со мной на ночлеге». —
«Но что ты затеял? подумай, родной!
Убьют тебя ляхи... Что будет со мной?

И с юной сестрою и с матерью хилой?» —
«Творец защитит вас святой своей силой.
Не даст он погибнуть, родимые, вам:
Покров и помощник он всем сиротам.
Прощай же, о сын мой, нам дорого время;
И помни: я гибну за русское племя!»

Рыдая, на лошадь Сусанин молодой
Вскочил и помчался свистящей стрелой.
Луна, между тем, совершила полкруга;
Свист ветра умолкнул, утихнула вьюга.
На небе восточном зарделась заря:
Проснулись сарматы — злодеи царя.

«Сусанин! — вскричали: — что молишься
богу?
Теперь уж не время — пора нам в дорогу!»
Оставив деревню шумящей толпой,

В лес темный вступают окольной тропой.
Сусанин ведет их... Вот утро настало,
И солнце сквозь ветви в лесу засияло:

То скроется быстро, то ярко блеснет,
То тускло засветит, то вновь пропадет.
Стоят не шелохнясь и дуб и береза;
Лишь снег под ногами скрипит от мороза,
Лишь временно ворон, вспорхнув, прошумит,
И дятел дуплистую иву долбит.

Друг за другом идут в молчаньи сарматы;
Все дале и дале седой их вожатый.
Уж солнце высоко сияет с небес:
Все глуше и диче становится лес!
И вдруг пропадает тропинка пред ними;
И сосны, и ели ветвями густыми,

Склонившись угрюмо до самой земли,
Дебристую стену из сучьев сплели.
Вотще настоroje тревожное ухо:
Всё в том захолустье и мертво, и глухо...
«Куда ты завел нас?» — лях старый
вскричал.
«Туда, куда нужно! — Сусанин сказал. —

Убейте! замучьте! — моя здесь могила!
Но знайте, и рвитесь: я спас Михаила!
Предателя, мнили, во мне вы нашли:
Их нет и не будет на русской земли!

В ней каждый отчизну с младенчества
любит,
И душу изменой свою не погубит». —

«Злодей! — закричали враги, закипев: —
Умрешь под мечами!» — «Не страшен ваш
гнев!
Кто русский по сердцу, тот бодро и смело
И радостно гибнет за правое дело!
Ни казни, ни смерти и я не боюсь:
Не дрогнув, умру за царя и за Русь!» —

«Умри же! — сарматы герою вскричали, —
И сабли над старцем, свистя, засверкали!
Погибни, предатель! Конец твой настал!» —
И твердый Сусанин весь в язвах упал!
Снег чистый чистейшая кровь обагрила:
Она для России спасла Михаила!

16. Богдан Хмельницкий

Зиновий (Богдан) Хмельницкий, сын чигиринского сотника, воспитывался в Киеве и кончил учение у иезуитов, в польском городе Ярославце. В истории он становится известен с 1620 года. В сражении при Цецоре турки взяли его в плен и держали в неволе два года. По возвращении своем Хмельницкий служил в войске польском; потом несколько лет жил в селении Субботове, в покое. Чигиринский подстароста Чаплицкий, захватив селение, похитил у него подругу и высек плетью малолетнего его сына. Хмельницкий поехал в Варшаву, жаловался; но не нашел управы. Тогда он поклялся отомстить всем полякам. В 1647 году в Малороссии вспыхнуло возмущение: Хмельницкий принял в нем деятельное участие, поощрял недовольных и умножал толпы их. Дошло до явной войны. Хмельницкий выбран был гетманом. Он вошел в связи с крымцами, призвал их на помощь и слишком четыре года противостоял полякам. Примечательны сражения: на Желтой Воде, под Корсуном и при Берестечке. В 1651 году прекратились раздоры. Поляки заключили с малороссиянами и запорожским войском мир-

ный договор под Белою Церковию; но несмотря на сие, не упустили случая оскорблять их. Сии притеснения заставили Хмельницкого просить российского государя о принятии его с войском в подданство (1654 г.).

Он умер в Чигирине 15 августа 1657 года. За освобождение отчины его прозвали *Богданом*, т. е. богом дарованным избавителем.

БОГДАН ХМЕЛЬНИЦКИЙ

Средь мрачной и сырой темницы,
Куда украдкой проникал,
Скользя по сводам, луч денницы
И ужас места озарял, —
В цепях и грозный, и угрюмый,
Лежал Хмельницкий на земле;
В нем мрачные кипели думы
И выражались на челе.

Темницы мертвое молчанье
Ни стон, ни вздох не нарушал;
Надежду мести и страданье
Герой в груди своей питал.
«Так, так, — он думал, — час настанет —
Освобожденный от оков,
Забытый узник бурей грянет
На притеснителей-врагов!

Отмстит холодное презренье
К священнейшим правам людей;
Отмстит убийства и хищенье,
Бесчестье жен и дочерей!

Позорные разрушит цепи
И, рабства сокруша кумир,
Вновь водворит в родные степи
С святой свободой тихий мир.

Покроет ржа врагов кольчуги
И прах их ветер разнесет,
Застонут нежные супруги,
И мать детей не обоймет.
А ты, пришлец иноплеменный,
Тиран родной страны моей,
Мучитель мой ожесточенный,
Чаплицкий! трепещи, злодей!

За кровь пролитую, за слезы
И жен, и старцев, и сирот,
За всё — и за сии железы
Тебя мое отмщенье ждет! ..
Но где о вольности мечтаю?
Увы! в темнице дни влача,
Свой век, быть может, окончаю
От рук презренных палача!

И долго, может быть, стеная
Под тяжким бременем оков,
Хмельницкого страна родная
Пребудет жертвою врагов!»
Чела страдальца вид суровый
Мрачнее стал от думы сей,
И на заржавые оковы
Упали слезы из очей.

Вдруг слышит: загремели створы,
Со скрипом дверь отворена, —
И входит, потупляя взоры,
Младая, робкая жена.
«Кто ты? — Хмельницкий изумленный
Представшей незнакомке рек. —
Оковы ль снять? .. о час блаженный!
О, если б этот час притек!

Или с жестокою душою,
С презреньем хладным на очах,
Ты не пришла ли надо мною
Ругаться, зря меня в цепях?» —
«О нет, — приветно произносит, —
В душе любви питая жар,
Жена Чаплицкого приносит
Тебе с рукой свободу в дар». —

«Жена Чаплицкого!» — «Мученье
И вместе мужество твое
Вдохнули в душу мне почтенье
И сердце тронули мое:
Я полюбила — и пылала
Из сих оков тебя извлечь;
Я связь с тираном разорвала;
Будь мой!» — «Я твой!» — «Прими
свой меч!» —

«Мой меч! — Хмельницкий восклицает. —
Жив бог... и ты погиб, злодей!
Заря свободы засияет

От блеска мстительных мечей!»
Сребрила дол царица ночи,
В брега волною Днепр плескал,
Опенив удила, у роши
Нетерпеливый конь стоял.

Герой вскочил, веселья полный,
Летит — и зрит поля отцов,
И вокруг его, как моря волны,
Рои толпятся казаков.
«Друзья! — он к храбрым восклицает: —
За мной, чью грудь волнует месть,
Кто рабству смерть предпочитает,
Кому всего дороже честь!

Сам бог поборник угнетенным!
Вожди — решительность и я!
Навстречу ко врагам презренным,
На Воды Желтые, друзья!» —
И вот сошлись два народа,
И с яростью вступили в бой
С тиранством бодрая свобода,
Кипя отвагою молодой.

Сармат, и храбрый, и надменный,
Вотще упорствовать хотел;
Вотще разбитый, побежденный,
Бежал мечей и метких стрел.
Преследуя, как ангел мщенья,
Герой везде врагов сражал,
И трупы их без погребенья
Волкам в добычу разметал!..

И воцарилася свобода
С тех пор в украинских степях,
И стала с счастьем народа
Цвезть радость в селах и градах
И чтя послом небес желанным
В замену всех наград и хвал,
Вождя-героя — богом данным
Народа общий глас назвал.

17. Артемон Матвеев

Артемон Сергеевич Матвеев родился в 1625 году. В правление царя Алексея Михайловича он отличился доблестями на поприще военном и политическом: сражался с поляками, шведами и татарами, заключил договор о сдаче Смоленска (1656 г.), убедил запорожцев к подданству России и уничтожил невыгодный для нее Андрусовский мир (1667 г.). Начальствуя над Посольским приказом, Матвеев умел вселить в других европейских дворах должное уважение к России. В его доме воспитывалась Наталия Кирилловна Нарышкина, вторая супруга царя Алексея Михайловича, от которой родился *Петр Великий*. Впоследствии государь возвел Матвеева в ближние бояре и оказывал ему особенную доверенность и даже дружбу. С кончиною царя Алексея Михайловича (в 1676 г.) кончилось блистательное поприще Матвеева: враги оклеветали его и удалили от двора. Матвеев получил назначение в Верхотурье воеводою; на дороге настиг его гонец и отвез в отдаленный Пустозерский острог. Целые семь лет Матвеев пробыл в заточении. Наконец ему велено было ехать в город Лух (Костромской губернии). В до-

роге Матвеев узнал о кончине царя Феодора Алексеевича и получил приглашение ко двору воцарившихся соправителей. В столице ожидало его новое бедствие: на четвертый день приезда (15 мая 1682 г.) взбунтовались стрельцы, и Матвеев пал жертвою преданности к государям. Любя добродетель, он уважал просвещение и науки; сочинил Российскую историю; имел вкус к изящным искусствам: живописи, музыке и драматическим представлениям. При нем впервые стали известны у нас театральные зрелища.

АРТЕМОН МАТВЕЕВ

Муж знаменитый, друг добра,
Боярин Артемон Матвеев
Был сослан в ссылку от Двора
По клеветам своих злодеев.
Семь лет томился он в глуши;
Семь лет позор и стыд изгнанья
Сносил с величием души,
Без слез, без скорби и роптанья.

«Когда защитник нам закон
И совесть сердца не тревожит,
Тогда ни ссылка, — думал он, —
Ни казнь позорить нас не может.
Быв другом доброго царя,
Народа русского любимец,
Всегда в душе спокоен я
И в злополучии счастливец.

Для блага сограждан моих
Усилия мои не тщетны,
Коль всюду слышу я за них
Глас благодарности приветный.

Все козни злых клеветников
Потомству время обнаружит,
И ненависть моих врагов
К бесславию для них послужит.

Пускай перед царем меня
Чернит и клевета, и злоба.
Пред ними не унижусь я:
Мне честь сопутницей до гроба.
Щитом против коварства стрел,
Среди моей позорной ссылки,
Воспоминанье добрых дел
И дух к добру, как прежде, пылкий.

Того не потемнится честь,
Кому, почтив дела благие,
Народ не пощадил принести
В дар камни предков гробовые.
Опалой царской не лишен
Я гордости той благородной,
Которой только одарен
Муж справедливый и свободной.

Пустоозерска дикий вид,
Угрюмая его природа
Не в силах твердости лишить
Благотворителя народа.
Своей покорствуя судьбе,
Быть твердым всюду я умею;
Жалею я не о себе,
Я боле о царе жалею,

На страшной трона высоте
Необходима прозорливость.
О государь! вняв клевете,
Ты оказал несправедливость.
Меня ты в ссылку осудил
За то ль, что я служил полвека?
Но я давно тебя простил,
О царь! простил, как человека.

Близ трона, притаясь, всегда
Гнездятся лесть и вероломство.
Сколь много для царей труда!
Деяний их судьей потомство.
Увы! его склонить нельзя
Ни златом блещущим, ни страхом.
Нелицемерный сей судья
Творит свой приговор над прахом».

Так изгнанный мечтал в глуши,
Неся позорной ссылки бремя —
И правоту его души
Пред светом оправдало время:
Друг истины и друг добра,
Горя к отечеству любовью,
Пал мертв за юного Петра,
Запечатлев невинность кровью.

18. *Петр Великий* в *Острогожске*

Петр Великий, по взятии Азова (в августе 1696 года), прибыл в Острогожск. Тогда приехал в сей город и *Мазепа*, охранявший у Коломака, вместе с *Шереметевым*, пределы России от татар. Он поднес царю богатую турецкую саблю, оправленную золотом и осыпанную драгоценными камнями, и на золотой цепи щит с такими же украшениями. В то время *Мазепа* был еще невинен. Как бы то ни было, но уклончивый, хитрый гетман умел вкратиться в милость *Петра*. Монарх почтил его посещением, обласкал, изъявил особенное благоволение и с честью отпустил в Украину.

ПЕТР ВЕЛИКИЙ В ОСТРОГОЖСКЕ

В пышном гетманском уборе,
Кто сей муж, суров лицом,
С ярким пламенем во взоре,
Ниц упал перед Петром?
С бунчуком и булавою
Вкруг монарха сердюки,
Судьи, сотники толпою
И толпами казаки.

«Виден промысла святова
Над тобою дивный щит! —
Покорителю Азова
Старец бодрый говорит, —
Оглася победой славной
Моря Черного берега,
Ты смирил, монарх державной,
Непокорного врага.

Страшный в брани, мудрый в мире,
Превзошел ты всех владык,
Ты не блещущей порфирой,
Ты душой своей велик.

Чту я славою и честью
Быть врагом твоим врагам,
И губительною местию
Пролететь по их полкам.

Уснежился черный волос,
И булат дрожит в руке:
Но зажжет еще мой голос
Пыл отваги в казаке.
В пылом сердце жажда славы
Не остыла в зиму дней:
Празднество мне — бой кровавый;
Мне музыка — стук мечей!»

Кончил и к стопам Петровым
Щит и саблю положил;
Но, казалось, вождь суровый
Что-то в сердце затаил...
В пышном гетманском уборе,
Кто сей муж, суров лицом,
С ярким пламенем во взоре,
Ниц упал перед Петром?

Сей пришлец в стране пустынной
Был Мазепа, вождь седой;
Может быть, еще невинной,
Может быть, еще герой.
Где ж свидание с Мазепой
Дивный свету царь имел?
Где герою вождь свирепой
Клясться в искренности смел? —

Там, где волны Острогощи
В Сосну тихую влились;
Где дубов сенистых рощи
Над потоком разрослись;
Где с отвагой молодецкой
Русский крымцев поражал;
Где напрасно Брюховецкой
Добрых граждан возмущал;

Где плененный славы звуком,
Поседевший в битвах дед,
Завещал кипящим внукам
Жажду воли и побед;
Там, где с щедростью обычной
За ничтожный, легкий труд
Плод оратаю сторичной
Нивы тучные дают;

Где в лугах необозримых,
При журчании волны,
Кобылиц неукротимых
Гордо бродят табуны;
Где, в стране благословенной,
Потонул в глуши садов
Городок уединенной
Острогожских казаков,

19. *Волынский*

Волынский начал поприще службы при *Петре Великом*. Получив чин генерал-майора, он оставил военную службу и сделался дипломатом: ездил в Персию в качестве министра, был вторым послом на Немировском конгрессе и в 1737 году пожалован в статс-секретари. Манштейн изображает его человеком обширного ума, но крайне искательным, гордым и сварливым. Неосторожность погубила Волынского. Однажды, приметя холодность императрицы Анны к герцогу Бирону, он решился подать ей меморию, в которой обвинял во многом герцога и некоторых сильных при дворе особ: ему хотелось отдалить их. Узнав о сем, жестокий Бирон излил месть на Волынского: его отдали под суд и приговорили к смертной казни (в 1739 г.)

ВОЛЫНСКИЙ

«Не тот отчизны верный сын,
Не тот в стране самодержавья
Царю полезный гражданин,
Кто раб презренного тщеславья!
Пусть будет муж совета он
И мученик позорной казни,
Стоять за правду и закон,
Как Долгорукий, без боязни.

Пусть будет он, дыша войной,
Врагам, в часы кровавой брани,
Неотразимою грозой,
Как покорители Казани.
Пусть удивляет... Но когда
Он всё творит то из тщеславья:
Беда несчастному, беда!
Он сын не славы, а бесславья.

Глас общий цену даст делам;
Изобличатся вероломства —
И на проклятие вѣкам
Предастся раб сей от потомства.

Не тот отчизны верный сын,
Не тот в стране самодержавья
Царю полезный гражданин,
Кто раб презренного тщеславья!

Но тот, кто с сильными в борьбе
За край родной иль за свободу,
Забывши вовсе о себе,
Готов всем жертвовать народу.
Против тиранов лютых твёрд,
Он будет и в цепях свободен,
В час казни правотою горд
И вечно в чувствах благороден.

Повсюду честный человек,
Повсюду верный сын отчизны,
Он проживет и кончит век,
Как друг добра, без укоризны.
Ковать ли станет на граждан
Пришлец иноплеменный цепи:
Он на него — как хищный вран,
Как вихрь губительный из степи!

И хоть падет — но будет жив
В сердцах и памяти народной,
И он, и пламенный порыв
Души прекрасной и свободной.
Славна кончина за народ!
Певцы, герою в воздаянье,
Из века в век, из рода в род
Передадут его деянье.

Вражда к тиранству закипит
Неукротимая в потомках, —
И Русь священная узрит
Власть чужеземную в обломках». —
Так, сидя в крепости, в цепях,
Волынский думал справедливо;
Душою чист и прав в делах,
Свой жребий нес он горделиво.

Стран северных отважный сын,
Презрев и казнь, и Бироном,
Дерзнул на пришлеца один
Всю правду высказать пред троном.
Открыл царице корень зла,
Любимца гордого пороки,
Его ужасные дела,
Коварный ум и нрав жестокий.

Свершил, исполнил долг святой,
Открыл вину народных бедствий,
И ждал с бестрепетной душой
Деянью правому последствий.
Не долго, вольности лишён,
Герой влачил свои оковы;
Однажды вдруг запоров звон —
И входит страж к нему суровый.

Проник — и, осенясь крестом,
Сказал он: «За тебя, свобода!»
И к месту казни с торжеством
Шел бодро верный друг народа.

Притек... увидел палача —
И голову склонил без страха;
Сверкнуло лезвие меча, —
И кровью освятилась плаха! —

Сыны отечества! в слезах
Ко храму древнему Самсона!
Там за оградой, при воротах
Почиет прах врага Бирона!
Отец семейства! приведи
К могиле мученика — сына;
Да закипит в его груди
Святая ревность гражданина!

Любовью к родине дыша,
Да всё для ней он переносит
И, благородная душа,
Пусть личность всякую отбросит.
Пусть будет чести образцом,
За страждущих — железной грудью,
И вечно заклятым врагом
Постыдному правосудью.

20. *Наталия Долгорукова*

Княгиня Наталия Борисовна — дочь фельдмаршала *Шереметева*, знаменитого сподвижника *Петра Великого*. Нежная ее любовь к несчастному своему супругу и непоколебимая твердость в страданиях увековечили ее имя.

НАТАЛИЯ ДОЛГОРУКОВА

Настала осени пора;
В долинах ветры бушевали,
И волны мутного Днепра
Песчаный берег подрывали.
На брег сей дикий и крутой,
Невольно слезы проливая,
Беседовать с своей тоской
Пришла страдалица младая.

«Свершится завтра жребий мой;
Раздастся колокол церковной —
И я навек с своей тоской
Сокроюсь в келии безмолвной!
О, лейтесь, лейтесь же из глаз
Вы, слезы, в месте сем унылом!
Сегодня я в последний раз
Могу мечтать о друге милом!

В последний раз в немой глуши
Брожу с воспоминаньем смутным
И тяжкую печаль души
Вверяю рощам бесприютным.

Была гонима всюду я
Жезлом судьбины самовластной;
Увы! вся молодость моя
Промчалась осенью ненастной!

В борьбе с враждующей судьбой
Я отцветала в заточенье;
Мне друг прекрасный и молодой
Был дан, как призрак, на мгновенье.
Забыла я родной свой град,
Богатство, почести и знатность,
Чтоб с ним делить в Сибири хлад
И испытать судьбы превратность.

Всё с твердостью перенесла
И, бедствуя в стране пустынной,
Для Долгорукова спасла
Любовь души своей невинной.
Он жертвой мести лютой пал;
Кровь друга плаху оросила;
Но я, бродя меж снежных скал,
Ему в душе не изменила.

Судьба отраду мне дала
В моем изгнании унылом:
Я утешалась, я жила
Мечтой всегдашнею о милome!
В стране угрюмой и глухой
Она являлась мне как радость,
И в душу, сжатую тоской,
Невольно проливала сладость.

Но завтра, завтра я должна
Навек забыть о страсти нежной;
Живая в гроб заключена,
От жизни отрекусь мятежной.
Забуду всё: людей и свет,
И холодна к любви и злобе,
Суровый выполню обет,
Мечтать до гроба лишь о гробе.

О, лейтесь, лейтесь же из глаз
Всѣ слезы, в месте сем унылом:
Сегодня я в последний раз
Могу мечтать о друге милом.
В последний раз в немой глуши
Брожу с воспоминаньем смутным
И тяжкую печаль души
Вверяю рощам неприютным».

Тут, сняв кольцо с своей руки,
Она кольцо поцеловала
И, бросив в глубину реки,
Лицо закрыла и взрыдала:
«Сокройся в шумной глубине,
Ты, перстень, перстень обручальной,
И в монастырской жизни мне
Не оживляй любви печальной!»

Река клубилась в берегах,
Поблеклый лист валялся с шумом;
Порывный ветер шумел в полях
И бушевал в лесу угрюмом.

Полна унынья и тоски,
Слезами перси орошая,
Пошла обратно вдоль реки
Дочь Шереметева младая.

Обряд свершился роковой...
Прости, последнее веселье!
Одна с угрюмою тоской
Страдалица сокрылась в келье.
Там дни свои в посте влача,
Снедалась грустью безотрадной
И угасала, как свеча,
Как пред иконой огонь лампадный

21. Державин

Державин родился 1743 года в Казани. Он был воспитан сперва в доме своих родителей, а после в казанской гимназии, в 1760 году записан был в Инженерную школу, а в следующем году за успехи в математике и за описание болгарских развалин переведен в гвардию в чине поручика, отличился в корпусе, посланном для усмирения Пугачева. В 1777 году поступил в статскую службу, а в 1802 году пожалован был в министры юстиции. Скончался июля 6 дня 1816 года в поместье своем на берегу Волхова.

«К бессмертным памятникам Екатеринина века принадлежат песнопения Державина. Громкие победы на море и сухом пути, покорение двух царств, унижение гордости Оттоманской Порты, столь страшной для европейских государей, преобразования империи, законы, гражданская свобода, великопные торжества просвещения, тонкий вкус — всё это было сокровищем для гения Державина. Он был Гораций своей государи и... Державин — великий живописец...

Державин хвалит, укоряет и учит... Он
возвышает дух нации и каждую минуту дает
чувствовать благородство своего духа...» —
говорит Г. Мерзляков.

ДЕРЖАВИН

(Н. И. Гнедичу)

С дерев валится желтый лист,
Не слышно птиц в лесу угрюмом,
В полях осенних ветров свист,
И плещут волны в берег с шумом.
Над Хутынским монастырем
Приметно солнце догорало,
И на главах златым лучом,
Из туч прокравшись, трепетало.

Какой-то думой омрачен,
Младой певец бродил в ограде;
Но вдруг остановился он,
И заблестал огонь во взгляде;
«Что вижу я?.. на сих берегах, —
Он рек, — для севера священной
Державина ль почитет прах
В обители уединенной?»

И засияли, как росой,
Слезами юноши ресницы,
И он с удвоенной тоской
Сел у подножия гробницы;

И долго молча он сидел,
И мрачною тревожим думой,
Певец задумчивый глядел
На грустный памятник угрюмо.

Но вдруг восторженный вещал:
«Что я напрасно здесь тоскую?
Наш дивный бард не умирал;
Он пел и славил Русь святую!
Он выше всех на свете благ
Общественное благо ставил,
И в огненных своих стихах
Святую добродетель славил.

Он долг певца постиг вполне,
Он свить горел венков нетленной,
И был в родной своей стране
Органом истины священной.
Везде певец народных благ,
Везде гонимых оборона,
И зла непримиримый враг,
Он так твердил любимцам трона:

«Вельможу должны составлять
Ум здравый, сердце просвещенно!
Собой пример он должен дать,
Что звание его священо;
Что он орудье власти есть,
Всех царственных подпора зданий;
Должна быть польза, слава, честь
Вся мысль его, цель слов, деяний».¹

¹ См. „Вельможа“, соч. Державина.

О, так! нет выше ничего
Предназначения поэта:
Святая правда — долг его;
Предмет — полезным быть для света.
Служитель избранный творца,
Не должен быть ничем он связан;
Святой, высокий сан певца
Он делом оправдать обязан.

Ему неведом низкий страх;
На смерть с презрением взирает,
И доблесть в молодых сердцах
Стихом правдивым зажигает.
Над ним кто будет властелин? —
Он добродетель свято ценит,
И ей нигде, как верный сын,
И в думах тайных не изменит.

Таков наш бард Державин был;
Всю жизнь он вел борьбу с пороком;
Судьям ли правду говорил,
Он так гремел с святым пророком:
«Ваш долг на сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять
И свято сохранять законы.

Ваш долг несчастным дать покров,
Всегда спасать от бед невинных,
Исторгнуть бедных из оков,
От сильных защищать бессильных».¹

¹ См. „Властителям и Судиям“, его же.

Певцу ли ожидать стыда
В суде грядущих поколений?
Не осквернит он никогда
Порочной мыслию творений.

Повсюду правды верный жрец,
Томяся жаждой чистой славы,
Не станет портить он сердец
И развращать народа нравы.
Поклонник пламенный добра,
Ничем себя не опорочит
И освященного пера —
В несчастья буйном не омочит.

Творцу ли гимн святой звучит
Его восторженная лира, —
Словами он как гром гремит,
И вторят гимн народы мира.
О, как удел певца высок!
Кто в мире с ним судьбою равен?
Откажет ли и самый рок
Тебе в бессмертии, Державин?

Ты прав, певец: ты будешь жить;
Ты памятник воздвигнул вечный:
Его не могут сокрушить
Ни гром, ни вихорь быстротечный». ¹
Певец умолк — и тихо встал;
В нем сердце билось — и в волненьи,

¹ См. Памятник, подражание Державина Горациевой оде: „Eхegi monumentum aere perennius“.

Вздыхнув, он отходя вещал
В каком-то дивном исступленьи:

«О, пусть не буду в гимнах я,
Как наш Державин, дивен, громок;
Лишь только б молвил про меня
Мой образованный потомок:
Парил он мыслию в веках,
Седую вызывая древность,
И воспалял в младых сердцах
К общественному благу ревность!»

*Думы, не включенные
в издание 1825 г.*

ВАДИМ

Над кипящею пучиною
Подпершись сидит Вадим,
И на Новгород с кручиною
Смотрит нем и недвижим.

Гром гремит! Змеей огнистою
Сумрак молния сечет,
Волхов пеной серебристою
В брег песчаный с ревом бьет.

Вот уж небо в звезды рядится,
Как в узорчатый венец,
И луна сквозь тучи крадется,
Будто в саване мертвец.

Как утес средь моря каменный,
Как полночи вечный лед,
Хладен, крепок витязь пламенный
В грозных битвах за народ.

«До какого нас бесславия
Довели вражды граждан!

Насылает Скандинавия
Властелинов для славян!..

Грозен князь самовластный!
Но наступит мрак ночной;
И настанет час решительный,
Час для граждан роковой...»

.

ВЛАДИМИР СВЯТЫЙ

Дума

Ни гром побед, ни звуки славы,
Ничто Владимира утешить не могло;
Не разъясняли и забавы
Его угрюмое и мрачное чело...

Братоубийством отягченный
На светлых пиршествах сидел он одинок
И, тайной мыслию смущенный,
Дичился радостей, как узанный порок.

Напрасно пение Бояна
И рокот струн живых ласкали княжий слух;
Души не исцелялась рана,
И всё тревожился и тосковал в нем дух!

Однажды он с привычной думой,
На длань склонен главой, уединясь, сидел
И с дикостью души угрюмой
На вновь воздвигнутый Перунов лик глядел.

Вокруг зеленого кургана
Толпами шумными на теремном дворе

Народ кипел у истукана,
Сиявшего как луч и в злате, и в серебре! ..

«Перун! твой лик я здесь поставил! —
Вещал страдалец-князь. —

Мироправитель-бог!

Тебя я всех признать заставил,
И дуб, священный дуб перед тобой возжог!

Почто ж не укротишь волненья
Обуреваемой раскаяньем души!

Увы! ужасные мученья
Меня преследуют и в шуме, и в тиши.

Молю у твоего кумира:
Предел страданиям душевным положи;
Пересели меня из мира
Или попрежнему с веселием сдружи!»

Вдруг видит старца пред собою!
Почтенный, важный вид: спокойствие
в чертах,

Брада до чресл седой волною,
Кудрями волосы седые на плечах.

На посох странничий склоненный,
В десной распятие златое он держал;
И в князя взор его вперенный
На душу грешника смятенье проливал. . .

«Кто ты?» Владимир с изумленьем
И гласом трепетным пришельца спросил.

«Посол Творца! — он рек с смиреньем, —
Ты бога вышнего делами прогневил. . .

Ни в Чернобоге, ни в Перуне,
Ни в славе, ни в пирах Владимиров покой;
Его ты, грешник, жаждешь втуне;
Как за добычей вран, так совесть
за тобой! . .

Но что, о князь, сии терзанья!
Тебя, отверженец! ужаснейшие ждут!
Наступит час — ценить деянья!
Воскреснут мертвые! Настанет страшный суд!

И суд сей будет непреложен;
Твое могущество тебя не защитит!
Там раб и царь равно ничтожен;
Всевышний судия на лица не глядит.

Пред ним угаснет блеск короны!
И князю-грешнику один и тот же ад,
Где вечный скрежет, плач и стоны
С рабами низкими властителя сравнят».

Так говорил пришлец священный,
И пылкий, яркий огонь в глазах его блистал,
И князь, трепещущий, смятенный,
Лия потоки слез, словам его внимал! . .

«О, чем же я избегну ада? . .
Наставь, наставь меня! . . — Владимир
старцу рек. —

Из твоего читаю взгляда,
Что ты, таинственный! спасти меня
притек!..»

«Крести себя, крести народы! —
В ответ вещал святой, — и ты себя спасешь!
И славу дел из рода в роды
С благословением потомства перельешь!

Тогда не ад, блаженство рая
И вечность дивная тебя, Владимир, ждут,
Где сонмы ангелов, порхая,
Пред троном вышнего твой подвиг
воспоют!» —

«Крести ж, крести меня, о дивный!» —
В восторге пламенном воскликнул мудрый
князь...

На утро звук трубы призывный —
И рать Владимира к Херсону понеслась...

На новый подвиг, с новым жаром
Летят дружинами с вождем богатыри,
Зарделись небеса пожаром,
Трепещет Греция и гордые цари!..

Так в князе огонь души надменной,
Остаток мрачного язычества горел:
С рукой царицы несравненной
Он веру самую завоевать летел...

МАРФА ПОСАДНИЦА

Была уж полночь. Бранный шум
Затих на стогнах Новограда
И Марфы беспокойный ум —
Свободы тщетная ограда —
Вкушал покой от мрачных дум.

В полях сверкали огоньки;
Расположась обширным станом
Близ озера и вдоль реки,
Вдали чернели за туманом,
Царя отважного полки.

Всё было в непробудном сне;
Лишь ратники сторожевые
Перекликались на стене,
И Волхов в берега крутые
Плескал волною в тишине.

Покой и мрак среди домов...
Вдруг с Ярославова Дворища
Звон вечевых колоколов —
И грянул, бросив пелелища,
Народ со всех пяти Концов.

.

ЯКОВ ДОЛГОРУКИЙ

Дума

Корабль летел, как на крылах,
Шумя уныло парусами,
И, зарываясь в волнах,
Клубил их и вздымал буграми.
Седая пена за кормой
Рекой клубящейся бежала
И шум однообразный свой
С ревущей бурей сливала.

На шканцах шумною толпой
Стояли с пленниками шведы;
Они летели в край родной
С отрадной вестью победы.
Главу склонив, с тоской в очах
И накрест опустивши руки,
На верхней палубе, в мечтах,
Сидел отважный Долгорукий.

Он говорил: «Родной земли
Уже не зреть страдальцу боле;
Умру, как изгнанник, вдали,
Умру с бесславием, в неволе.

В печальном плене дни влача,
Вотще пылаешь славой дедов;
Увы, не притупить меча
Тебе о кости грозных шведов!

Уж для меня, как битвы знак,
Не загремят в полках литавры,
И не украсят мой шишак
Неувядаемые лавры.
Не буду я, служа добру,
Творить вельможам укоризны,
И правду говорить Петру,
Для благоденствия отчизны...

Ах, лучше смерть в седых валах,
Чем жизнь без славы и свободы;
Не русскому стенать в цепях
И изживать без цели годы!»
Так пел герой. Меж тем вдали
Уже сияли храмов шпицы,
Чернелись берега земли,
И стаями неслися птицы.

Вот видны башни на скалах;
То Готенбург на бреге диком —
И шведы, с пламенем в очах,
Приветствуют отчизну криком!
Подняв благоговейный взор
И к небу простирая длани,
В слезах благодарит пастор
И бога вод, и бога брани,

Вокруг него толпы врагов,
Молясь, упали на колена...
Бушует ветер меж парусов,
Корабль летит, клубится пена.
Катятся слезы из очей
И груди шведов орошают;
Они отцов, сестер, дегей
Уже в мечтаньях обнимают...

Вдруг Долгорукий загремел:
«За мной! Расторгнем плен постыдный.
Пусть слава будет наш удел,
Иль смертью умрем завидной!..»
Сверкнул в руке его булат,
Пал неприятель изумленный —
И завоеванный фрегат
Помчался в Ревель покоренный.

ЦАРЕВИЧ АЛЕКСЕЙ В РОЖЕСТВЕНЕ

Дума

Страшно воеет лес дремучий,
Ветр в ущелиях свистит,
И украдкой из-за тучи
Месяц в Оредеж глядит.

Там — разбросаны жилища
Утесненной нищеты,
Здесь стоят средь красоты
Деревенского кладбища
Деревянные кресты.
Между гор, как под навесом,
Волны светлые бегут
И вослед себе ведут
Берега, поросши лесом.

Кто ж сидит на черном пне
И, вокруг глядя со страхом,
В полуночной тишине
Тихо шепчется с монахом?

«Я готов, отец святой!
Но ведь он — родитель мой...»

«Не лжеумствуй своенравно!
(Слышен голос старика!)
Гибель церкви православной
Вижу я издалека...
Видишь сам: уж всё презренно —
Предков нравы и права,
И обычай их священный,
И родимая Москва.
Ждет спасенья наша вера
От тебя, молодой герой;
Иль не зришь себе примера:
Мать твоя перед тобой.
Всё царица в жертву богу
Равнодушно принесла
И блестящему чертогу
Мрачну келью предпочла.
В рай иль в ад тебе дорога?..
Сын мой! слушай чернеца:
Иль отца забудь для бога
Или бога для отца!» —

Смолк монах. Царевич юный
С пня поднялся, говоря:
«Так и быть! Сберу перуны
На отца и на царя!»

ГОЛОВА ВОЛЫНСКОГО

Дума

Свершилась казнь — и образец
Любви к отечеству священной
Приял страдальческий венец,
Венец прекрасный и нетленной!
Волынский тверд был до конца!
Не уstraшенный мукой казни,
Он важность гордого лица
Не изменил чертой боязни.

Презренного злодея меч
Сверкнул над выей патриота;
Сверкнул — глава упала с плеч
И покати́лась с эшафота.
И страх и тайную тоску
Льстецы в душе презренной кроя,
Чтоб угодить временщику,
Торжествовали казнь героя.

Одна царица лишь была
Омрачена печальной думой;
Как будто камень, залегла
Тоска в душе ее угрюмой!

С тех пор от ней веселье прочь,
И стала сна она чуждаться:
Ее очам и день и ночь
Какой-то призрак стал являться...

Однажды пир шумел в дворце,
Гремела музыка на хорах;
У всех веселье на лице
И упоение во взорах.
В душе своей утомлена,
Бледна, печальна и угрюма,
Царица в Тронную одна
Ушла украдкою от шума.

Увы! и радость не могла
Ее порадовать улыбкой,
И мрачность бледного чела
Развеселить, хотя ошибкой!
«О, где найду душе покой?»
Она в раздумьи возопила,
И опершись на трон рукой,
Уныло голову склонила.

«И в шуме пиршеств, и в тиши
Меня раскаянье терзает;
Оно из глубины души
Волынского напоминает!..»
— «Он здесь!» — внезапно зазвучал
По сводам Тронной страшный голос.
В царице трепет пробежал,
И дыбом приподнялся волос!..

Она взглянула — перед ней
Глава Волынского лежала,
И на нее из-под бровей
С укором очи устремляла.
Лик смертной бледностью покрыт,
Уста раскрытые трепещут,
Как огонь болотный в ночь горит,
Так очи в ней неясно блещут.

Кругом главы во тьме ночной
Какой-то чудный свет сияет,
И каплющая кровь порой
Помост чертога обагрят.
Рисует каждая черта
Страдальца славного отчизны;
Вдруг посинелые уста
Залепетали укоризны:

«Что медлишь ты?.. Давно я жду
Тебя к Творцу на суд священный;
Там каждый восприимлет мзду;
Равны там царь и раб презренный!»
Окончив грозные слова,
Попрежнему из мрака ночи
Вперила мертвая глава
В царицу трепетную очи...

Гром музыки звучал еще,
Весельем оживлялись лица;
Все ждали Анну — но вотще!
Не возвращалась царица...

Исчезла радость, шум затих;
На царедворцах мрак угрюмой,
И каждый, глядя на других,
Спешит домой с тяжелой думой.

ПОЭМЫ

ВОЙНАРОВСКИЙ

Поэма

... Nessun maggior dolore
Che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria . . .

Dante.¹

А. А. БЕСТУЖЕВУ

Как странник грустной, одинокой,
В степях Аравии пустой,
Из края в край с тоской глубокой
Бродил я в мире сиротой.
Уж к людям холод ненавистной
Приметно в душу проникал,
И я в безумии дерзал
Не верить дружбе бескорыстной.
Внезапно ты явился мне:
Повязка с глаз моих упала;
Я разуверился вполне,
И вновь в небесной вышине
Звезда надежды засияла.

¹ Нет большего горя, как вспоминать о счастливом времени в несчастье. Данте.

Прими ж плоды трудов моих,
Плоды беспечного досуга;
Я знаю, друг, ты примешь их
Со всей заботливостью друга.
Как Аполлонов строгий сын,
Ты не увидишь в них искусства:
Зато найдешь живые чувства,
Я не Поэт, а Гражданин.

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ МАЗЕПЫ

Мазепа принадлежит к числу замечательнейших лиц в российской истории XVIII столетия. Место рождения и первые годы его жизни покрыты мраком неизвестности. Достоверно только, что он провел молодость свою при варшавском дворе, находился пажем у короля Иоанна Казимира и там образовался среди отборного польского юношества. Несчастные обстоятельства, до сих пор еще не объясненные, заставили его бежать из Польши. История представляет нам его в первый раз к 1674 году главным советником Дорошенки, который, под покровительством Польши, правил землями, лежавшими по правой стороне Днепра. Московский двор решился присоединить в то время сии страны к своей державе. Мазепа, попавшись в плен при самом начале войны с Дорошенком, советами против бывшего своего начальника много способствовал успеху сего предприятия и остался в службе у Самойловича, гетмана Малороссийской Украины. Самойлович, заметив в нем хитрый ум и пронырство, увлеченный его крас-

норечием, употреблял его в переговорах с царем Феодором Алексеевичем, с крымским ханом и с поляками. В Москве Мазепа вошел в связи с первыми боярами царского двора и после неудачного похода любимца Софии князя Василья Васильевича Голицына в Крым в 1687 году, чтоб отклонить ответственность от сего вельможи, он приписал неуспех сей войны благодетелю своему Самойловичу, отправил о сем донос к царям Иоанну и Петру и в награду за сей поступок был, по проискам Голицына, возведен в звание гетмана обеих Украин.

Между тем война с крымцами не устала: поход 1688 года был еще неудачнее прошлогоднего; здесь в то время произошла перемена в правлении. Владычество Софии и ее любимца кончилось, и власть перешла в руки Петра. Мазепа, опасаясь разделить несчастную участь с вельможею, которому он обязан был своим возвышением, решился объявить себя на стороне юного государя, обвинил Голицына в лихоимстве и остался гетманом.

Утвержденный в сем достоинстве, Мазепа всячески старался снискать благоволение российского монарха. Он участвовал в азовском походе; во время путешествия Петра по чужим краям счастливо воевал с крымцами, и один из первых советовал разорвать мир с шведами. В словах и поступках он казался самым ревностным поборником выгод Рос-

сии, изъявлял совершенное покорство воле Петра, предупреждал его желания, и в 1701 году, когда буджацкие и белгородские татары просили его о принятии их в покровительство, согласно с древними обычаями казаков: прежние казацкие обыкновения миновались, отвечал он депутатам, гетманы ничего не делают без повеления государя. В письмах к царю Мазепа говорил про себя, что он один и что все окружающие его недоброжелательствуют России; просил, чтоб доставили ему случай показать свою верность, позволив участвовать в войне против шведов, и в 1704 году, после похода в Галицию, жаловался, что король Август держал его в бездействии, не дал ему способов к оказанию важных услуг русскому царю. — Петр, плененный его умом, познаниями и довольный его службою, благоволил к гетману особенным образом. Он имел к нему неограниченную доверенность, осыпал его милостями, сообщал ему самые важные тайны, слушал его советов. Случалось ли, что недовольные, жалуясь на гетмана, обвиняли его в измене, государь велел отсылать их в Малороссию и судить, как ябедников, осмелившихся поносить достойного повелителя казаков. Еще в конце 1705 года Мазепа писал к Головкину: никогда не отторгнусь от службы премилостивейшего моего государя. В начале 1706 года был он уже изменник.

Несколько раз уже Станислав Лещинский подсылал к Мазепе поверенных своих с пышными обещаниями и убеждениями преклониться на его сторону, но последний отсылал всегда сии предложения Петру. Замыслив измену, повелитель Малороссии почувствовал необходимость притворства. Ненавидя россиян в душе, он вдруг начал обходиться с ними самым приветливым образом; в письмах своих к государю уверял он более, чем когда-нибудь, в своей преданности, а между тем потаенными средствами раздувал между казаками неудовольствие против России. Под предлогом, что казаки ропщут на тягости, понесенные ими в прошлогодних походах и в крепостных работах, он распустил войско, вывел из крепостей гарнизоны и стал укреплять Батурин; сам Мазепа притворился больным, слег в постель, окружил себя докторами, не вставал с одра по несколько дней сряду, не мог ни ходить, ни стоять, и в то время, как все полагали его близким к гробу, он приводил в действие свои намерения: переписывался с Карлом XII и Лещинским, вел по ночам переговоры с присланным от Станислава иезуитом Зеленским о том, на каких основаниях сдать Малороссию полякам, и отправлял тайных агентов к запорожцам с разглашениями, что Петр намерен истребить Сечу и чтоб они готовились к сопротивлению. Гетман еще более начал притворяться по вступлении Карла в

Россию. В 1708 году болезнь его усилилась. Тайные пересылки с шведским королем и письма к Петру сделались чаще. Карла умолял он о скорейшем прибытии в Малороссию и избавлении его от ига русских, и в то же время писал к графу Гавриле Ивановичу Головкину, что никакие прелести не могут отторгнуть его от высокодержавной руки царя русского и поколебать недвижной его верности. Между тем шведы были разбиты при Добром и Лесном, и Карл обратился в Украину. Петр повелел гетману следовать к Киеву и с той стороны напасть на неприятельский обоз; но Мазепа не двигался из Борзны; притворные страдания его час от часу усиливались: 22 октября 1708 г. писал он еще к графу Головкину, что он не может ворочаться без пособия своих слуг, более 10 дней не употребляет пищи, лишен сна и, готовясь умереть, уже соборовался маслом, а 29, явившись в Горках с 5000 казаков, положил к стопам Карла XII булаву и бунчук, в знак подданства и верности.

Что побудило Мазепу к измене? Ненависть ли его к русским, полученная им еще в детстве, во время его пребывания при польском дворе? Любовная ли связь с одною из родственниц Станислава Лещинского, которая принудила его перейти на сторону сего короля? Или, как некоторые полагают, любовь к отечеству, внушившая ему неуместное опасение, что Малороссия, оставшись под

владычеством русского царя, лишится прав своих? Но в современных актах ее не вижу в поступке гетмана Малороссии сего возвышенного чувства, предполагающего отвержение от личных выгод и пожертвование собою пользе сограждан. Мазепа в универсалах и письмах своих к казакам клялся самыми священными именами, что действует для их блага; но в тайном договоре с Станиславом отдавал Польше Малороссию и Смоленск с тем, чтоб его признали владетельным князем полоцким и витебским. Низкое, мелочное честолюбие привело его к измене. Благо казаков служило ему средством к умножению числа своих соумышленников и предлогом для скрyтия своего вероломства, и мог ли он, воспитанный в чужбине, уже два раза опятнавший себя предательством, двигаться благородным чувством любви к родине?

Генеральный судья Василий Кочубей был давно уже в несогласии с Мазепою. Ненависть его к гетману усилилась с 1704 года, после того как сей последний, во зло употребляя власть свою, обольстил дочь Кочубея и, смеясь над жалобами родителей, продолжал с нею виновную связь. Кочубей поклялся отомстить Мазепе; узнав о преступных его замыслах, может быть, движимый усердием к царю, решился открыть их Петру. Согласившись с полтавским полковником Искрою, они отправили донос свой в

Москву, а вскоре потом и сами туда явились; но двадцатилетняя верность Мазепы и шестьдесят четыре года жизни отдаляли от него всякое подозрение. Петр, приписывая поступок Кочубея и Искры личной ненависти на гетмана, велел отослать их в Малороссию, где сии несчастные, показав под пыткой, что их показания ложны, были казнены 14 июля 1708 года в Борщаговке, в 8 милях от Белой Церкви.

А. К (орнилович)

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ВОЙНАРОВСКОГО

Андрей Войнаровский был сын родной сестры Мазепы, но об его отце и детстве нет никаких верных сведений. Знаем только, что бездетный гетман, провидя в племяннике своем дарования, объявил его своим наследником и послал учиться в Германию наукам и языкам иностранным. Объехав Европу, он возвратился домой, обогатив разум познанием людей и вещей. В 1705 году Войнаровский послан был на службу царскую. Мазепа поручил его тогда особому покровительству графа Головкина; а в 1707 году мы уже встречаем его атаманом пятитысячного отряда, посланного Мазепою под Люблин в усиление Меншикова, откуда и возвратился он осенью того же года. Участник тайных замыслов своего дяди, Войнаровский в решительную минуту впадения Карла XII в Украину отправился к Меншикову, чтобы извинить медленность гетмана и заслонить его поведение. Но Меншиков уже был разочарован; сомнения об измене Мазепы превращались в вероятия, и вероятия склонились к достоверности, —

рассказы Войнаровского остались втуне. Видя, что каждый час умножается опасность его положения, не принося никакой пользы его стороне, он тайно отъехал к войску. Мазепа еще притворствовал: показал вид, будто разгневался на племянника, и чтобы удалить от себя тягостного нажидателя, полковника Протасова, упросил его исходатайствовать лично у Меншикова прощение Войнаровскому за то, что тот уехал, не простясь. Протасов дался в обман и оставил гетмана, казалось, умирающего. Явная измена Мазепы и прилучение части казацкого войска к Карлу XII последовали за сим немедленно, и от сих пор судьба Войнаровского была нераздельна с судьбою сего славного изменника и венценосного рыцаря, который не раз посылал его из Бендер к хану крымскому и турецкому двору, чтобы восстановить их противу России. Станислав Лещинский нарек Войнаровского коронным воеводою царства польского, а Карл дал ему чин полковника шведских войск и по смерти Мазепы назначил гетманом обеих сторон Днепра. Однакож Войнаровский потерял блестящую и верную надежду быть гетманом всей Малороссии, ибо намерение дяди и желание его друзей призывали его в преемники сего достоинства, отклонил от себя безземельное гетманство, на которое осудили его одни беглецы, и даже откупился от оногo, придав Орлику 3000 червонных к имени гетмана и

заплатив кошевому 200 червонцев за склонение казаков на сей выбор. Наследовав после дяди знатное количество денег и драгоценных камней, Войнаровский приехал из Турции и стал очень роскошно жить в Вене, в Бреславле и в Гамбурге. Его образованность и богатство ввели его в самый блестящий круг дворов германских, и его ловкость, любезность доставили ему знакомство (кажется, весьма двусмысленное) с славною графиней Кенигсмарк, любовницею противника его, короля Августа, матерью графа Морица де Сакс. — Между тем как счастье ласкало так Войнаровского забавами и дарами, судьба готовила для него свои перуны. Намереваясь отправиться в Швецию для получения с Карла занятых им у Мазепы 240 000 талеров, он приехал в 1716 году в Гамбург, где и был схвачен на улице магистратом, по требованию российского резидента Беттахера. Однакож, вследствие протестации венского двора, по правам нейтралитета, отправление его из Гамбурга длилось долго, и лишь собственная решимость Войнаровского отдаться милости Петра I предала его во власть русских. Он представился государю в день именин императрицы, и ее заступление спасло его от казни. Войнаровский был сослан со всем семейством в Якутск, где и кончил жизнь свою, но когда и как — неизвестно. Миллер, в бытность свою в Сибири в 1736 и 1737 годах, видел

его в Якутске, но уже одичавшего и почти забывшего иностранные языки и светское обхождение.

Такова была жизнь Войнаровского, и нрав его виден в делах. Он был отважен, ибо Мазепа не вверил бы ему многочисленного отряда людей независимых, у коих одни личные достоинства могли скреплять власть; красноречив, что доказывают поручения от Карла XII и Мазепы; решителен и неуклончив, как это видно из размолвки его с Меншиковым; наконец ловок и обходителен, ибо тщеславие не нарекло бы его в Вене графом,¹ если бы любезный дикарь сей не имел тонкости светской; одним словом, Войнаровский принадлежал к числу тех немногих людей, которых Великий Петр почтил именем опасных врагов. Без сомнения, Войнаровский, одаренный сильным характером, которому случай дал развернуться в такую славную эпоху, принадлежит к числу любопытнейших лиц прошлого века — лиц, равно присвоенных истории и поэзии, ибо превратность судьбы его предупредила все вымыслы романтика.

А. Б. (естужев)

¹ В Вене называли его графом.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В стране мятелей и снегов,
На берегу широкой Лены,
Чернеет длинный ряд домов
И юрт¹ бревенчатые стены.
Кругом сосновый частокол
Поднялся из снегов глубоких,
И с гордостью на дикий дол
Глядят верхи церквей высоких;
Вдали шумит дремучий бор,
Белеют снежные равнины,
И тянутся кремнистых гор
Разнообразные вершины...

Всегда сурова и дика
Сих стран угрюмая природа;
Ревет сердитая река,
Бушует часто непогода,
И часто мрачны облака...

Никто страны сей безотрадной,
Обширной узников тюрьмы,
Не посетит, боясь зимы
И продолжительной и хладной.

Однообразно дни ведет
Якутска житель одичалой;
Лишь раз иль дважды в круглый год,
С толпой преступников усталой,
Дружина воинов придет;
Иль за якутскими мехами,
Из ближних и далеких стран,
Приходит с русскими купцами
В забытый город караван.
На миг в то время оживится
Якутск унылый и глухой;
Всё зашумит, засуетится,
Народы разные толпой:
Якут и юкагир пустынной,
Неся богатый свой ясак,²
Лесной тунгуз, и с пикой длинной
Сибирский строевой казак.

Тогда зима на миг единый
От мест угрюмых отлетит;
Безмолвный лес заговорит,
И чрез зеленые долины
По камням Лена зашумит.
Так посещает в подземелье
Почти убитого тоской
Страдальца-узника порой
Души минутное веселье.
Так в душу мрачную влетит
Подчас спокойствие ошибкой
И принужденною улыбкой
Чело злодея прояснит...

Но кто украдкою из дому
В тумане раннею порой
Идет по берегу крутому
С винтовкой длинной за спиной,
В полукафтаны, в шапке черной
И перетянут кушаком,
Как стран Днепра казак проворной
В своем наряде боевом?
Взор беспокойный и угрюмый,
В чертах суровость и тоска,
И на челе его слегка
Тревожные рисует думы
Судьбы враждующей рука.
Вот к западу простер он руки;
В глазах вдруг пламень засверкал,
И с видом нестерпимой муки,
В волненьи сильном он сказал:

«О край родной! Поля родные!
Мне вас уж боле не видать;
Вас, гробы праотцев святыя,
Изгнаннику не обнимать.

Горит напрасно пламень пылкий,
Я не могу полезным быть:
Средь дальней и позорной ссылки
Мне суждено в тоске изныть.

О край родной! Поля родные!
Мне вас уж боле не видать;
Вас, гробы праотцев святыя,
Изгнаннику не обнимать».

Сказал; пошел по косогору;
Едва приметною тропой
Поворотил к сырому бору
И вот исчез в глуши лесной.
Кто ссыльный сей, никто не знает;
Давно в страну изгнанья он,
Молва народная вещает,
В кибитке крытой привезен.
Улыбки не видать приветной
На незнакомце никогда,
И поседали уж приметно
Его и ус и борода.
Он не варнак; ³ смотри: не видно
Печати роковой на нем,
Для человечества постыдной
В чело клейменной палачом,
Но вид его суровой вдвое,
Чем дикий вид чела с клеймом;
Покоен он: но так в покое
Байкал ⁴ пред бурей мрачным днем.
Как в час глухой и мрачной ночи,
Когда за тучей месяц спит,
Могильный огонек горит —
Так незнакомца блещут очи.
Всегда дичится и молчит,
Один, как отчужденный, бродит,
Ни с кем знакомства не заводит,
На всех сурово он глядит...

В стране той хладной и дубравной
В то время жил наш Миллер ⁵ славной;
В укромном домике, в тиши,

Работал для веков в глуши,
С судьбой боролся своенравной
И жажду утолял души.
Из родины своей далекой
В сей край пустынный завлечен
К познаниям страстию высокой,
Здесь наблюдал природу он.
В часы суровой непогоды
Любил рассказы стариков
Про Ермака и казаков,
Про их отважные походы
По царству хлада и снегов;
Как часто, вышедши из дому,
Бродил по целым он часам
По океану снеговому
Или по дебрям и горам.
Следил, как солнце, яркий пламень
Разлив по тверди голубой,
На миг за Кангалацкий камень
Уходит летнею порой.
Всё для пришельца было ново:
Природы дикой красота,
Климат жестокий и суровый
И диких нравов простота.

Однажды он в мороз трескучий
Оленя гнав с сибирским псом,
Вбежал на лыжах в лес дремучий —
И мрак, и тишина кругом!
Повсюду сосны вековые,
Иль кедры в инее седом;
Сплелися ветви их густые

Непроницаемым шатром.
Не видно из лесу дороги...
Через хворост, кочки и снега
Олень несется быстроногий,
Закинув на спину рога,
Вдали меж соснами мелькает,
Летит... Вдруг выстрел!.. Быстрый бег

Олень внезапно прерывает...
Вот зашатался — и на снег
Окровавленный упадает.
Смущенный Миллер робкий взор
Туда, где пал олень, бросает
Сквозь чашу, ветви, дичь и бор,
И зрит: к оленю подбегает
С винтовкой длиною в руке,
Окутанный дахою⁶ черной
И в длинношерстном чебаке,⁷
Охотник ловкий и проворной...
⁶ Дахо — олений мех.

То ссыльный был. Угрюмый взгляд,
Вооруженье и наряд
И незнакомца вид унылой, —
Всё душу странника страшило.
Но трепеща в глуши лесной
Блуждать один, путей не зная,
Преодолея ужас свой
И быстрой полетел стрелой,
Бег к незнакомцу направляя.
«Кто б ни был ты, — он так сказал, —
Будь мне вожатым, ради бога;

Гнав зверя, я с тропы сбежал
И в глушь нечаянно попал;
Скажи, где на Якутск дорога?» —
«Она осталась за тобой,
За час отсюда, в ближнем доле;
Кругом всё дичь и лес густой,
И вряд ли до ночи глухой
Успеешь выбратся ты в поле;
Уже вечерняя пора...
Но мы вблизи заимки⁸ скудной:
Пойдем — там в юрте до утра
Ты отдохнешь с охоты трудной».

Они пошли. Всё глуше лес,
Всё реже виден свод небес...
Погасло дневное светило;
Настала ночь... Вот месяц всплыл,
И одинокий и унылой,
Дремучий лес осеребрил
И юрту путникам открыл.
Пришли — и ссыльный, торопливо
Вошел в угрюмый свой приют;
Вдруг застучал кремнем в огниво,
И искры сыпались на трут,
Мрак освещая молчаливой,
И каждый в сталь удар кремня
В углу обители пустынной
То дуло озарял ружья,
То ратовище пальмы⁹ длинной,
То саблю, то конец копья.
Глаз с незнакомца не спуская,
Близ двери Миллер перед ним,

В душе невольный страх скрывая,
Стоит и нем и недвижим...
Вот, вздув огонь, пришлец суровый
Проворно жирник¹⁰ засветил,
Скамью придвинул, стол сосновый
Простою скатертью накрыл,
И с лаской гостя посадил.
И вот за трапезою сытной,
В хозяина вперяя взор,
Заводит странник любопытной
С ним о Сибири разговор.
В какое ж Миллер удивленье
Был незнакомцем приведен;
И кто бы не был поражен:
Стран европейских просвещенье
В лесах сибирских встретил он!
Покинув родину, с тоскою
Два года Миллер, как чужой,
Бродил бездомным сиротою
В стране забытой и глухой.
Но тут, в пустыне отдаленной,
Он неожиданно, в глуши,
Впервые мог тоску души
Отвести беседой просвещенной.
При строгой важности лица,
Слова, высоких мыслей полны,
Из уст седого пришлеца,
В избытке чувств текли, как волны.
В беседе долгой и живой
Глаза у обоих сверкали;
Они друг друга понимали
И, как друзья, в глуши лесной

Взаимно души открывали.
Усталый странник позабыл
И поздний час и сон отрадный,
И слушать незнакомца жадный.
Казалось, весь вниманье был.

«Ты знать желаешь, добрый странник,
Кто я, и как сюда попал? —
Так незнакомец продолжал: —
Того до сей поры изгнанник
Здесь никому не поверял.
Иных здесь чувств и мнений люди:
Они не поняли б меня,
И повесть мрачная моя
Не взволновала бы их груди.
Тебе же тайну вверю я
И чувства сердца обнаружу;
Ты в родине, как должно мужу,
Наукой просветил себя.
Ты всё поймешь, ты всё оценишь
И несчастливцу не изменишь...»

Дивись же, странник молодой,
Как гонит смертных рок свирепый:
В одежде дикой и простой,
Узнай — сидит перед тобой
И друг и родственник Мазепы!
Я Войнаровский. Обо мне
И о судьбе моей жестокой
Ты, может быть, в родной стране
Слышал не раз, с тоской глубокой.
Ты видишь: дик я и угрюм,

Брежу, как остов, очи впали,
И на челе бразды печали,
Как отпечаток тяжких дум,
Страдальцу вид суровый дали.
Между лесов и грозных скал,
Как вечный узник безотраден,
Я одряхлел, я одичал,
И, как климат сибирский, стал
В своей душе жесток и хладен.
Ничто меня не веселит,
Любовь и дружество мне чужды,
Печаль свинцом в душе лежит,
Ни до чего нет сердцу нужды.
Бегу, как недруг, от людей;
Я не могу снести их вида:
Их жалость о судьбе моей
Мне нестерпимая обида.
Кто брошен в дальние снега
За дело чести и отчизны,
Тому сноснее укоризны,
Чем сожаление врага.

К чему напрасное моленье!
И ты печально не гляди,
Не изъявляй мне сожаленье,
И так жестоко не буди
В моей измученной груди
Тоски, уснувшей на мгновенье.
Признаться ль, странник: я б желал,
Чтоб люди узника чуждались,
Чтоб взгляд мой душу их смущал,
Чтобы меня средь этих скал,

Как привидения, пугались.
Ах! может быть, тогда покой
Сдружился бы с моей душой. . .
Но знал и я когда-то радость
И от души людей любил,
И полной чашею испил
Любви и тихой дружбы сладость.
Среди родной моей земли,
На лоне счастья и свободы,
Мои младенческие годы
Ручьем игривым протекли;
Как легкий сон, как привиденье,
За ними радость на мгновенье,
А вместе с нею суеты,
Война, любовь, печаль, волненье
И пылкой юности мечты.

Враг хищных крымцев, враг поляков,
Я часто за Палеем¹¹ вслед,
С ватагой¹² храбрых гайдамаков,¹³
Искал иль смерти, иль побед.
Бывало, кони быстроноги
В степях и диких и глухих,
Где нет жилья, где нет дороги,
Мчат вихрем всадников лихих.
Дыша любовью к дикой воле,
Бодры и веселы без сна,
Мы воздухом питались в поле
И малой горстью толокна.¹⁴
В неотразимые наезды
Нам путь указывали звезды
Иль шумный ветер, иль курган;

И мы, как туча громовая,
Внезапно и от разных стран,
Пустыню воплем оглашая,
На вражий наезжали стан,
Дружины грозные громили,
Селения и грады в прах,
И в земли чуждые вносили
Опустошение и страх.
Враги везде от нас бежали
И, трепеща постыдных уз,
Постыдной данью покупали
У нас сомнительный союз.

Однажды, увлечен отвагой,
Я, с малочисленной ватагой
Неустрасимых удальцов,
Ударил на толпы врагов.
Бой длился до ночи. Поляки
Уже смешались в рядах,
И строясь дале, на холмах,
Нам уступали поле драки.
Вдруг слышим жрымцев дикий глас...
Поля и стонут и трясутся...
Глядим — со всех сторон на нас
Толпы враждебные несутся...
В одно мгновенье тучи стрел
В дружину нашу засвистали;
Вотще я устоять хотел;
Враги всё боле нас стесняли,
И, наконец, покинув бой,
Мы степью дикой и пустой
Рассыпались и побежали...

Погоню слыша за собой,
И раненый, и изнуренный,
Я на коне летел стрелой,
Страшася в плен попасть презренный.
Уж Крыма хищные сыны
За мною гнаться перестали;
За рубежом родной страны
Уж хутора¹⁵ вдали мелькали.
Уж в куренях¹⁶ я зрел огонь,
Уже я думал — вот примчался!
Как вдруг мой изнуренный конь
Остановился, зашатался,
И близ границ страны родной
На землю грянулся со мной. . .

Один, вблизи степной могилы,¹⁷
С конем издохнувшим своим,
Под сводом неба голубым
Лежал я мрачный и унылый.
Катился градом пот с чела,
Из раны кровь ручьем текла. . .
Напрасно помощь призывая,
Я слабый голос подавал;
В степи пустынной исчезая,
Едва родясь, он умирал.

Всё было тихо. . . Лишь могила
Уныло с ветром говорила.
И одинока, и бледна,
Плыла двурогая луна,
И озаряла сумрак ночи.
Я без движения лежал;

Уж я, казалось, замирал;
Уже, заглядывая в очи,
Над мною хищный вран летал...
Вдруг слышу шорох за курганом
И зрю: покрытая серпяном,
Казачка юная стоит,
Склоняясь робко надо мною,
И на меня с немой тоскою
И нежной жалостью глядит.

О незабвенное мгновенье!
Воспоминанье о тебе,
На зло враждующей судьбе,
И здесь страдальцу упоенье!
Я не забыл его с тех пор;
Я помню сладость первой встречи,
Я помню ласковые речи
И полный состраданья взор.
Я помню радость девы нежной,
Когда страдалец безнадежной
Был под хранительную сень
Снесен к отцу ее в курень.
С какой заботою ходила
Она за страждущим больным;
С каким участием живым
Мои желанья ловила.
Я все утехи находил
В моей казачке черноокой;
В ее словах я негу пил
И облегчал недуг жестокой.
В часы бессонницы моей
Она, приникнув к изголовью,

Сидела с тихою любовью
И, не сводя с меня очей.
В час моего успокоенья
Она ходила собирать
Степные травы и коренья,
Чтоб ими друга врачевать.
Как часто нежно и приветно
На мне прекрасный взор бродил,
И я казачку неприметно
Душою пылкой полюбил.
В своей невинности сначала
Она меня не понимала;
Я тосковал, кипела кровь!
Но скоро пылкая любовь
И в милой деве запылала...
Настала счастья пора!
Подругой юной исцеленный,
С душой, любовью упоенной,
Я обновленный встал с одра.
Не долго мы любовь таили,
Мы скоро жар сердец своих
Ее родителям открыли
И на союз сердец просили
Благословения у них.

Три года молнией промчались
Под кровом хижины простой;
С моей подругой молодой
Ни разу мы не разлучались.
Среди пустынь, среди степей,
В кругу резвящихся детей,
На мирном лоне сладострастья,

С казачкой милою моей
Вполне узнал я цену счастья.
Угрюмый гетман нас любил,
Как дед, дарил малюток милых,
И, наконец, из мест унылых
В Батурин нас переманил.

Всё шло обычной чередой.
Я счастлив был; но вдруг покой
И счастье мое сокрылось;
Нагрянул Карл на Русь войной:
Всё на Украине ополчилось,
С весельем все летят на бой;
Лишь только мраком и тоской
Чело Мазепы обложилось.
Из-под бровей нависших стал
Сверкать какой-то пламень дикий;
Угрюмый с нами, он молчал
И равнодушнее внимал
Полков приветственные клики.

Вину таинственной тоски
Вотще я разгадать старался;
Мазепа ото всех скрывался,
Молчал — и собирал полки.
Однажды позднею порою
Он в свой дворец меня призвал:
Вхожу — и слышу: «Я желал
Давно беседовать с тобою;
Давно хотел открыться я
И важную поверить тайну;
Но наперед заверь меня,

Что ты, при случае, себя
Не пожалеешь за Украину». —

«Готов все жертвы я принести, —
Воскликнул я, — стране родимой;
Отдам детей с женой любимой;
Себе одну оставлю честь».
Глаза Мазепы засверкали,
Как пред рассветом ночи мгла,
С его угрюмого чела
Сбежало облако печали.
Сжав руку мне, он продолжал:
«Я зрю в тебе Украины сына;
Давно прямого гражданина
Я в Войнаровском угадал.
Я не люблю сердец холодных:
Они враги родной стране,
Враги священной старине:
Ничто им бремя бед народных.
Им чувств высоких не дано,
В них нет огня душевной силы,
От колыбели до могилы
Им пресмыкаться суждено.
Ты не таков; я это вижу;
Но чувств твоих я не унижу,
Сказав, что родину мою
Я более, чем ты, люблю.
Как должно юному герою,
Любя страну своих отцов,
Женой, детьми и собою
Ты ей пожертвовать готов...
Но я, но я, пылая мезтью,

Ее спасая от оков,
Я жертвовать готов ей честью.
Но к тайне приступить пора:
Я чту Великого Петра;
Но — покоряся судьбине,
Узнай: я враг ему отныне! . . .
Шаг этот дерзок, знаю я;
От случая всему решение,
Успех не верен, — и меня
Иль слава ждет, иль поношение!
Но я решился: пусть судьба
Грозит стране родной злосчастьем;
Уж близок час, близка борьба,
Борьба свободы с самовластьем!»

Началом бед моих была
Сия беседа роковая!
С тех пор пора утех прошла,
С тех пор, о родина святая,
Лишь ты всю душу заняла!
Мазепе предался я слéпо,
И, друг отчизны, друг добра,
Я поклялся враждой свирепой
Против Великого Петра.
Ах, может, был я в заблуждении,
Кипящей ревностью горя;
Но я в слепом ожесточении
Тираном почитал царя . . .
Быть может, увлеченный страстью,
Не мог я цену дать ему,
И относил то к самовластью,

Что свет отнес к его уму.
Судьбе враждующей послушен,
Переношу я жребий свой,
Но, ах! вдали страны родной,
Могу ль всегда быть равнодушен?
Рожденный с пылкою душой,
Полезным быть родному краю,
С надеждой славиться войной,
Я бесполезно изнываю
В стране пустынной и чужой.
Как тень везде тоска за мною,
Уж гаснет огонь моих очей,
И таю я, как лёд весною
От распалющихся лучей.
Душе честолюбивой бремя
Вести с бездействием борьбу;
Но как ужасно знать до время
Свою ужасную судьбу!
Судьбу — всю жизнь влача в кручине
Тая тоску в душе своей,
Зреть гроб в безбрежной сей пустыне,
Далеко от родных степей...
Почто, почто в битве кровавой,
Летая гордо на коне,
Не встретил смерти под Полтавой?
Почто с бесславием иль славой
Я не погиб в родной стране?
Увы! умру в сем царстве ночи!
Мне так сулил жестокий рок;
Умру я — и чужой песок
Изгнанника засыплет очи!»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Уж было ясно и светло,
Мороз стрелял в глуши дубравы,
По небу серому текло
Светило дня, как шар кровавый.
Но в юрту день не проникал;
Скользя сквозь ветви древ густые,
Едва на окна ледяные
Луч одинокий ударял.
Знакомцы новые сидели
Уже давно пред очагом;
Дрова сосновые дотлели,
Лишь угли красные блестели
Порою синим огоньком.
Недвижно добрый странник внемлет
Страдальца горестный рассказ,
И часто гнев его объемлет,
Иль слезы падают из глаз...

«Видал ли ты, когда весной,
Освобожденная от плена,
В берегах крутых несется Лена?
Когда, гоня волну волной
И разрушая все преграды,
Ломает льдистые громады,
Иль, поднимая дикий вой,
Клубится и бугры вздымает,
Утесы с ревом отторгает
И их уносит за собой,
Шумя, в неведомые степи?
Так мы, свои разрушив цепи,

На глас отчизны и вождей,
Ниспровергая все препоны,
Помчались защищать законы
Среди отеческих степей.

Летая за гремящей славой,
Я жизни юной не щадил,
Я степи кровью обагрил
И свой булат в войне кровавой
О кости русских притупил.

Мазепа с северным героем
Давал в Украине бой за боем.
Дымились кровию поля,
Тела разбросанные гнили,
Их псы и волки теребили;
Казалась трупом вся земля!
Но все усилья тщетны были:
Их ум Петров преодолел;
Час битвы роковой приспел, —
И мы отчизну погубили!
Полтавский гром загрохотал...
Но в грозной битве Карл свирепой
Против Петра не устоял!
Разбит, впервые он бежал;
Вослед ему — и мы с Мазепой.

Почти без отдыха пять дней
Бежали мы среди степей,
Бояся вражеской погони;
Уже измученные кони

Служить отказывались нам.
Дрожа от стужи по ночам,
Изнемогая в день от зноя,
Едва сидели мы верхом...
Однажды в полночь под леском
Мы для минутного покоя
Остановились за Днепром.
Вокруг синела степь глухая,
Луну затмили облака,
И, тишину перерывая,
Шумела быстрая река.
На войлоке простом и грубом,
Главою на седло склонен,
Усталый Карл дремал под дубом,
Толпами ратных окружен.
Мазепа пред костром сосновым,
Вдали, на почерневшем пне,
Сидел в глубокой тишине.
И с видом мрачным и суровым,
Как другу, открывался мне:

«О, как неверны наши блага!
О, как подвластны мы судьбе!
Вотще в душах кипит отвага:
Уже настал конец борьбе.
Одно мгновенье всё решило,
Одно мгновенье погубило
Навек страны моей родной
Надежду, счастье и покой...
Но мне ли духом унижаться?
Не буду рока я рабом;
И мне ли с роком не сражаться,

Когда сражался я с Петром?
Так, Войнаровский, испытаю,
Покуда длится жизнь моя,
Все способы, все средства я,
Чтобы помочь родному краю.
Спокоен я в душе своей;
И Петр и я — мы оба правы;
Как он, и я живу для славы,
Для пользы родины моей».

Замолкнул он; глаза сверкали;
Дивился я его уму;
Дрова треща уж догорали.
Мазепа лег; но вдруг к нему
Двух пленных казаки примчали.
Облокотяся, вождь седой,
Волнуем тайно мрачной думой,
Спросил, взглянув на них угрюмо.
«Что нового в стране родной?» —

«Я из Батурина недавно, —
Один из пленных отвечал;
Народ Петра благословлял
И, радуясь победе славной,
На стогнах шумно пировал.
Тебя ж, Мазепа, как Иуду,
Клянут украинцы повсюду;
Дворец твой, взятый на копье,
Был предан нам на расхищенье,
И имя славное твое
Теперь — и брань, и поношенья!»

В ответ, склонив на грудь главу,
Мазепа горько улыбнулся;
Прилег, безмолвный, на траву .
И в плащ широкий завернулся.
Мы все с участием живым,
За гетмана пылая местию,
Стояли молча перед ним,
Поражены ужасной вестью.
Он приковал к себе сердца:
Мы в нем главу народа чтили,
Мы обожали в нем отца,
Мы в нем отечество любили.
Не знаю я, хотел ли он
Спасти от бед народ Украины,
Иль в ней себе воздвигнуть трон, —
Мне гетман не открыл сей тайны.
Ко нраву хитрого вождя
Успел я в десять лет привыкнуть;
Но никогда не в силах я
Был замыслов его проникнуть.
Он скрытен был от юных дней,
И, странник, повторю: не знаю,
Что в глубине души своей
Готовил он родному краю.
Но знаю то, что, затая
Любовь, родство и глас природы,
Его сразил бы первый я,
Когда б он стал врагом свободы.

С рассветом дня мы снова в путь
Помчались по степи унылой.
Как тяжело волновалась грудь,

Как сердце юное заныло,
Когда рубеж страны родной
Узрели мы перед собой!

В волненьи чувств, тоской томимый,
Я как ребенок зарыдал,
И взявши горсть земли родимой,
К кресту с молитвой привязал.
«Быть может, — думал я, рыдая, —
Украины мне уж не видать!
Хоть ты, земля родного края,
Меня в чужбине утешая,
От грусти будешь врачевать,
Отчизну мне напоминая...»

Увы! предчувствие сбылось:
Судьбы веленьем самовластной
С тех пор на родине прекрасной
Мне побывать не довелось...

В стране глухой, в стране безводной,
Где только изредка ковыль
По степи стелется бесплодной,
Мы мчались, поднимая пыль.
Коней мы вовсе изнурили,
Страдал увенчанный беглец,¹
И с горстью шведов наконец
В Бендеры к туркам мы вступили.
Тут в страшный недуг гетман впал:
Он непрестанно трепетал

¹ Карл XII.

И, взгляд кругом бросая быстрой,
Меня и Орлика он звал
И, задыхаясь, уверял,
Что Кочубея видит с Искрой.

«Вот, вот они! .. При них палач! —
Он говорил, дрожа от страху: —
Вот их взвели уже на плаху,
Кругом стенания и плач...
Готов уж исполнитель муки;
Вот засучил он рукава,
Вот взял уже секиру в руки...
Вот покати́лась голова...
И вот другая! .. Все трепещут!
Смотри, как страшно очи блещут!..»

То в ужасе порой с одра
Бросался он в мои объятья:
«Я вижу грозного Петра!
Я слышу страшные проклятья!
Смотри: блестит свечами храм,
С ками́льниц вьется фимиам...
Митрополит, грозящий взором,
Так возглашает с громким хором:
«Мазепа проклят в род и род:
Он погубить хотел народ!»

То, трепеща и цепенея,
Он часто зрел в глухую ночь
Жену страдальца Кочубея
И обольщенную их дочь.
В страданьях сих изнемогая,

Молитву громко он читал,
То горько плакал и рыдал,
То, дикий взгляд на всех бросая,
Он, как безумный, хохотал.
То, в память приходя порою,
Он очи, полные тоскою,
На нас уныло устремлял.

В девятый день приметно стало
Мазепе под вечер трудней;
Изнеможенный и усталый,
Дышал он реже и слабей;
Томим болезнию своей,
Хотел он скрыть, казалось, муку...
К нему я бросился, взял руку;
Увы! она уже была
И холодна и тяжела!
Глаза остановясь смотрели,
Пот проступал, он отходил...
Но вдруг, собрав остаток сил,
Он приподнялся на постели
И бросив пылкий взгляд на нас:
«О Петр! О родина!» — воскликнул.
Но с сим в страдальце замер глас,
Он вновь упал, головой поникнул,
В меня недвижный взор вперил,
И вздох последний испустил...
Без слез, без чувств, как мрамор
хладный,

Перед умершим я стоял,
Я ум и память потерял,
Убитый грустью безотрадной...

День грустных похорон настал:
Сам Карл, и мрачный, и унылый,
Вождя Украины до могилы
С дружиной шведов провожал.
Казак и швед равно рыдали;
Я шел, как тень, в кругу друзей.
О странник! Все предузнавали,
Что мы с Мазепой погребали
Надежду родины своей.
Увы! последний долг герою
Через силу я отдать успел.
В тот самый день внезапно мною
Недуг жестокий овладел.
Я был уж на краю могилы:
Но жизнь во мне зажглась опять,
Мои возобновились силы,
И снова начал я страдать.

Бендеры мне противны стали,
Я их покинул и летел
От земляков в чужой предел,
Рассеять мрак своей печали.
Но, ах, напрасно! Рок за мной
С неотразимою бедой,
Как дух враждующий, стремился:
Я схвачен был толпой врагов —
И в вечной ссылке очутился
Среди пустынных сих лесов...

Уж много лет прошло в изгнанье.
В глухой и дикой стороне

Спасение и упование
Была святая вера мне.

Я привыкал к несчастной доле;
Лишь об Украине и родных,
Украдкой от врагов моих,
Грустил я часто поневоле.
Что случилось с родиной моей?
Кого в Петре — врага иль друга
Она нашла в беде своей?
Где слезы льет моя подруга?
Увижу ль я своих друзей?
Так я души покой минутной
В своем изгнании возмущал,
И от тоски и думы смутной,
Покинув город неприютной,
В леса и дебри убежал.
В моей тоске, в моем несчастье,
Мне был отраден шум лесов,
Отрадно было мне ненастье
И бури вой, и плеск валов.
Во время бури заглушала
Борьба стихий борьбу души;
Она мне силы возвращала,
И на мгновение, в глуши,
Душа страдать переставала.

Раз у якутской юрты я
Стоял под сосной одинокой;
Буран шумел вокруг меня
И свирепел мороз жестокой;
Передо мной скалы и лес

Грядой тянулись безбрежной;
Вдали, как море, с степью снежной
Сливался темный свод небес.
От юрты вдаль, тальник кудрявый
Под снегом стлался, между гор
В боку был виден черный бор
И берег Лены величавой.
Вдруг вижу: женщина идет.
Дахой убогою прикрыта,
И связку дров едва несет,
Работой и тоской убита.
Я к ней, и что же? .. Узнаю
В несчастной сей, в мороз и вьюгу,
Казачку юную мою,
Мою прекрасную подругу! ..

Узнав об участи моей,
Она из родины своей
Пошла искать меня в изгнание.
О странник! Тяжко было ей
Не разделять со мной страданье.
Встречала много на пути
Она страдальцев знаменитых,
Но не могла меня найти:
Увы! я здесь в числе забытых.
Закон велит молчать, кто я,
Начальник сам того не знает.
Об том и спрашивать меня
Никто в Якутске не дерзает.

И добрая моя жена,
Судьбой гонимая жестокой,

Была блуждать осуждена,
Тая тоску в душе высокой.

Ах, говорить ли, странник мой,
Тебе об радости печальной
При встрече с доброю женой
В стране глухой, в стране сей дальней?

Я ожил с нею; но детей
Я не нашел уже при ней.
Отца и матери страданья
Им не судил узнать творец;
Они, не зрев страны изгнанья,
Вкусили радостный конец.

С моей подругой возвратилось
Душе спокойствие опять;
Мне будто легче становилось;
Я начал реже тосковать.
Но, ах! не долго счастье длилось;
Оно, как сон, исчезло вдруг.
Давно закравшийся недуг
В младую грудь подруги милой
С весной приметно стал сближать
Ее с безвременной могилой.
Тут мне сулил творец узнать
Всю доброту души прекрасной
Моей страдальицы несчастной.
Болезнию изнурена,
С какой заботою она
Свои страданья скрыть старалась;
Она шутила, улыбалась,

О прежних говорила днях,
О падшем дяде, о детях.
К ней жизнь, казалось, возвращалась
С порывом пылких чувств ея;
Но часто, тайно от меня,
Она слезами обливалась.
Ей жизнь и силы возвратить
Я небеса молил напрасно;
Судьбы ничем не отвратить.
Настал для сердца час ужасной!
«Мой друг! — сказала мне она: —
Я умираю, будь покоен;
Нам здесь печаль была дана;
Но, друг, есть лучшая страна:
Ты по душе ее достоин.
О! так, мы свидимся опять!
Там ждет награда за страданья,
Там нет ни казней, ни изгнанья,
Там нас не будут разлучать».
Она умолкла. Вдруг приметно
Стал угасать огонь очей.
И, наконец, вздохнув сильней,
Она, с улыбкою приветной,
Увяла в цвете юных лет,
Безвременно, в Сибири хладной,
Как на иссохшем стебле цвет
В теплице душной, безотрадной

Могильный, грустный холм ея
Близ юрты сей насыпал я.
С закатом солнца я, порою,
На нем в безмолвии сижу

И чудотворною мечтою
Лета протекшие бужу.
Всё воскресает предо мною:
Друзья, Мазепа и война,
И с чистою своею душою
Невозвратимая жена.

О странник! Память о подруге
Страдальцу бодрость в душу льет;
Он равнодушной смерти ждет
И плачет сладостно о друге.

Как часто вспоминаю я
Над хладною ее могилою
И свойства добрые ея,
И пылкий ум, и образ милой!
С какую страстию она,
Высоких помыслов полна,
Свое отечество любила.
С какую живостью об нем,
В своем изгнании роковом,
Она со мною говорила!
Неутолимая печаль
Ее, тягча, снедала тайно;
Ее тоски не зрел москаль;
Она ни разу и случайно
Врага страны своей родной
Порадовать не захотела
Ни тихим вздохом, ни слезой.
Она могла, она умела
Гражданкой и супругой быть,
И жар к добру души прекрасной,
В укор судьбине самовластной,

В самом страданьи сохранить.

.¹

С утратой сей, от бед усталой,

С душой для счастья увялой,

Я веру в счастье потерял;

Я много горя испытал,

Но, тяжкой жизнью недовольной,

Как трус презренный, не искал

Спасенья в смерти самовольной.

Не раз встречал я смерть в боях;

Она кругом меня ходила

И груды трупов громоздила

В родных украинских степях.

Но никогда, ей в очи глядя,

Не содрогнулся я душой;

Не забывал, стремяся в бой,

Что мне Мазепа друг и дядя.

Чтить Брута с детства я привык:

Защитник Рима благородный,

Душою истинно свободный,

Делами истинно велик.

Но он достоин укоризны;

Сограждан сам он погубил:

Он торжество врагов отчизны

Самоубийством утвердил. —

Ты видишь сам, как я страдаю,

Как жизнь в изгнаньи тяжела;

Мне б смерть отрадою была:

Но жизнь и смерть я презираю...

¹ <Точки в подлиннике.>

Мне надо жить; еще во мне
Горит любовь к родной стране, —
Еще, быть может, друг народа
Спасет несчастных земляков,
И, достояние отцов,
Воскреснет прежняя свобода!..»

Тут Войнаровский замолчал;
В лице исчезнул мрак печали,
Глаза слезами засверкали,
И он молиться тихо стал.
Гость просвещенный угадал,
Об чем страдалец сей молился;
Он сам невольно прослезился
И несчастливцу руку дал,
В душе с тоской и грустью сильной
В знак дружбы верной, домогильной.

Дни уходили с быстротой,
Зима обратно налетела
И хладною рукой одела
Природу в саван снеговой.
В пустыне странник просвещенной
Страдальца часто навещал,
Тоску и грусть с ним разделял
И об Украине незабвенной,
Как сын Украины, он мечтал.

Однажды он в уединенье
С отрадной вестью о прощенье
К страдальцу-другу поспешал.
Мороз трещал. Глухой тропею

Олень пернатою стрелою
Его на быстрой нарте мчал.
Уже он ловит жадным взором
Сквозь ветви древ, в глуши лесной,
Кров одинокий и простой
С полуразрушенным забором.

«С каким восторгом сладким я
Скажу: окончены страданья!
Мой друг, покинь страну изгнанья!
Лети в родимые края!
Там ждут тебя, в стране прекрасной,
Благословенье земляков,
И круг друзей с душою ясной,
И мирный дом твоих отцов!»
Так добрый Миллер предавался
Дорогой сладостным мечтам.
Но вот он к низким воротам
Пустынной хижины примчался.
Никто встречать его нейдет.
Он входит в двери. Луч приветной
Сквозь занесенный снегом лед
Украдкой свет угрюмый льет:
Всё пусто в юрте безответной;
Лишь мрак и холод в ней живет.
«Всё в запустеньи! — мыслит

странник. —

Куда ж сокрылся ты, изгнанник?»
И думой мрачной отягчен,
Тревожим тайною тоскою,
Идет на холм могильный он —
И что же видит пред собою?

Под наклонившимся крестом,
С опущенным на грудь челом,
Как грустный памятник могилы,
Изгнанник мрачный и унылый
Сидит на холме гробовом
В оцепененьи роковом:
В глазах недвижных хлад кончины,
Как мрамор лоснится чело,
И от соседственной долины
Уж мертвеца до половины
Пушистым снегом занесло.

К о н е ц

ПРИМЕЧАНИЯ К ПЕРВОЙ ЧАСТИ
„ВОЙНАРОВСКОГО“

1. *Юрта* — жилище диких сибирских обывателей. Они бывают летние и зимние, подвижные и постоянные; бывают бревенчатые, берестяные, иногда войлочные и кожаные.

2. *Ясак* — подать мехами, собираемая с сибирских народов.

3. *Варнак* — преступник, публично наказанный и клейменый.

4. *Байкал* — Святое море или озеро, справедливее Ангарский провал, лежит в Иркутской губернии между 51° и 58° северной широты и между 121° и 127° восточной долготы, считая от острова Ферро. Непостоянные ветры, непрерывные жестокие бури и непроницаемые туманы, особенно в ноябре и декабре месяце бывающие на сем озере, были причиною многих бедствий. Часто во время хорошей погоды ветер неожиданно и мгновенно переменяется, начинается буря, и до того спокойные воды Байкала поднимаются горами, чернеют, пенятся, режут, и всё представляет ужасное и вместе величественное зрелище.

5: В странѣ той хладной и дубравной
В то время жил наш Миллер славной

Миллер — Российский историограф Гергард Фридрих Миллер родился 7 октября 1705 года в Вестфалии. Первое воспитание получил он под надзором отца своего, который был ректором Герфордской гимназии. Тогда еще открывалась в юноше склонность к истории. Он любил по вечерам в семейственном кругу рассказывать братьям и сестрам слышанное того утра о греках и римлянах, с жадностью читал жизни великих мужей древности, и когда Петр I проезжал в 1717 году чрез Герфорд, двенадцатилетний Миллер ушел тайным образом босой из отцовского дома, чтобы иметь случай посмотреть на Великого. На 17 году возраста Миллер отправился в Лейпцигский университет, где довершил свое воспитание под руководством Готшеда, в свое время ученойшего мужа в Германии.

Между тем Петр, окончив войну с Швециею, занялся исключительно водворением просвещения в своем отечестве. Зная, что прежде заведения училищ нужно было образовать учителей, он учредил Академию; и, чтоб достигнуть своей цели, дал ей направление, соответственное своим видам. Все европейские заведения сего рода состоят из ученых людей, которые сочинениями своими обязаны способствовать успеху наук и искусств. С.-Петербургская академия, сверх сей

обязанности, имела другую: образование молодых россиян, которые в свою очередь должны были сообщать приобретенные познания своим соотечественникам. Она была светилом, которого благотворные лучи должны были распространяться во все концы России. Президенту ее Блюментросту поручено было вызвать для сего из Германии ученых, и по его-то приглашению Миллер прибыл в Россию.

Петра I не стало, но намерения его исполнялись: Академия открыла свои заседания 16 декабря 1725 года, и Миллер начал свое поприще в России преподаванием латинского языка, географии и истории в верхнем классе академической гимназии. Познания его, рачительность в исполнении возложенной на него обязанности и точное исполнение порученной ему секретарской должности, во время которой он издал три части Комментариев, заслужили ему всеобщее уважение. В половине 1730 года Миллер произведен был в профессора истории и назначен действительным членом Академии.

Скорое его возвышение поселило зависть в людях, которые хотя уступали ему в познаниях, но полагали, что имеют равные с ним права на почести. Чтоб удалиться от неприятностей, Миллер, под предлогом домашних обстоятельств, поехал в чужие края и во время сего путешествия имел случай оказать услугу Академии, приобретши для

нее нового члена, ученого ориенталиста Кера, который положил основание нынешнему Азиатскому милиц-кабинету при Петербургской Академии Наук.

Новое важное поручение ожидало Миллера по возвращении его в Россию. В это время Петербургская Академия Наук предприняла достойный ее труд. снаряжена была экспедиция для приведения в известность земель, составляющих северную часть Азии. Профессор Делиль-де-ла-Крокер отправлен был для астрономических наблюдений; Гмелин должен был заняться описанием всего, что касалось до естественных наук, а Миллеру поручено было обратить внимание на географию, древности и историю народов, населяющих Сибирь. Путешествие сие, начатое в феврале 1733 года, продолжалось 10 лет. Не будем следовать за ученым исследователем во время его пути, наблюдать с ним вместе обычаи черемисов и вотяков и простые нравы телеутов, тунгузов и якутов, Довольно, если скажем, что он вел подробный журнал всего пути, сам заготовлял карты оному, с точным означением местности каждой страны, составлял исторические и географические описания городов, через которые проезжал, разбирал архивы оных и тщательно выписывал всё, что находил в них для русской истории, срисовывал везде древности, какие ему попадались, и кроме того привез кучу замечаний о нравах, языке и вере

народов, которых посещал. Сие множество трудов и суровый климат Сибири расстроили его здоровье. Он не мог ехать далее Якутска и больной возвратился в Петербург в 1743 году. Здесь к физическим болезням присоединились нравственные. В отсутствие Миллера сделан был президентом Академии Шумахер, человек познаний ограниченных, не прощавший Миллеру его достоинств. Посредственность ненавидит истинное дарование. Шумахер, с завистью смотревший на возвышение Миллера, еще более вознегодовал на него, когда сей возвратился из Сибири, предшествуемый славою, что кончил столь важное для наук поручение. Миллер за десятилетние труды свои получил вместо награды одни неприятности. Он не оспаривал у других права ползать перед сильными, не искал посторонними путями и непозволенными средствами того, чего имел право требовать, не унижал дарований своих, изменяя истине, а потому имел многих неприятелей. Тауберт, Теплов и даже великий наш Ломоносов, ни в чем не терпевший соперников, были врагами Миллера. На полезные труды его не обращали внимания и даже, поверит ли этому потомство, диссертацию о начале русского народа, которую он напечатал на латинском и русском языках и готовился читать в публичном собрании Академии 5 сентября 1743 г., в день именин императрицы, запретили

потому только, что историограф утверждал в ней, будто Рюрик вышел из Скандинавии. Несмотря на сии неприятности, Миллер, любивший науки не из личных видов и движимый любовью к общей пользе, был неусыпен в трудах своих. Казалось, что деятельность его возрастала с препятствиями, какие он встречал на каждом шагу. За работою ученый муж находил утешение от несправедливости людей, которых отзывы не доходили до его кабинета. По званию российского историографа в 1747 г. занимался он составлением сибирской и разными исследованиями по части российской истории и географии, составлял родословные таблицы российских великих князей, исправлял должность конференц-секретаря при Академии и был самым деятельным сотрудником в издании Ежемесячных Сочинений с 1757 по 1764 год.

Со вступлением императрицы Екатерины занялась в России новая заря на горизонте наук. Заслуги Миллера были наконец уважены. По просьбе Ив. Ив. Бецкого, назначен он был в 1763 году директором Московского воспитательного дома, а в 1766, по представлению графа Никиты Ивановича Панина и князя Александра Михайловича Голицына, определен в начальники Московского архива иностранных дел. Никто лучше Миллера не мог исполнять обязанностей, сопряженных с сим местом. Он радовался как дитя, когда получил оное, и по целым суткам

проводил в сем хранилище отечественных хартий, занимаясь приготовлением материалов для российской истории и объяснением встречающихся в оной темных мест. Государыня, быв еще великою княжною, знала Миллера и во время пребывания его в Москве часто призывала его к себе для советов. Миллер был избран Академиею в 1767 году депутатом в Комиссию законов, находившуюся в Москве, и здесь предлагал различные планы для водворения наук и распространения просвещения в России. Когда Комиссия переведена была в С.-Петербург, он получил от императрицы позволение остаться в Москве, и кроме архива иностранных дел занялся, по приказу государыни, разбором архивов Разрядного и Сибирского приказа. Он работал с утра до ночи и жалел только, что ему минуло 63 года и он не будет иметь ни времени, ни силы для исполнения ожиданий монархини и соотечественников. В 1775 году Академия поручила ему написать ее историю от самого ее основания. В том году праздновали 50-летнее ее существование. Миллер, единственный из членов, который находился при ее основании, был свидетелем и участником в том, что в ней происходило во все время ее заседаний, и потому лучше всякого другого мог исполнить сие назначение. Окончив сию работу, он занялся попрежнему извлечениями из архивских бумаг и приготовлениями материалов для русской исто-

рии. Необъятный труд сей занимал последние годы его жизни. Иногда для поправления своего здоровья отвлекал он себя поездками в города, лежащие поблизости Москвы; но и тут, чтоб употребить время с пользою, составлял историческое и географическое описание оных. Миллер скончался в 1783 году, имея 79 лет от роду.

Заслуги Миллера по нашей истории более или менее известны всякому образованному россиянину. Излишне было бы исчислять его сочинения. Здесь прибавим только, что нравственные его качества не уступали его познаниям. Миллер знал, что человек, готовящийся к исправлению других, должен сам собою подавать пример, что в писателе добродетельная жизнь есть лучшее предисловие к его сочинениям. Избрав Россию своим отечеством, он любил ее как родной ее сын, всегда предпочитал ее пользу частным выгодам, никогда не жаловался на оказанные ему несправедливости и везде, где мог, старался быть ей полезным. Никогда не унижал он достоинства своего лестью, искательством; никогда не старался выставять себя: скромность, отличительная черта истинного таланта, и даже некоторая застенчивость составляли главные черты его характера. Многие особы, занимавшие после важнейшие места при дворе Екатерины, обязаны ему своим воспитанием. Он охотно помогал советами молодым людям из россиян или

иностранным писателям, желавшим иметь сведения по части российской истории. В домашнем быту он служил образцом семейственного счастья, был лучшим супругом, лучшим отцом семейства. Он имел многих врагов, которые, завидуя его славе, старались очернить его в глазах современников, но справедливость восторжествовала; обвинения их, внушенные корыстолюбием, были опровергнуты, и Миллер в конце жизни своей имел утешение видеть, что истинное достоинство найдет всегда защитников и почитателей.

6. *Даха* — шуба вверх шерстью, из шкуры дикой козы.

7. *Чебак* — большая теплая шапка с ушами.

8. *Заимка* — вне города место, занятое под частный дом или крестьянский двор с огородом и с другими принадлежностями; словом, русская дача или малороссийский хутор.

9. *Пальма* — так называются в Сибири длинные, широкие и толстые ножи, укрепленные наиболее в березовых, для крепости прокопченных ратовищах, обшитых снаружи кожей. С ними якуты, юкагиры и другие северные народы ходят на лосей, медведей, волков и проч.

10. *Жирник* — ночник с каким-нибудь маслом или жиром, засвечаемый на ночь.

11. *Хвостовский* (Хвостов — местечко в Киевской губернии, Васильковского уезда) —

полковник Симеон Палей, отважный предводитель заднепровских наездников, родился в Борзне и стал славен подвигами около 1690 года. Под рукою гетмана своего Самуся, он как владетельный князь, брал дань с земель по Днестр и Случ, запирал Россию и Польшу от татар, нередко вторгался в орды Буджацкую и Белгородскую и захватил однажды в плен самого салтана. Получал от первых награды, брал от других добычи и выкупы. Очаков не раз видал его истребительный пламень вокруг стен своих. Восстав на поляков за их неправды, он попал в плен, но вырвался из крепкой тюрьмы Магдебургской и сторицею заплатил им за свою неволю, разбив поляков под Хвостовым, под Бердичевом и покорившись России. В 1694 году, с Мокиевским набежав на турок под Очаковом, не вкладывая сабли в ножны, с черниговским полковником Лизогубом вторгся в орду Буджацкую. Добыча и победа увенчали оба предприятия. Удалые промыслы его над поляками перемежались только тогда, когда он громил татар. Он брал и палил польские города и, опустошив край Волыни, овладел Трояновкою. Между тем коварный Мазепа, завистливый к славе, жадный к богатству, недоверчивый к силе Самуся и Палея, своих соперников, старался очернить их в глазах Петра Великого. С наветами представил и доказательства: жадобы Августа, письма Потоцкого и Ябло-

явным изменником государю и передался Карлу XII, в надежде через посредство Любомирских получить гетманство в Малороссии. В следующем году он был отправлен в Москву, а оттоле, по указу государеву, сослан в Енисейск, где целые пять лет томился вдалеке от родины и родных, снедаем тоскою бездействия и неволи. Измена Мазепы открыла глаза Петру, и он посреди забот военных вспомнил об оклеветанном Палее и возвратил ему имущество, чин и свободу. Но как земная власть могла возвратить ему здоровье! Однакож последние дни Палеевой жизни были отрадны для сердца старого воина. Он приехал к войску в день полтавской битвы, сел на коня и, поддерживаемый двумя казаками, явился перед своими. Радостные клики огласили воздух, — вид Палея воспламенил всех мужеством. Старик ввел казаков в дело, и хотя сабля его не могла уже разить врагов, но еще однажды указала путь к победе. Весело было умирать после полтавского сражения: недолго пережил его и Палей от язв, трудов, лет, несчастий и славы.

В характере сего бесстрашного вождя украинцев видны все черты дикого рыцарства. Открыт в дружбе и жесток в мести. Деятелен и сметлив в войне, которая стала его стихиею, — он не менее был искусен и в распорядке дел гетманских, которые велись его головою; ибо Самусь, лишась его, сло-

жил булаву правления. Когда имя Палеево сторожило границу Заднеприн, татары не нарушали ее покоя, и поляки не смели там умничать: Попеременно вождь и подчиненный, он умел повиноваться своеизбранной власти и строго хранить ему врученную; был любим как брат своими товарищами и как отец своими казаками. Когда Мазепа захватил его, то насилу мог взять Белую Церковь и то изменою мещан. «Умрем тут вси, — говорили казаки Палеевы, — а не поддадимся, коли нет здесь нашего батьки». Враг татар за их грабежи, враг поляков за их утеснения, — он в обоих случаях был полезен России, хотя не вполне исполнял ее требования, как воспитанник необузданной свободы. Сын сего неустрашимого воина, по неотступной просьбе старшин Белоцерковского полка, заступил его место.

12. *Ватага* — малороссийское слово, имеет следующие значения: толпа, шайка, стадо, стая; ватага разбитак — шайка разбойников (Котляревский).

13. *Гайдамак* — иногда удалец, иногда разбойник; слово сие, как видно из его корня, взято с татарского языка и в собственном смысле значит бродяга или беглец; посему гайдамаки в Малороссии значат то же, что *ускоки* у славян иллирийских.

14. *Толокно* — мука из пересушенного овса. Известно, что в дальних своих походах, как ныне в *чумакованьи*, то есть поездках

за рыбу и солью, малороссыяне запасались всегда небольшим количеством толокна или гречневых круп для кашицы, которую называют они *кулиш*. Умеренность есть одна из похвальных добродетелей сих простодушных сынов природы. Идучи обозом, они останавливаются в поле, разводят огонь и всем *кошем*, то есть артелью, садятся за кашу, которую варит для них так называемый *кашевар*. Кто едет в осеннюю ночь по степным полям Полтавской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерний, тому часто случается видеть несколько таких огней, мелькающих как звездочки в разных расстояниях на гладкой необозримой равнине.

15. *Хутор* — небольшая деревушка, часто один дом, стоящий среди поля или в лесу, в стороне от жилых мест. Обыкновенно почти таковые хутора строятся при яругах, лесистых оврагах или под прикрытием *чпыжника* (дробнолеска).

16. *Курень* — хижина или землянка, в каковых и поныне еще живут многие черноморские казаки. Несколько таковых куреней состоит под ведением *куренного*, или старшины, назначаемого от начальства.

17. *Курганы* — высокие земляные насыпи, видимые и ныне во многих местах Малороссии и Украины. Курганы сии служили иногда общими могилами на местах столь частых сшибок, бывавших у малороссыян с всегдаш-

ними их врагами, татарами, и во время отторжения их от Польши — с поляками. В таких курганах и поныне при разрытии оных находят кости и волосы человеческие, недотлевшие лоскутки одежд, отломки оружий, старинные монеты, сткляницы и т. п. Иногда же целый ряд таких курганов, идущий на далекое пространство по одному направлению, подобно цепи гор, служил как бы ведетами или подзорными возвышениями для наблюдения за неприятелем. Таких курганов много можно видеть по древним границам Малороссии и Украины с ордою Крымскою, особливо в губерниях Слободско-Украинской и Полтавской.

НАЛИВАЙКО

Отрывки из поэмы

(1). КИЕВ

Едва возникнувший из праха,
С полуразвенчанным челом,
Добычей дерзостного ляха
Дряхлеет Киев над Днепром.

Как все изменчиво, непрочно!
Когда-то роскошью восточной
В стране богатой он сиял;
Смотрелся в Днепр с берегов высоких
И красотой из стран далеких
Пришельцев чуждых привлекал.
На шумных торжищах звенели
Царьградским золотом купцы,
В садах по улицам блестели
Великолепные дворцы.
Среди хазар и печенегов
Дружиной витязей храним,
Он посмевался, невредим,
Грозе их буйственных набегов.
Народам диво и краса:

Воздвигнуты рукою дерзкой,
Легко вносились в небеса
Главы обители Печерской,
Как души иноков святых
В своих молитвах неземных.

Но уж давно, давно не видно
Богатств и славы прежних дней, —
Всё Русь утратила постыдно
Междоусобием князей:

Дворцы, серебро, врата златые,
Толпы граждан, толпы детей, —
Всё стало жертвою Батыея;
Но Гедимин нанес удар;
Прошло владычество татар!
На миг раздался глас свободы,
На миг воскреснули народы...
Но Киев на степи глухой,
Дивить уж боле неспособный,
Под властью ляха роковой,
Стоит, как памятник надгробный
Над угнетенною страной!

⟨ 2 ⟩. ВЕСНА

Блестит весна; ее дыханьем,
Как бы волшебным врачеваньем,
Край утесненный оживлен;
Всё отрясает зимний сон;
Пестреет степь, цветет долина,

Оделся лес, стада бегут,
Тяжелый плуг поселянина
Волю послушные влекут;
Кружится жаворонок звонкой,
Лазурней тихий небосклон,
И воздух чистый, воздух тонкой
Благоуханьем напоен.

Все веселятся, все ликуют,
Весне цветущей каждый рад;
Поляк, еврей и униат
Беспечно, буйственно пируют.
Все радостью оживлены;
Одни украинцы тоскуют
И им не в праздник пир весны.
Что за веселье без свободы.
Что за весна — весна рабов;
Им чужды все красы природы,
В душах их вечный мрак гробов.
Печали облако не сходит
С их истомленного лица;
На души их, на их сердца
Всё новую тоску наводит.
Лазурь небес, цветы полей
Для угнетенных не отрадны,
Рабы и сумрачны и хладны.
Питая грусть в душе своей,
Глядят уныло на детей,
Все радости для них противны,
И песни дев их заунывны,
Как заунывен звук цепей.

(3)

Но Наливайко всех сильней
Томится думою и страждет;
Его душа чего-то жаждет,
Он что-то на сердце таит;
Родных, друзей, семьи бежит,
Один в степи пустынной бродит
Нередко он по целым дням:
Ему отрадно, сладко там,
Он грусть душевную отводит
В беседе там с самим собой,
И из глуши в Чигирин свой
Назад спокойнее приходит.

(4)

Забыв вражду великодушно,
Движенью тайному послушный
Быть может, я еще могу
Дать руку личному врагу;
Но вековые оскорбленья
Тиранам родины прощать
И стыд обиды оставлять
Без справедливого отмщенья —
Не в силах я; один лишь раб
Так может быть и подл и слаб.
Могу ли равнодушно видеть
Порабощенных земляков? ..
Нет, нет! Мой жребий: ненавидеть
Равно тиранов и рабов.

(5). СМЕРТЬ ЧИГИРИНСКОГО СТАРОСТЫ

С пищалью меткой и копьем,
С булатом острым и нагайкой,
На аргамаке вороном
По степи мчится Наливайко.
Как вихорь бурный конь летит.
По ветру хвост и грива вьется,
Густая пыль из-под копыт,
Как облако, во след несется...
Летит... привстал на стремянах,
В туман далекий взоры топит,
Узрел — и с яростью в очах
Коня и нудит и торопит...

Как точка перед ним вдали
Чернеет что-то в дымном поле;
Вот отделилась от земли,
Вот с каждым мигом боле, боле,
И, наконец, на вышине,
Средь мглы седой, в степи пустынной
Вдруг показался на коне
Красивый всадник с пикой длинной.

Казак коня быстрее погнал;
В его очах веселье злое...
И вот — почти уж доскакал...
Копье направил роковое,
Настиг, ударил — всадник пал,
На стремя зацепясь ногою,
И конь испуганный помчал
Младого ляха под собою.

Летит как ястреб витязь вслед;
Коня измученного колет
Или в ребро, или в хребет,
И в дальний бег его неволит.
Напрасно ногу бедный лях
Освободить из стремя рвется —
Летит, глотая черный прах,
И след кровавый остается...

{ 6 }

«Ты друг давно мне, Лобода,
Давно твои я чувства знаю,
Твою любовь к родному краю
Я уважал, я чтил всегда;
Ты ненавидишь, как злодеев,
И дерзких ляхов и евреев;
Но ты отец, но ты супруг,
А уж давно пора, мой друг,
Быть не мужьями, а мужами.
Всех оковал какой-то страх,
Все пресмыкаются рабами
И дерзостно-надменный лях
Ругается над казаками». —

«Ты прав, мой друг, люблю родных;
Мне тяжело видеть их в неволе,
Всем жертвовать готов для них,
Но родину люблю я боле.
Нет, не одна к жене любовь
Мой ум быть осторожней учит,
Нередко дума сердце мучит,

Не тщетно ли прольется кровь?
Что, если снова неудача?
Вот я чего, мой друг, боюсь:
Тогда, тогда святая Русь
Навек страну будет плача».

(7)

Протяжный звон колоколов
В Печерской лавре раздавался;
С рассветом из своих домов
Народ к заутрени стекался.
Один, поодаль от других,
Шел Наливайко. Благовенье
К жилищу мертвецов святых,
И непритворное смирение
В очах яснили голубых.
Как чтитель ревностный закона,
К вратам ограды подойдя,
Крестом он осенил себя
И сделал три земных поклона.
Вот в церкви он. Идет служенье,
С кадильниц вьется фимиам,
Сребром и золотом блещет храм,
И кротко-сладостное пенье
Возносит души к небесам.
В углу, от всех уединенно,
Колени преклоня смиренно,
Он стал. В богатых жемчугах
Пред ним Марии лик сияет;
Об угнетенных земляках
Он к ней молитвы воссылает;

Лицо горит, и, как алмаз,
Как драгоценный перл, из глаз
Слеза порою упадет.
Так для него прошло семь дней;
Часов молитв не пропуская,
Постился он. И вот Страстная.

(8). ИСПОВЕДЬ НАЛИВАЙКИ

Не говори, отец святой,
Что это грех! Слова напрасны:
Пусть грех жестокий, грех ужасный...

Чтоб Малороссии родной,
Чтоб только русскому народу
Вновь возвратить его свободу—
Грехи татар, грехи жидов,
Отступничество униатов,
Все преступления сарматов
Я на душу принять готов.
Итак, уж не старайся боле
Меня страшить. Не убеждай!
Мне ад — Украину зреть в неволе,
Ее свободной видеть — рай! ..

Еще от самой колыбели
К свободе страсть зажглась во мне;
Мне мать и сестры песни пели
О незабвенной старине.
Тогда, объятый низким страхом,
Никто не рабствовал пред ляхом;
Никто дней жалких не влачил

Под игом тяжким и бесславным:
Казак в союзе с ляхом был,
Как вольный с вольным, равный с равным.
Но всё исчезло, как призрак.
Уже давно узнал казак
В своих союзниках тиранов.
Жид, униат, литвин, поляк, —
Как стаи кровожадных вранов,
Терзают беспощадно нас.
Давно закон в Варшаве дремлет,
Вотще народный слышен глас:
Ему никто, никто не внемлет.
К полякам ненависть с тех пор
Во мне кипит и кровь бунтует.
Угрюм, суров и дик мой взор,
Душа без вольности тоскует.
Одна мечта и ночь и день
Меня преследует, как тень;
Она мне не дает покоя
Ни в тишине степей родных,
Ни в таборе, ни в вихре боя,
Ни в час мольбы в церквах святых.
«Пора! — мне шепчет голос тайный: —
Пора губить врагов Украины!»

Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа, —
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?
Погибну я за край родной, —

Я это чувствую, я знаю...
И радостно, отец святой,
Свой жребий я благословляю!»

⟨ 9 ⟩

Веет, веет, повеваает
Тихий ветер с днепровских вод,
Войско храбрых выступает
С шумной радостью в поход.
Полк за полком безбрежной степью
Иль тянутся лесистой цепью,
Или несутся на рысях.
По сторонам на скакунах
Гарцуют удальцы лихие;
То быстро, как орлы степные,
Из глаз умчатся, то порой,
Дразня друг друга, едут тихо,
То вскачь опять, опять стрелой —
И вдоль полков несутся лихо.

Вослед за войском идут вьюки.
Свирелей, труб, суремок звуки
И гарк летящих удальцов,
И шум, и пенье казаков,
Всё Наливайку веселило,
Всё добрым предвещаньем было.

«Смотри, — он Лободе сказал, —
Как изменилось всё. Давно ли
Казак в печали увядал,
Стонал и под ярмом неволи

В себе все чувства подавляя?
Возьмут свое права природы;
Бессмертна к родине любовь,
Раздастся глас святой свободы,
И раб проснется к жизни вновь».

〈10〉. МОЛИТВА НАЛИВАЙКИ

Ты зришь, о боже всемогущий!
Злодействам ляхов нет числа;
Как дуб на теме гор растущий,
Тиранов дерзость возросла.
Я невиновен, боже правый,
Когда здесь хлынет кровь рекой;
Войну воздвиг я не для славы,
Я поднял меч за край родной;
Ты лицемеров ненавидишь,
Ты грозно обличаешь их;
Ты с высоты небес святых
На дне морском песчинку видишь:
Ты проникаешь, мой творец,
В изгибы тайные сердец.

〈11〉

Глухая ночь. Молчит река,
Луна сокрылась в облака.
И Чигирин и оба стана
Обвиты саваном тумана.

Вокруг костров шумят и пьют
Толпами буйные поляки;

Их души яростные ждут,
Как праздника, кровавой драки.
Одни врагов своих клянут,
Другие спорят, те поют,
Тот, богохульствуя, хохочет,
Тот хвалится лихим конем,
Тот саблю дедовскую точит
И дерзостно над казаком
Победу землякам пророчит.
В кунтуше пышном на ковре
Жолкевский спит в своем шатре.

(12). СОН ЖОЛКЕВСКОГО

Над ним летает чудный сон:
В Варшаве площадь видит он;
На ней костер стоит чернея;
В середине столб; палач, бледнея,
Кого-то в саване влечет;
Вослед ему народ толпами
Из улиц медленно идет,
И головы свои несет,
Окровавленными руками
Подняв их страшно над плечами.

Вот неизвестный с палачом
К костру подходит без боязни;
Взошли... безмолвие кругом...
Вот хладный исполнитель казни
Его к столбу уж привязал,
Зажег костер, костер вспыхнул,
И над высокими домами

Понесся черный дым клубами.
Вдруг в небесах раздался глас:
Свершилось всё... на вас, на вас
Страдальца кровь и вопль проклятий.
Погиб, но он погиб за братьей.
Народ ужасно застонал,
Кругом костра толпиться стал,
И, головы бросая в пламень,
Назад в стенании бежал
И упал на хладный камень.
Всё тихо... Только кровь шумит...
Во сне Жолкевский страшно стонет,
Трепещет, молится... вдруг зрит,
Что он в волнах кровавых тонет.
Душа невольно обмерла;
Сон отлетел; в шатре лишь мгла,
Но он, но он еще не знает,
Что в крупных каплях упадет
Иль кровь иль пот с его чела...

⟨13⟩

Меж тем потопленный в туманах,
Казацкий табор на курганах
Спокойно дремлет вдоль реки;
Как звезды в небесах пустынных,
Кой-где чуть светят огоньки;
Вкруг них у коновязей длинных
Лежат рядами казаки.
Напрасно Тясмин быстры воды,

Шумя, в очеретах, струит,
Напрасно вестник непогоды,
Ветр буйный по степи шумит:
Спят сладко ратники свободы,
Их сна ничто не возмутит...

(1824—1825)

ГАЙДАМАК

(Отрывок)

Осенней ночью, близ кургана,
В степи глухой у огонька,
Сидят одни во мгле тумана
Два запорожских казака.
Напрасно зоркие их очи
Сквозь черный мрак угрюмой ночи
Чего-то ищут в дальней мгле;
Вотще они к сырой земле
Свое прикладывают ухо;
Кругом всё сумрачно и глухо:
Молчит река, безмолвен лес,
Ни звездочки среди небес.
Объята черной пеленою,
Как будто вся природа спит,
Лишь, налетая, ветер порою
Сухой ковылью шевелит,
Да кони борзые, на воле
Гуляя, травку щиплют в поле...

«Где запоздал он?.. Уж пора
Ему примчаться. От Днепра
Тут недалеко... Конь надежной:

С ним и в такую ночь никак
С дороги сбиться невозможно;
Удал отважный гайдамак!
Пусть ночь, удвоя черный мрак,
На степь унылую наляжет;
Казак всегда казак: ему
На Запорожье сквозь тьму
Пустынный ветер путь укажет...
Не подстерег ли удальца
В глуши татарин кровожадный?
Ну, что ж? Пусть так: у молодца
Булат с пищалью семипядной.
И в ясный день и в час ночной
Он сам нередко с самопалом
Стрежет врагов в траве густой
Иль рыщет по степи шакалом...

Я хорошо тот помню день,
Когда пришел он в наш курень
И клятву дал быть гайдамаком,
За Сечь свободную стоять
И вечно ненависть питать
И к хищным крымцам и к полякам.
Непринужденный разговор,
Движенья, поступь, гордый взор,
Черты, жупан, — всё род высокой
Изобличало в пришлеце;
Прекрасен гость был черноокой,
Всё нас пленяло в молодце;
Но зрелся след тоски глубокой
На молодом его лице...

Все, полюбя его, ласкали,
Шутили с ним, средь шумных игр:
Но разогнать его печали
Не мог никто... Как юный тигр,
На всех глядел, нахмуря брови,
Был дружбы чужд, был чужд любви,
Летал в пустынях на коне,
И, увядая в тишине,
Он рвался в бой, он жаждал крови...

Сбылось желанье: саранчой
Мы понеслись под Очаков;
И удалством пришлец молодой
В грязь затоптал всех гайдамаков.

Суров и дик и одинок,
Чуждаясь всех, всегда угрюмой,
И ныне бродит, как порок,
В местах глухих он с тайной думой.
Печаль, как черной ночи мгла,
Ему на сердце налегла.
Она, жестокая, тревожит
Его повсюду и всегда;
Ничем, нигде и никогда
Ее рассеять он не может.

Ему несносна тишина;
Без крови вражеской, без боя,
Он будто чахнет средь покоя;
Его душе нужна война:
Опасность, кровь и шум военной
Одни его животворят

И в буре битв покой мгновенной
Душе встревоженной дарят.
Толпой и крымцы и поляки
Не раз гонимы были им;
Как божий гнев, ужасны с ним
В набегах бурных гайдамаки...

В нем не волнуют уже кровь
Младых украинок любовь
И верной дружбы глас приветной;
Давно он ко всему приметно
Остыл бесчувственной душой;
В нем веет холод гробовой:
Она, как хладная могила,
Его все блага поглотила...

Всегда опущены к земле
Его сверкающие очи;
Темнеет на его челе
Какой-то грех, как сумрак ночи.
Еще никто не зрел того,
Чтобы, хотя на миг единый,
Улыбкой сгладились морщины
На бронзовом лице его.
Однажды только, уверяли,
В нем очи радостью сверкали:
То было в замке богача,
Убитого им на Волини,
Где превратил он всё в пустыни,
Как, гнев небесный, саранча;
Где кровь ручьями лил он холодно,
Где всё погибло беспощадно

Иль от огня, иль от меча.
Вотще молила дочь младая,
Вотще у ног лежал магнат:
В грудь старца, воплям не внимая,
Вонзил он с хохотом булат...»

Так говорили меж собою
Про гайдамака-молодца
Два заднепровских удалца...
Меж тем уж начал за рекою
Мерцать на дальнем небе свет,
А запорожца нет как нет.
Несется ночь... и вот зарею
Занялся сумрачный восток,
Сильней зашевелил травую
Передраассветный ветерок;
Уж погасает огонек,
И вьется тонкою струею
Во мгле редеющий дымок...

Вдруг конский топот раздается,
Как шум глухой издалека;
Вот громче, ближе... вот несется.
Конь вороной без седока.
Вот за могилою степною
Своих товарищей узнал,
Помчался к ним, летит стрелою
И, подбежавши, вдруг заржал,
Запрял ушами, и упал
Почти недвижимый, бездыханный...
По шее кровь бежит из раны.
Расколот рыцарский сайдак,

И безобразными клоками,
Обрызган кровью, меж ногами
Висит разорванный чепрак...
Но где же грозный гайдамак,
Краса и слава вольной Сечи?
Погиб... но где, когда и как,
И при какой враждебной встрече?
Быть может, дерзкою толпой
В глуши захваченный в неволю,
В темнице душной и сырой
Клянет в цепях свою он долю;
Иль крымским хищником убит,
В степи пустынной он лежит,
И уже волк во мраке ночи
Терзает труп среди травы,
И из казацкой головы
Орел выклеывает очи...

(1825)

ПАЛЕЙ

(Отрывок из новой поэмы)

Не тучи солнце обступали,
Не ветры в поле бушевали:
Палея, с горстью казаков,
Толпы несметные врагов
В пустынном поле окружали...
Куда укрыться молодцу?
Как избежать неравной драки?
И там и здесь — везде поляки...
По смуглому его лицу
Давно уж градом пот катится;
От меткого свинца валится
С коня казак за казаком...
Уже обхвачен он кругом...
Уж плен ему грозит позорный...
Но вдруг, один, с копьем в руке,
Сквозь густоту толпы упорной
Несется он, как ветер нагорный.
Вот вправо, влево — и к реке.
Коню проворною рукою
Набросил на глаза башлык,
Сам головой к луке приник,
Ударил плетью — и стрелою

Слетел с берегов, отваги полн;
И вот — средь брызгов и средь волн
Исчез в клубящейся пучине...
Бушует ветер, река ревет...
Уж он спокойно на середине
Днепра шумящего плывет.
Враги напрасно мещут стрелы,
Свинец напрасно тратят свой:
Разит лишь воздух он пустой, —
И невредимо витязь смелый
Выходит на берег крутой.
Конь, опененный встрепенулся,
Прочхнулся, радостно заржал;
Палей с насмешкой оглянулся,
Врагам проклятие послал
И в степь глухую ускакал...

(1825)

АГИТАЦИОННЫЕ ПЕСНИ

Б. Ф. РЫЛЕЕВА

И

А. А. БЕСТУЖЕВА

Царь наш, немец прусский,
Носит мундир узкий.

Ай, да царь, ай, да царь,
Православный государь!

Царствует он где же?

Целый день в манеже.

Ай, да царь, ай, да царь,
Православный государь!

Прижимает локти,

Забирает в когти.

Ай, да царь, ай, да царь,
Православный государь!

Судьи все жандармы,

Школы все казармы.

Ай, да царь, ай, да царь,
Православный государь!

Князь Волконский баба,

Начальником штаба.

Ай, да царь, ай, да царь,
Православный государь!

(1823)

Ах, где те острова,
Где растет трын-трава,
Братцы!
Где читают Руселле,
И летят под постель
Святцы.
Где Бестужев-драгун
Не дает карачун
Смыслу,
Где наш князь-чудодей
Не бросает людей
В Вислу.
Где с зари до зари
Не играют цари
В фанты.
Где Булгарин Фаддей
Не боится когтей
Танты.
Где Магницкий молчит,
А Мордвинов кричит
Вольно.
Где не думает Греч,
Что его будут сечь
Больно.
Где Сперанский попов

Обдаёт, как клопов,
Варом.
Где Измайлов-чудак
Ходит в каждый кабак
Даром.

(1824)

Ты скажи, говори,
Как в России цари
Правят.
Ты скажи поскорей,
Как в России царей
Давят.
Как капралы Петра
Провожали с двора
Тихо.
А жена пред дворцом
Разъезжала верхом
Лихо.
Как курносый злодей
Воцарился по ней —
Горе!
Но господь, русский бог
Бедным людям помог
Вскоре,

(1824)

Ах, тошно мнѣ
И в родной стороне;
Всѣ в неволе,
В тяжелой доле,
Видно, век вековать?
Долго ль русский народ
Будет рухлядью господ,
И людьми,
Как скотами,
Долго ль будут торговать?
Кто же нас кабалил,
Кто им барство присудил,
И над нами,
Бедняками,
Будто с плетью посадил?
По две шкуры с нас дерут:
Мы посеем, они жнут;
И свобода
У народа
Силой бар задушена.
А что силой отнято,
Силой выручим мы то.
И в приволье,
На раздолье,
Стариною заживем.

А теперь господа
Грабят нас без стыда,
И обманом,
Их карманом
Стала наша мошна.
Баре с земским судом
И с приходским попом
Нас морочат,
И волочат
По дорогам да судам.
А уж правды нигде,
Не ищи мужик в суде,
Без синюхи
Судьи глухи,
Без вины ты виноват.
Чтоб в палату дойти,
Прежде сторожу плати
За бумагу,
За отвагу
Ты за всё, про всё
давай!
Там же каждая душа
Покривится из гроша.
Заседатель,
Председатель
Заодно с секретарем.
Нас поборами царь
Иссушил, как сухарь;
То дороги,
То налоги
Разорили нас вконец.

А под царским орлом
Ядом потчуют с вином,
И народу
Лишь за воду
Велят вчетверо платить.
Уж так худо на Руси,
Что и боже упаси!
Всех затеев
Аракчеев
И всему тому виной.
Он царя подстрекнет,
Царь указ подмахнет.
Ему шутка,
А нам жутко,
Тошно так, что ой, ой, ой,
А до бога высоко,
До царя далеко,
Да мы сами
Ведь с усами,
Так мотай себе на ус.

(1824)

У ж как шел кузнец
Да из кузницы
Слава!
Нес кузнец
Три ножа
Слава!
Первый нож
На бояр, на вельмож
Слава!
Второй нож
На попов, на святош
Слава!
А молитву сотворя
Третий нож на царя
Слава!

(1824?)

**СТИХОТВОРЕНИЯ,
ПРИПИСЫВАЕМЫЕ РЫЛЕЕВУ**

ПОСЛАНИЕ К А. А. БЕСТУЖЕВУ

По чувствам братья мы с тобой,
Мы в искупленье верим оба,
И будем мы питать до гроба
Вражду к бичам страны родной.
Когда ж ударит грозный час
И встанут спящие народы —
Святое воинство свободы
В своих рядах увидит нас.
Любовью к истине святой
В тебе, я знаю, сердце бьется,
И верно отзыв в нем найдется
На неподкупный голос мой.

**〈НАДШИСЬ
НА КРЕПОСТНОЙ ТАРЕЛКЕ〉**

Тюрьма мне в честь, не в укоризну,
За дело правое я в ней,
И мне ль стыдиться сих цепей,
Когда ношу их за Отчизну.

ПРИМЕЧАНИЯ

Текст настоящего издания печатается по тексту критически проверенного «Полного собрания стихотворений К. Рылеева» под ред. Ю. Г. Оксмана в большой серии «Библиотеки поэта», Л., 1934. Предпоследняя строфа думы «Ольга при могиле Игоря», отсутствующая в названном издании, впервые напечатана по списку П. А. Ефремова в издании «Стихотворений» К. Рылеева в малой серии «Библиотеки поэта», Л., 1938.

Состав настоящего издания стихотворений Рылеева расширен, сравнительно с первым изданием Рылеева в малой серии: дополнительно включено 6 стихотворений, думы, не печатавшиеся самим поэтом, и стихотворения, приписываемые Рылееву. Из числа произведений Рылеева пришлось исключить стихотворение «На смерть К. П. Чернова», которое принадлежит, очевидно, В. К. Кюхельбекеру; об авторстве именно Кюхельбекера до нас дошло авторитетное свидетельство А. Е. Измайлова; авторство Кюхельбекера подтверждается тем, что на могиле Чернова стихотворение пытался прочесть Кюхельбекер, а не Рылеев, находившийся здесь же;

наконец, с именем Кюхельбекера стихотворение впервые было напечатано в зарубежной «Полярной Звезде на 1859 г.», кн. V.

Как и в первом издании «Стихотворений» Рылеева в малой серии «Библиотеки поэта», в настоящем издании — «Думы» и «Войнаровский» печатаются с теми историческими справками и примечаниями, которые сопровождали тексты Рылеева в изданиях, вышедших при жизни автора. Исторические справки к «Бояну», «Богдану Хмельницкому», «Петру Великому в Острогожске» и «Наталье Долгоруковой» написаны самим Рылеевым, а справки ко всем прочим думам — историком и археографом П. М. Строевым. Автор примечаний к «Войнаровскому» — неизвестен, но, возможно, что им был тот же П. М. Строев. Все эти исторические справки и примечания настолько срослись с поэтическим текстом и закреплены более чем вековой традицией переиздания произведений Рылеева, что опускать их нет никаких оснований. Взятые сами по себе эти справки и примечания являются, конечно, совершенно архаическими для современного читателя, но без них произведения Рылеева утратили бы колорит эпохи. Давая исторические справки, выдержанные в рамках официальной историографии своего времени, Рылеев как бы противопоставляет традиционному пониманию исторических деятелей свою собственную трактовку их в духе идей декабристов.

Так Рылеев прославил Ивана Сусанина, разумеется, не просто за спасение царя, как об этом сказано в справке, а за то, что Сусанин, рядовой крестьянин, бесстрашно отдал свою жизнь за спасение всей России, и таким образом, явил собою пример высшей гражданской доблести для будущих поколений.

В примечаниях к «Войнаровскому» следует отметить апологетическое освещение биографии Г. Ф. Миллера, деятельность которого, как исследователя Сибири, особенно привлекала Рылеева. Несмотря на действительные заслуги Миллера, как этнографа и историка Сибири, значение его в русской науке несоизмеримо, конечно, со значением великого Ломоносова: теория норманского происхождения русского государства, которую защищал Миллер, была ошибочна.

СТИХОТВОРЕНИЯ

К в р е м е н щ и к у (Подражание Персевой сатире: к Рубеллию) — первое печатное произведение Рылеева, подписанное его полным именем. Опубликовано в 1820 г.

Временщик — граф А. А. Аракчеев (1769—1834), всеильный фаворит Александра I, организатор и главный начальник военных поселений, ненавидимый передовыми общественными кругами 20-х гг. *Сеян* — префект преторианской гвардии в Риме

(I век н. э.), временщик, составивший заговор против императора Тиберия и задушенный по его приказу. Цицерон Марк Туллий — римский государственный деятель I в. до н. э., знаменитый оратор и писатель; известен своей борьбой против Катилины, посягнувшего на аристократическую республику. Кассий, Гай Лонгин и Брут, Марк Юний — вожди республиканско-аристократического заговора против диктатуры Юлия Цезаря, в 44 г. до н. э. Катон Младший — римский государственный деятель, борец за аристократическую республику и противник Юлия Цезаря; покончил с собой после водворения монархического режима.

А. П. Ермолову. Стихотворение написано летом 1821 г. в связи со слухами о назначении А. П. Ермолова главнокомандующим русскими войсками, которые должны были оказать помощь восставшей Греции. При жизни Рылеева не печаталось.

А. П. Ермолов (1777—1861) — командир Отдельного Кавказского корпуса и главноначальствующий гражданской частью на Кавказе с 1816 по 1827 г.; боевой генерал, популярный в передовых общественных кругах 20-х гг., один из кандидатов Северного общества декабристов в члены будущего Временного правительства.

К К — м у. Адресат стихотворения точно не установлен. Возможно, что это приятель

Рылеева середины 10-х и начала 20-х гг. А. И. Косовский. Стихотворение написано летом 1821 г., во время пребывания Рылеева в Острогожском уезде, перед отъездом в Петербург.

Знамена свободы — греческое восстание 1821 г.; см. примеч. выше.

Послание к Н. И. Гнедичу. Адресат послания Н. И. Гнедич (1784—1833) — переводчик «Илиады» Гомера, поэт, автор поэмы «Рождение Гомера», идейно близкий группе учеников и единомышленников Радищева. Гнедич был связан с декабристскими кругами и являлся одним из самых выдающихся представителей гражданской поэзии начала XIX века.

VII послание Дебрео — послание Буало-Дебрео (1636—1711) к Расину, трактующее о той пользе, которую приносят истинному поэту даже нападки его врагов.

Творец Димитрия, Фингало, Поликсены — В. А. Озеров (1769—1816), сумасшествие и раннюю смерть которого его друзья объясняли интригами А. А. Шаховского, драматурга и руководителя театральной политики начала XIX века. *Простакова* — главное действующее лицо комедии Фонвизина «Недоросль», невежественная и жестокая помещица. *Деспот-кардинал* — Ришелье (1585—1642), первый министр Франции при Людовике XIII, занимавший враждебную позицию

по отношению к Корнелю. По инициативе Ришелье Французская Академия осудила знаменитую трагедию Корнеля «Сид» (1636). *Цинна или милосердие Августа* (1640) — трагедия Корнеля, также имевшая огромный успех. *Юная Пери* — переводная поэма Жуковского «Пери и ангел» (из Т. Мура), опубликованная в 1821 г. и сочувственно принятая даже в кругах, чуждых Жуковскому, за патриотические и свободолюбивые мотивы. *Царица-мать* — Мария Федоровна, мать императора Александра I, в присутствии которой Гнедич читал свой перевод первых глав «Илиады».

Видение. Ода на день тезоименитства е. и. в. великого князя Александра Николаевича, 30 августа 1823 г. О политическом содержании оды см. во вступительной статье.

Антонин — Марк Аврелий Антонин — римский император II века н. э., полководец и философ.

Воспоминания. Стихотворение является подражанием сонету А. Мицкевича «Воспоминание» (1822). Рылеев нарушил форму сонета, но использовал тему и стилистику своего образца.

Гражданское мужество. Предназначенная Рылеевым для «Полярной

Звезды на 1824 г.» и посвященная прославлению Н. С. Мордвинова, ода была запрещена цензурой.

Граф Н. С. Мордвинов (1754—1845) — адмирал, председатель департамента гражданских и духовных дел Государственного совета, аристократ-конституционалист. Мордвинова высоко ценили декабристы и Пушкин (ср. пушкинское обращение к «Н. С. Мордвинову» — «Под хладом старости угрюмо угасал») за его резко враждебное отношение к реакционному курсу внутренней и внешней политики второй половины александровского царствования. Мордвинов был одним из кандидатов Северного тайного общества в члены будущего Временного правительства. *Катоны* — имеются в виду Катон старший, римский полководец и государственный деятель III—II вв. до н. э., знаменитый философ-моралист и оратор, боровшийся с разложением римской республиканской общест-венности, и Катон младший, о котором см. выше. О *Катилине* см. выше. *Аристид* — афинский полководец и государственный деятель VI—V в. до н. э., увековеченный Плутархом, как человек высших гражданских добле-стей. *Ареопаг* — верховный суд в древних Афинах. *Н. И. Панин* (1718—1783) — глава коллегии иностранных дел в первые годы царствования Екатерины II; автор проекта аристократической конституции и лидер дворянской фронды. *Я. Ф. Долгору-*

кий (1639—1720) — сенатор, один из приближенных советников Петра I, известный широтой и независимостью своих взглядов. О *Цицероне* см. выше. И *Брутов* двух — имеется в виду Люций Юний Брут, легендарный организатор римской республики, и Марк Юний Брут — см. о нем выше.

На смерть Байрона. При жизни Рылеева стихотворение не печаталось.

Д.-Н.-Г. Байрон (1788—1824) принимал деятельное участие в борьбе за освобождение Греции от турецкого владычества. Скончался Байрон 7 апреля 1824 г. в лагере под Миссолонгами. Известие о его смерти вызвало ряд поэтических откликов: «К морю» Пушкина, «Смерть Байрона» В. К. Кюхельбекера, «Байрон» И. И. Козлова и др.

Элегии: 1. «Исполнились мои желанья»; 2. «Покинь меня, мой юный друг». При жизни Рылеева стихотворения не печатались. Они относятся, по видимому, к 1824 г. Именно в это время, как рассказывает в своих воспоминаниях декабрист Н. А. Бестужев, Рылеев увлекался «полькой К.», которая якобы оказалась шпионом русского правительства. На элегию «Исполнились мои желанья» оказало влияние стихотворение Пушкина «Я пережил мои желанья».

«Ты посетить, мой друг, желала». При жизни Рылеева стихотворение не печаталось.

«Вере Николаевне Столыпной». Стихотворение написано и напечатано Рылеевым в связи со смертью 7 мая 1825 г. А. А. Столыпина, сенатора, друга Сперанского, близкого кругам будущих декабристов.

В. Н. Столыпина (1790—1834) — дочь адмирала Н. С. Мордвинова (см. о нем выше), приятельница Грибоедова.

Стансы (к А. Бестужеву). Опубликовано в 1824 г. Являются подражанием «Песне» («Отымает наши радости») В. А. Жуковского, в которой Жуковский пересказывает знаменитый романс Байрона «Stanzas for Music».

А. А. Бестужев (1797—1837), которому посвящено стихотворение, — поэт, критик и беллетрист (псевдоним: Марлинский), друг и политический единомышленник Рылеева, издававший совместно с ним «Полярную Звезду». После 14 декабря Бестужев был присужден к 20 годам каторжных работ, замененных после заключения в крепости ссылкой в Сибирь на поселение, а в 1829 г. отправкой рядовым в действующую армию на Кавказ.

А. А. Бестужеву. При жизни Рылеева стихотворение не печаталось.

Суд строгий — замечания Пушкина о «Думах», которые были переданы Рылееву Дельвигом, а затем повторены Пушкиным в письме к самому Рылееву, см. вступ. статью

Гражданин. Стихотворение не было предназначено для печати, а распространялось в нелегальных рукописных копиях.

Брут, Люций Юний — см. о нем выше. *Риэго* — вождь испанской революции 1820 г., казненный 7 ноября 1823 г. за попытку возобновления вооруженной борьбы с королевской властью. Стихотворение широко использовалось в позднейшей революционной литературе. В 1861 г. им начиналась прокламация «К молодому поколению», вышедшая из кругов «Современника» (Н. Г. Чернышевский, Н. В. Шелгунов, М. Л. Михайлов).

ДУМЫ

В настоящем издании печатаются все думы, вошедшие в сборник, изданный Рылеевым в 1825 г., причем композиция этого сборника точно сохранена.

Эвксин — в языке классической поэзии название Черного моря (дословно: Гостеприимное море). *Камилл* — римский полководец VI—V вв. до н. э., известный своими воинскими и гражданскими доблестями. *Вейсман фон Вейсенштейн* О. А. — русский

боевой генерал середины XVIII в., убитый при атаке турецких позиций у дер. Кучук-Кайнарджи 24 июля 1773 г. *Цимисхий* — византийский полководец, занимавший престол под именем Иоанна I с 969 по 976 г.

*Думы, не включенные
в издание 1825 г.*

Вадим. Окончания думы до нас не дошло, а возможно, что оно не было и написано.

Образ *Вадима*, легендарного предводителя восстания новгородских славян против первых варяжских князей, был крайне популярен в русской литературе конца XVIII и начала XIX века (трагедия Я. Б. Княжнина о Вадиме, уничтоженная по приказанию Екатерины II, и др.). К образу Вадима обращался и Пушкин, задумавший сначала трагедию, а затем поэму о Вадиме, оставшуюся незаконченной.

Владимир Святый. Историческая основа думы — летописный рассказ о крещении Руси. Рылеев характеризует князя Владимира как злодея-братоубийцу.

Марфа Посадница. Историческая основа думы — последние дни вольного Новгорода, осажденного войсками Ивана III.

Марфа Посадница — вдова новгородского посадника Исаака Борецкого, страстная противница московского самодержавия и вдохновительница борьбы с ним. Дума не закончена.

Яков Долгорукий. Историческая основа думы — спасение Я. Ф. Долгорукого (см. о нем выше) из плена.

Царевич Алексей в Рождестве. Село Рождествено, Царскосельского уезда, принадлежавшее в начале XVIII века царевичу Алексею, сыну Петра Великого, было расположено недалеко от деревни Батово, родовой усадьбы Рылеева.

Голова Волынского. См. выше думу о Волынском и историческую справку о нем.

ПОЭМЫ

Войнаровский. Поэма вышла отдельным изданием в 1825 г. Примечания были приложены только к первой главе; ко второй главе примечания по неизвестным причинам отсутствовали.

Замысел «Войнаровского» относится к первым месяцам 1823 г. Весь исторический материал, использованный в поэме, был взят Рылеевым из двух последних частей

«Истории Малой России» Д. П. Бантыша-Каменского (М. 1822). Рылеев пользовался также статьями путешественников по Северной Сибири и этнографическими данными о Якутске и его окрестностях в журналах начала 20-х гг. Большое влияние на «Войнаровского» оказали поэмы Байрона, особенно «Мазепа» и «Паризина», а также южные поэмы Пушкина «Кавказский пленник» и «Братья разбойники».

Н а л и в а й к о. При жизни Рылеева было опубликовано только три отрывка этой поэмы: «Киев», «Смерть Чигиринского старосты» и «Исповедь Наливайки». Поэма осталась незавершенной, но в рукописях Рылеева сохранился ее план, на основании которого и размещаются все дошедшие до нас законченные отрывки поэмы.

П л а н

Сельская картина. Нравы Малороссии. Киев. Чувства Наливайки. Картина Украины. Униаты. Евреи. Поляки. Притеснения и жестокости поляков. Смерть Косинского. Смерть старосты. Воспитание народа. Сражение. Наливайко гетман. Новые жестокости поляков. Поход. Сражение. Тризна. Мир. Лобода и Наливайко в Варшаве. Казнь их. Эпilog.

Церковь. Пещеры. Поход казаков. Молитва Наливайки.

Наливайко в темнице. Он может и не хочет бежать.

Отрывки «Наливайки» написаны не раньше самого конца 1824 г. и не позже марта 1825 г. В работе над «Наливайкой» Рылеев пользовался рукописной «Историей Русов или Малой России», автором которой в первой половине XIX века ошибочно считался архиепископ Георгий Кониский. Этой историко-романтической хроникой очень интересовался Пушкин (см. его статью о собр. соч. Г. Кониского, изд. 1835 г.), ее широко использовал в своих повестях Гоголь, а также Шевченко в своих поэмах.

Особую популярность в позднейшей революционной литературе получила «Исповедь Наливайки», распространявшаяся в сотнях нелегальных рукописных копий.

Гайдамак. Опубликовано в 1825 г. В работе над «Гайдамаком» Рылеев испытал влияние поэм Байрона — образ «Гайдамака» родственен байроновским «Гяюру» и «Корсару». В «Гайдамаке» Рылеев использовал также поэтический язык украинских дум, опубликованных в сборнике Н. А. Цертелева «Опыт собрания старинных малороссийских песней» (СПб. 1819).

Палей. Опубликовано в 1825 г. В редакционном примечании к журнальной публикации было обозначено: «Семен Палей Хвостовский, полковник малороссийского войска, удалой наездник, бич поляков, ужас крымцев — был оклеветан Мазепой перед Петром и сослан. После измены Мазепы Палей возвратился к войску и, удрученный летами и болезнью, присутствовал на Полтавском сражении, поддерживаемый двумя казаками». В данном отрывке, так же как в «Гайдамаке», Рылеев использовал поэтический язык украинских дум, известных ему по названному выше сборнику Н. А. Цертелева.

АГИТАЦИОННЫЕ ПЕСНИ

«Царь наш, немец прусский». Написана не позже весны 1823 г., так как князь П. М. Волконский, упоминаемый в песне, с 30 апреля 1823 г. был уже заменен в должности начальника главного штаба И. И. Дибичем.

«Ах, где те острова». Песня написана не позже 1823 г.

Rucelle (Орлеанская девственница) — антицерковная и эротическая поэма Вольтера (1755), запрещенная в России. *Бестужев-драгун* — А. А. Бестужев-Марлинский (см. о нем выше), бывший в то время поручиком.

чиком л.-гв. драгунского полка. *Князь-чудодей* — цесаревич Константин Павлович, главнокомандующий войсками, расположенными на территории Царства Польского. *Танта* — тетка жены и домоправительница Ф. В. Булгарина, известная в литературных кругах 20-х г. под названием «танты». *Где Магницкий молчит* — М. Л. Магницкий (1778—1855), статс-секретарь, в пору реформ 1802—1812 гг. один из ближайших сотрудников Сперанского; впоследствии член Главного правления училищ, осуществлявший реакционную политику в области народного просвещения и руководивший разгромом Петербургского и Казанского университетов. *О Н. С. Мордвинове* см. выше. *Где не думает Греч, что его будут сечь* — Н. И. Греч (1787—1867), журналист и педагог, редактор-издатель «Сына Отечества»; после 14 декабря руководитель (совместно с Ф. В. Булгариным) официозно-рептической «Северной Пчелы». В песне — намек на порку Греча в тайной полиции в 1821 г., о чем долго циркулировали слухи в литературных кругах. *М. М. Сперанский* (1772—1859) — статс-секретарь, ближайший сотрудник Александра I, инициатор государственных реформ, уволенный в отставку и высланный из Петербурга в 1812 г. После возвращения на службу в 1816 г. Сперанский прежнего своего положения не восстановил. Упоминание, что

«Сперанский попов обдаёт, как клопов, варом» связано, вероятно, с религиозно-мистическими настроениями Сперанского в пору александровской реакции. *Измайлов-чудак* — А. Е. Измайлов (1779—1831), журналист, романист и стихотворец, редактор-издатель журнала «Благонамеренный».

«Ты скажи, говори». В песне идет речь о дворцовых переворотах 1762 и 1801 гг. В 1762 г., в результате заговора гвардейских офицеров, произошло свержение Петра III и возведение на престол его жены под именем Екатерины II. Вскоре же по приказу Екатерины Петр III был тайно убит. В 1801 г. (в ночь на 11 марта) в собственной спальне был задушен Павел I («Как в России царей давят»). Заговор проводился при сочувствии сына Павла I, наследника Александра, взошедшего на престол.

Курносый злодей — Павел I.

«Ах, тошно мне». Начальные строки песни являются революционной переработкой романса Ю. А. Нелединского-Мелецкого «Ох, тошно мне на чужой стороне». В песне затронуты наиболее острые и злободневные общественно-экономические вопросы, а также вопросы, связанные с дефектами государственного хозяйства и административного аппарата первой половины 20-х гг. Об актуальности затронутых в песне вопросов можно судить, сопоста-

вив строфы этой песни с высказываниями на аналогичные темы во время следствия и суда над декабристами таких деятелей Тайного общества, как А. А. Бестужев, Г. С. Батеньков, А. И. Якубович, П. Г. Каховский, бар. В. И. Штейнгель и мн. др.; см. книгу А. К. Бороздина «Из писем и показаний декабристов», СПб., 1906.

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ РЫЛЕЕВУ

Послание к А. А. Бестужеву. Стихотворение было положено на музыку и стало знаменитой революционной песней. Эту песню очень любил петь отец Ленина Илья Николаевич, о чем рассказывает в своих воспоминаниях А. И. Ульянова-Елизарова; см. вступ. статью.

Надпись на крепостной тарелке. Декабрист Н. Р. Цебриков, рассказывая в своих воспоминаниях о пребывании в Петропавловской крепости в 1826 г., сообщает: «Раз мне принесли обед... Я принялся рассматривать оловянные тарелки, и на одной из них нашел на обороте очень четко написанные гвоздем последние стихи Рылеева»,

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИЗДАНИЙ СОЧИНЕНИЙ
РЫЛЕЕВА

Думы. Стихотворения К. Рылеева. М. В тип. С. Селивановского. 1825.

Войнаровский. Сочинение К. Рылеева М. В тип. С. Селивановского. 1825.

Думы. Стихотворения К. Рылеева. С предисловием Н. Огарева. Изд. Искандера. Лондон. 1860.

Сочинения и переписка К. Ф. Рылеева. Изд. дочери под ред. П. А. Ефремова. СПб. 1872. (Первое русское легальное издание произведений Рылеева; ср. изд. второе, СПб. 1874).

Сочинения К. Ф. Рылеева, изданные под редакцией М. Н. Мазаева. С биографическим очерком и примечаниями. Ежемесячное приложение к журналу «Север» за ноябрь 1893 г. СПб. Изд. Евг. Евдокимова, 1893.

Полное собрание сочинений К. Ф. Рылеева, выпущенное Г. Балицким. Два тома. М. «Библиотека декабристов», вып. I—1906 и вып. 3—1907. (Очень неполное и низкопробное издание.)

Полное собрание стихотворений К. Ры-
леева. Редакция, предисловие и примечания
Ю. Г. Оксмана. Л. 1934. Большая серия
«Библиотеки поэта». (Научное издание, осно-
ванное на изучении всего рукописного насле-
дия Рылеева и сопровождаемое обширными
комментариями; в издании отсутствует проза
Рылеева и его письма, не входившие в про-
грамму серии «Библиотеки поэта».)

Полное собрание сочинений К. Ф. Ры-
леева. Редакция, вступительная статья и
комментарии А. Г. Цейтлина. М. 1934.
(Издание объединяет, кроме стихотворений,
прозу и письма Рылеева.)

СОДЕРЖАНИЕ

К. Ф. Рылеев. Вступительная статья Н. И. Мордовченко	V
---	---

ПОСЛАНИЯ, ОДЫ, ЭЛЕГИИ

К временщику	3
А. П. Ермолову	5
К К — му. В ответ на стихи, в которых он советовал мне навсегда остаться на Украине	6
Послание к Н. И. Гнедичу	8
Видение. Ода на день тезоименитства е. и. в. великого князя Александра Николаевича	12
Воспоминания	16
Гражданское мужество	18
На смерть Бейрона	22
Элегии.	
1. «Исполнились мои желанья...»	25
2. «Покинь меня, мой юный друг...»	25
«Ты посетить, мой друг, желала...»	27
Вере Николаевне Столыпной	29

Стансы (К А. Бестужеву)	30
Бестужеву.	31
Гражданин	32

ДУМЫ

1. Олег Вещий	37
2. Ольга при могиле Игоря	42
3. Святослав	47
4. Святополк	52
5. Рогнеда	55
6. Боян	68
7. Мстислав Удалый	72
8. Михаил Тверской	76
9. Димитрий Донской	82
10. Глинский	88
11. Курбский	96
12. Смерть Ермака	100
13. Борис Годунов	106
14. Димитрий Самозванец	112
15. Иван Сусанин	118
16. Богдан Хмельницкий	124
17. Артемон Матвеев	131
18. Петр Великий в Острогжске	136
19. Воынский	140
20. Наталия Долгорукова	145
21. Державин	150

Думы, не включенные в издание 1825 г.

Вадим	157
Владимир Святый	159

Марфа Посадница	163
Яков Долгорукий	164
Царевич Алексей в Рождестве	167
Голова Волянского	169

ПОЭМЫ

Войнаровский	175
Примечания к первой части «Войнаровского»	225
Наливайко (Отрывки из поэмы)	
<1> Киев	240
<2> Весна	241
<3> «Но Наливайко всех сильней...»	243
<4> «Забыв вражду великодушно...»	243
<5> Смерть Чигиринского старосты .	244
<6> «Ты друг давно мне, Лобода...»	245
<7> «Протяжный звон колоколов...»	246
<8> Исповедь Наливайки	247
<9> «Веет, веет, повеваает...»	249
<10> Молитва Наливайки	250
<11> «Глухая ночь. Молчит река...» .	250
<12> Сон Жолкевского	251
<13> «Меж тем потопленный в туманах...»	253
Гайдамак (Отрывок)	254
Палей (Отрывок из новой поэмы)	260

**АГИТАЦИОННЫЕ ПЕСНИ К. Ф. РЫЛЕЕВА
и А. А. БЕСТУЖЕВА**

«Царь наш, немец прусский»	265
«Ах, где те острова»	266
«Ты скажи, говори»	268
«Ах, тошно мне»	269
«Уж как шел кузнец»	272

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ РЫЛЕЕВУ

Послание к А. А. Бестужеву	275
Надпись на крепостной тарелке	276
Примечания	277
Список основных изданий сочинений Рылеева	296

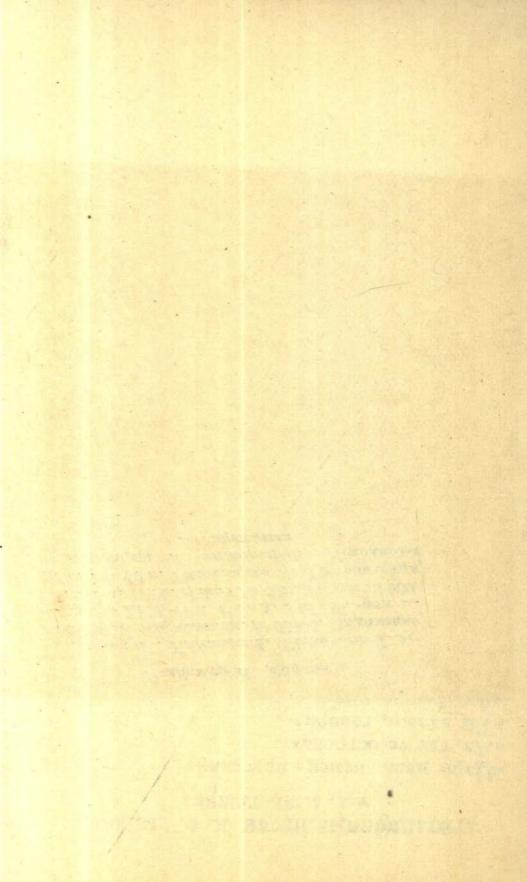
ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует читать</i>
V	8 св.	до прекрасно- душных	да прекрасно- душных
3	11 "	Смеюсь над	Смеюсь мне
68	12 св.	правнуки	правнучки
155	12 "	В несчастьи	В нечестьи
207	11 св.	от плена	из плена
209	11 св.	Шумела быстрая	Шумела в берегах
218	7 св.	судил	судил
222	8 св.	В лице	С лица
244	3 св.	На стремя	За стремя
249	2 "	в печали	с печали
291	5 "	Воспитание	Восстание

К Рылеев. „Стихотворения“.

Редактор В. Друзин

Художник Л. Хижинский. Технический редактор А. Кирнарская. М 00904. Подписано к печати 22 IX-47 г. Печ. л. 2,65. Уч.-изд. л. 9,8. А. л. 11,06. Заказ № 520. Тираж 20 000. Цена 7 р. 50 к. Типография № 3 Управления издательств и полиграфии Исполкома Ленгорсовета

50390/272
①

4-1-30

